

6

1970

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

 Обаго

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Д. БИЛЕНКИН — Город и Волк	2
С. МИХАЙЛОВ — Тридцать сребреников майора Ярдли	25
М. БЕЛЕНЬКИЙ, Л. СКРЯГИН — Один на один с собой	57
Лев КОНСТАНТИНОВ — Срочная команди- ровка	82
Ю. ЛЕОНОВ — Ва-банк	132
Ал. СМЕРНОВ — Дом с привидениями .	153

№ **6** (60)

1970
ДЕСЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

С бархатным протяжным гудением трансвей причалил к платформе. Длинное тело многосекционного вагона замерло. Волк перемахнул через борт ограждения. Когти чиркнули по сибролитовому покрытию, и Волка развернуло, чего он никак не ожидал.

— Надо сходить, как все люди! — укоризненно сказал прохожий, которому он ткнулся в ноги.

В три прыжка Волк пересек платформу и стремительной серой молнией скатился по лестнице.

Внизу нахлынуло столько запахов, что Волк приостановился. Потом, наклонив голову, он размашисто побежал по дорожке, неприятно гладкой и до отвращения прямой.

Город был справа и слева, впереди и сзади, вверху и внизу. Взгляд Волка скользил по массивным, как скалы, или, наоборот, ажурным, точно деревья, конструкциям зданий, пролетов, галерей, арок; без внимания не осталась игла Космической башни, которая возвышалась над скопищем аэрокрыш, виадуков, висячих садов и движущихся лент тротуара. Этот город был незнаком Волку, но взгляд его ничего особенно нового сейчас не находил. Да и не только взгляд — ведь зрение в его жизни не играло исключительной роли: подобно всем волкам, а он был им не только по имени, он в равной мере полагался на слух и обоняние, особенно на последнее. То было заповедное царство, в котором человек чувствовал себя беспомощно. Сель порой чуть не плакала, пытаясь понять, каким образом, например, Волк отыскивал ее в незнакомом и многолюдном городе, а он ничего не мог объяснить, потому что и сам не знал. Когда он искал Сель, его просто влекло куда-то, один район был явно предпочтительней других, но почему? Секрет был не только в тонкости обоняния, а и в чем-то еще, близком, но не тождественном, о чем среди людей давно уже бурлили споры. Вот и сейчас Волк держался избранного направления, уверенный, что оно правильно ведет его к тому месту, где сейчас находится Сель. Само это место, положим, имело весьма расплывчатые очертания, но это не беспокоило Волка — Сель не ждала его раньше заката.

Возле лифта на нижний ярус никого не оказалось. Волка это не смутило. С лифтом он и сам мог справиться. Вскочив в кабину, он встал на задние лапы, дотянулся до пульта и когтями придавил третью снизу кнопку. Дверцы бесшумно сомкнулись, и лифт заскользил. Древний страх западни, как всегда в таких случаях, на мгновение охватил Волка, но тотчас исчез.

На нижнем ярусе было так же светло и тихо, как и на верхних, но лапы Волка ощущали легкое дрожание почвы, когда в подземном горизонте проносились вагоны метро, сцепки контейнеров или пневмогрузы. Люди не считали, что на нижнем ярусе беспокойно, но Волк был иного мнения. Месяц в тундре не прошел даром, и Волку не понравились гул и вибрация. Поэтому он не вскочил на тротуарную ленту, а лавируя среди прохожих, углубился в парк. Бежать здесь было приятней еще и потому, что отсутствовали все эти гладкие, пружинящие зеркальные покрытия, которые великолепно служат людям, но не слишком удобны для лап. Песок куда лучше.

Лань выглянула из-за куста и проводила его долгим взглядом. Волк даже не обернулся. Он уважал законы города, и лань это знала, поэтому не двинулась с места.

— Эй! — услышал он, когда пробегал берегом озера.

Волк замер. С гребня невысокой дюны ему махала девочка лет пяти, другой рукой убирая с лица спутанные пряди волос. Едва Волк остановился, она ринулась по крутизне, оступилась и, взрывая песок, в восторге кубарем слетела вниз.

— Здравствуй, ты почему не отвечаешь? — выпалила она, вставая и отряхивая штанишки.

Ошейник, который был на Волке, ничего общего с настоящим ошейником не имел. То был транслятор, который даже

беззвучные колебания гортани переводил в человеческую речь. Его надо было лишь включить. Волк дважды поднял лапу. Девочка радостно закивала, ее пальцы скользнули по ошейнику.

— Теперь здравствуй, — сказал Волк.

— Здравствуй, — девочка слегка картавила. Ее зеленые, с рыжими крапинками глаза горели нетерпением.

— Мы будем играть в Красную Шапочку, — тотчас заявила она.

— Во что?

Говорил транслятор, и если бы не kloчущее в горле ворчание, которым сопровождалось слова, можно было бы поверить, что зверь владеет человеческой речью.

— Какой же ты непонятливый! — девочка топнула босой ногой. — Мы будем играть в сказку! Красная Шапочка — это такая девочка, она идет в гости к бабушке, а бабушка...

Теперь из транслятора исходило ворчание, ибо он переводил слова ребенка в доступные волку звуко сочетания.

— ...И когда девочка спросила, отчего у бабушки такие зубы, волк, который притворился бабушкой, говорит: «Чтобы съесть тебя!»

— Он съел?

— Не-ет... Появились охотники и...

Волк впервые слышал эту сказку. Он плохо улавливал ее смысл, но она всколыхнула в нем что-то забытое, неприятное, что, замирая, тем не менее передавалось от поколения к поколению, как некая наследственная память о чем-то ужасном, давнем кошмаре, который преследовал волчьи стаи в образе человека с громоносным ружьем. И Волк решительно заматал головой:

— Не хочу. Будем просто играть.

Лицо девочки нахмурилось, словно от набежавшей тени. Но не прошло и секунды, как она уже очутилась на спине Волка, он помчал ее, а потом бережно сбросил, и, когда она с хохотом уцепилась за хвост, обернулся и грозно оскалил зубы. Они долго и самозабвенно возились, боролись, свивались в клубок, барахтались, тормошили друг друга, потому что оба умели наслаждаться игрой.

Гулявший неподалеку старик, замедлив шаг, приставил ладонь козырьком.

— Семьдесят лет, — он покачал головой. — В дни моей молодости... да, в дни моей молодости кто бы подумал, кто бы мог подумать...

Юноша, его спутник, ничего не ответил. Он считал само собой разумеющимся, а потому неинтересным и то, что в центре города волк, сын третьего поколения очеловеченных хищников, играет с ребенком, и то, что этот волк свободно общается с людьми. Идею, которая так поразила современников старика, он находил столь же банальной, как утверждение, что дважды два — четыре. Если мозг пещерного человека биологически равен мозгу человека двадцать первого века, а интеллект, несмотря на это, ушел далеко вперед, то кому же неясно, что и мозг животных может обладать внушительными резервами!

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Просто никто не занимался развитием их интеллекта, да и не умел, а как только сумел...

Доказанное и примелькавшееся всегда банально.

Расставшись с девочкой, Волк почувствовал себя взбодренным. Крутой подъем вскоре вывел его на вершину холма. Космическая башня была видна отсюда как на ладони. Крохотная ракета взмывала более чем на километровую высоту, увлекая за собой kloкочущий огненный столб. Окаменевшее пламя расходилось у основания клубящейся тучей. Он был прост, этот памятник архитектуры конца двадцатого века, но невольно притягивал взгляд, потому что в нем была стремительность, мощь устремленного вверх взрыва, ярость раскалывающей небо молнии. Слух невольно ждал грома и рева, который должен был вот-вот обрушиться.

Вокруг Башни мошкаррой вились реалеты. Волк на мгновение поднял голову. Огнепад пламенел в лучах заходящего солнца. На Волка он не произвел впечатления. Все чересчур огромное, далекое и неподвижное, будь то здание или горы, не имело существенного значения, так как ничем не угрожало и не сулило перемен; оно могло быть или отсутствовать — от этого ничего не менялось. Серый полог на востоке и перистый веер облаков в зените интересовали его куда больше; поскольку эти знаки сулили скорый перелом погоды. Волк привык к безопасности города, впрочем, стихия не пугала его и на воле, но тем не менее его настроение изменилось. Даже людям знакома атавистическая тревога, то беспокойство, которое овладевает перед грозой и бурей. Чувства Волка обострились. Тишина вечера могла обмануть человека, но он читал не только видимые знаки и теперь был уверен, что воздух перестанет быть безмятежным сразу после захода солнца.

Он затрусил быстрей. Ветра не было, но ток запахов усилился. Деревья, травы, цветы пахли иначе, чем час назад. Даже сталь, титан, пластик, спектролит — все те бесчисленные материалы, которые выдумал человек, вели себя иначе.

Все изменения запахов были знакомы Волку, и его сознание не участвовало в их анализе. Внезапное отклонение заставило его затормозить бег.

Пахло чем-то непривычным. Запах не был резок, наоборот, он был чрезвычайно слаб, но ничего похожего Волк не встречал. Совершенно непонятный запах, который не имел отношения ни к городу, ни к природе.

Волк повел носом и, не колеблясь, двинулся к скамейке, где сидел мужчина лет сорока, с лицом смуглым и твердым, как камень. Человек не мигая смотрел на расстилавшийся перед ним город, будто готовясь взять его в свои руки.

— Что уставился, приятель? — внимание человека переключилось столь внезапно, что Волк слегка опешил. — Выгляжу чудачком, да? Верно. Отвык я от этого, — рука обвела горизонт. — Красиво. А ты как считаешь?

— Красиво, — Волк согласился не только из вежливости. Люди считали город прекрасным, и он был того же мнения, хотя его понимание красоты не совпадало с человеческим, ибо он не отделял ее от целесообразности.

— Ладно, все это лирика, — сказал человек. — У тебя ведь есть ко мне какое-то дело. Говори!

Волк был удивлен — незнакомец проявил редкую в общении с животными проницательность.

Прямой вопрос требовал столь же прямого ответа.

— У вас спрятано непонятное.

— Что, что?

Волк улыбнулся, если бы мог. Подсознание человека опередило работу ума. Пока ум терялся в догадках о смысле вопроса, пальцы дрогнули настолько красноречиво, что Волк без труда воссоздал все движение целиком.

— Оно лежит в нагрудном кармане.

— Это? Ты это имеешь в виду?

Человек выхватил прозрачную трубочку, доверху заполненную мелким песком.

— Да.

— Ну и хватка! Может быть, ты даже знаешь, что это такое?

— Да и нет. Песок, но непонятный.

— Верно, где же тебе знать... Этот песок оттуда, — человек ткнул пальцем в небо. — Из космоса, с Сириуса, вот откуда. Дошло? Сатана, мы эту планету назвали Сатаной, такая она мрачная и холодная. Но радужный песок... Бриллианты по сравнению с ним просто шлак. Верно? Гляди, какие переливы...

Космонавт вытащил притертую пробку и высыпал немного песка на ладонь. Мерцание, казалось, заворожило его. Волк чуть не фыркнул, — настолько усилился запах. Кроме запаха, по его мнению, в песке не было ничего особенного, ибо волки не различают цвет. Обыкновенные, матовые, слабо переливающиеся песчинки, только и всего. Со слов людей он знал о существовании какого-то особенного и прекрасного мира красок, но чувств его это никак не задевало. Люди не разбирались в за-

пах, для него не существовало цвета, он привык к тому, что здесь нет и не может быть взаимопонимания.

Наконец человек оторвался от созерцания и, будто вспомнив что-то, недоуменно пожал плечами.

— Как это ты сумел учуять из-под притертой пробки, однако... Быстрым движением он ссыпал песок обратно, задумчиво повертел пробирку, спрятал. Его широкая рука легла на голову Волка, лицо стало сосредоточенным.

— Да, приятель, ты не прост. Но мне пора. Скажу тебе по секрету: как ни прекрасен сатанинский песок, а земной лучше, потому что он земной. Есть еще вопросы? Тогда прощай.

Человек пружинисто встал. Алые отблески заката дробились в бесчисленных гранях города. Космонавт мгновение задержал на нем взгляд, тряхнул головой, словно отгоняя какую-то мысль, потом быстро зашагал по тропинке.

Волк не сдвинулся с места. Запах не исчез с уходом космонавта, очевидно, какая-то песчинка упала на землю. Волк даже мог сказать, где она, хотя и не видел ее. Он лег, положив морду на лапы.

В его голове ворочались смутные мысли. Транслятор был, конечно, величайшим достижением, но он невольно обманывал людей, заставляя их думать (неспециалистов, разумеется), что коль скоро волк изъясняется по-человечьи, то и мыслит он примерно так же, но только хуже. Все было, однако, гораздо сложнее. Волку не были свойственны формализованные логические построения. Отчасти их заменяли сцепления образов, чей ход был непостижим для человека. Тем не менее Волк имел собственное представление даже о космосе, ибо люди много говорили о нем, а он жадно впитывал все их суждения. Образ космоса, сложившийся в его сознании, был весьма далек от реального, и все же он не был абсурден. И сейчас Волк мысленно обращался к нему. Никогда еще ни один запах не казался ему столь странным. Верней, не совсем так. Станным его делало объяснение человека. Человек дал источнику запаха точное название, смысл которого Волку был ясен — песок. Но запах, который источала песчинка, противоречил определению. Будь на месте Волка человек и обладай он нюхом волка, такой человек легко примирил бы противоречие, связав свойства конкретного со свойством такой абстракции, как «иная планета». Но подобное примирение — действительное или мнимое — было для Волка недостижимым, и он не мог избавиться от недоумения.

Он даже засопел, забыв, что транслятор немедленно переведет звуки в возглас: «Ну и ну!»

Слова отрезвили его и напомнили, что пора двигаться. Все же он еще поводил носом вокруг источника проклятого запаха. Если бы его спросили, что его так волнует, он вряд ли смог объяснить. Любопытство и любознательность свойственны животным не меньше, чем человеку. Загадочное привлекает, потому что непонятно его значение, неясно, что оно сулит — хорошее или дурное. А знать это необходимо всякому живому существу. Здесь инстинкт побарывает страх, внушаемый неизвестным. Любопытство Волка было окрашено беспокойством. Всегда лучше предположить, что загадочное — враг. Впрочем, у

Волка это ощущение умерялось давней привычкой к безопасности — с тех пор, как человек стал другом, волкам уже ничего не грозило ни в лесу, ни в городе.

Порыв ветра, упавший с помрачневшего неба, закружил пыль. Крохотный смерч пронесся перед носом Волка и умчал источник запаха.

Волк мигом, как это умеют делать только животные, отключился от прежних размышлений. Раз загадка исчезла, то и нечего о ней думать. Это не было забывчивостью. Волк никогда ничего не забывал: просто бесполезное не стоило внимания. А что может быть бесполезней унесенной ветром песчинки?!

Но школа мышления, которую он прошел у человека, наложила на него неизгладимый отпечаток. Волк знал, что он еще вернется к прерванному раздумью.

А сейчас надо было отыскать Сель. Он побежал, держа направление к востоку от Космической башни. Инстинкт вел его словно по пеленгу. Разыгравшийся ветер ерошил шерсть. Всюду зажглись огни; вдоль стен заскользили стереодинамические картины; вспыхнули цветочные фонтаны; здания сверкали, как драгоценности; город мягко сиял, лучился, улыбаясь сомкнувшейся над ним темноте. Здесь, в его сердце, даже ворчание непогоды казалось исполненным благодушия. Где-то тут недавно проходила Сель, и надо было лишь сыскать нечувствительный, может быть, для ищейки, но не для друга след. Получасовые розыски наконец привели его к искомому дверям.

Волк и Сель расставались часто, потому что Волк не мог долго жить в городе, вне стаи, но от этого их дружба не слабела. Сель была зоопсихологом, но Волк для нее существовал не как объект изучения. Не был и домашним зверем, вроде собаки, чью привязанность можно завоевать мимолетной лаской. Сель видела в нем личность столь же глубокую, как и она сама, товарища, которого любят, не задавая вопросов «почему?» и «отчего?».

Поэтому встреча была, как всегда, бурной и нежной.

Как только они поужинали, Сель сказала:

— Поговорим об интересном?

То были их любимые вечерние минуты, когда с делами покончено, в комнате тихо, как на необитаемом острове, и нет ничьих глаз, кроме глаз человека и зверя.

Сель забралась с ногами на диван, Волк устроился рядом. Сель смячила свет лампы. Пальцы девушки тонули в густой шерсти Волка. Ни один звук не проникал снаружи.

Спешить было некуда. Обычно в такие минуты Волк рассказывал о том, что привлекло его внимание, удивило или озадачило, потом Сель говорила о своих делах, потом они просто болтали, и мало что так привлекало Сель, как вот такое неторопливое погружение в мир чужого сознания.

Так же было и в этот раз. Волк, который не страдал последовательностью, говорил отрывисто, перебрасываясь с воспоминания на воспоминание. Сель больше молчала. В черных продолговатых зрачках зверя трепетал отблеск лампы; на мгновение приоткрывался влажно мерцающий ряд клыков, и дыхание Волка касалось лица Сель. Она немного отвыкла от Волка,

и порой ее охватывало чувство нереальности, особенно когда в зрачках туманно отражалась она сама. Казалось, что можно наклониться и заглянуть в зрачок, как в колодец, чтобы увидеть на дне саму себя именно такой, какой она видится сознанию Волка — в том двойственном мире зазеркалья, куда она стремится и не может проникнуть.

— Может стать живым мертвое?

— Что, что? — очнулась Сель.

— Сегодня в городе учуял знакомое. Мертвое. Оно лежало в кармане человека. Я спросил. Человек показал песок, сказал: песок. Ушел. Песчинка упала. Стала живой.

— Песок всегда мертвый.

— Знаю. Поэтому странно.

— Ничего не понимаю! Откуда ты взял, что песчинка ожила? Она что — стала двигаться?

— Нет. Она быстро пахла.

— Ну и что?

— Мертвое медленно меняет запах. Растение быстрее. Животное совсем быстро, когда взволновано.

— В самом деле?

— Да.

— И по скорости изменения запаха можно отличить камень от дерева, сталь от бабочки?!

— Да.

— Волк, ты никогда мне об этом не говорил!

— Ты не спрашивала.

— Это очень-очень интересно! Дальше, Волчишка, дальше!

— Почему песчинка стала живой?

— Да не могла она стать живой!

— Она стала.

Сель приподнялась. Ей показалось, что в глазах Волка мелькнула укоризна: почему она так медленно соображает?

— Давай, Волчишка, по порядку, — твердо сказала Сель. — Ведь не всегда ясное мне ясно тебе и очевидное для тебя понятно мне. Итак, ты бежал по городу...

— Да.

— И учуял песок, который лежал в кармане человека. С каких пор ты стал обращать внимание на обыкновенный песок? — Незнакомый запах. Человек объяснил, что песок из космоса.

— Из космоса?! Тогда ясно. Нет, нет, о чем это я? Решительно ничего не понимаю. Как он выглядел?

— Человек?

— Песок!

— Как песок.

— И он был мертвый?

— Да.

— А когда песчинка упала...

— Она пахла, как живая.

— Ты об этом сказал человеку?

— Он ушел.

— Песчинка шевелилась?

— Нет.

— И все-таки стала живой?

— Да.

— Кто был этот человек?

— Он из космоса. С Сириуса.

— Это он тебе сказал?

— Да.

— Человек знает, что его песок из мертвого может делаться живым?

— Он сказал: это песок. Очень красивый. Он не сказал: это живое. Ты почему волнуешься?

— Потому что... Волк, ты не ошибся?

— Я не мог ошибиться.

— Да, да, знаю... И все-таки невероятно... Давай минутку помолчим.

Сель задумалась. Ее темные глаза стали еще более темными. Она оставалась неподвижной, но Волк словно бы видел ее бегущей. Это его беспокоило, потому что он не мог взять в толк причину, однако он понимал, что сейчас ему лучше ни о чем не спрашивать. Сель порывисто вскочила. Как была босиком, подбежала к информу.

— Снимки участников сириусской экспедиции, — сказала она в микрофон.

Спустя несколько секунд на экране информма возникло чье-то лицо.

— Он? — Сель обернулась к Волку.

— Нет.

— Этот, этот?

По экрану заскользили лица.

— Да, — наконец сказал Волк.

— Все сходится...

— Ты мне не объяснила, — решил напомнить Волк.

— Подожди, Волчишка...

Палец дважды замер над кнопкой, прежде чем ее нажать.

— Вызываю Борка, геолога сириусской экспедиции. Скорей всего он здесь, в городе. Передайте ему... — Сель запнулась. — Вызов экстренный.

Волка не удивило ни то, что Сель разговаривает с неодушевленным предметом, ни то, что этот предмет отыскивает человека, который находится неизвестно где. Он этого не понимал, но он к этому привык и относился к предметам типа информма так же, как к дождю и снегу, — раз они существуют, надо к ним приравниваться. Но в поведении Сель, в словах и движениях он улавливал растущую тревогу и на всякий случай подобрался, чтобы быть наготове.

Минуты три прошло в молчании. Наконец стена, противоположная той, возле которой лежал Волк, протаяла, и комната как бы соединилась с другой, более просторной и ярко освещенной. Сидевший за столом человек поднял голову. Увидев девушку, он встал, и они оказались друг напротив друга — сдержанный порыв волнения и твердая осанка незыблемой уверенности.

— Извините, если окажется, что я зря побеспокоила вас, — быстро проговорила Сель. — Перейду к делу. Тот песок, который вы сегодня показывали Волку, еще у вас?

— Какому волку? — космонавт, не опуская взгляда, смотрел на Сель.

— Вот он.

— А, мой серый приятель! Теперь припоминаю. А в чем, собственно, дело?

— Это действительно песок?

— И даже очень красивый. — Борк медленно улыбнулся. — Показать?

Он вынул из стола знакомую Волку трубочку.

— Прелестен, правда?

— Это точно песок? Не колония живых организмов?

— Нет, конечно! Откуда такая мысль?

— Он прошел карантин?

— Разумеется! Простите, я все еще не понимаю...

— Возможно, это не совсем песок.

Улыбка Борка погасла. Он ждал.

Сель коротко пересказала все, что знала.

— Не хочу обидеть нашего серого друга, — в голосе Борка прозвучала ирония. — Согласитесь, однако, что...

— Волк никогда не ошибается в фактах, — резко сказала Сель. (Брови Борка поднялись.) — Он может ошибаться в выводах. Но если он говорит, что песчинка повела себя подобно живому организму, то так оно и есть.

— Трудно спорить с убежденностью. Допустим, мой диагноз неверен. Но неужели вы думаете, что сотрудники Карантина не отличат минерал от живого организма?

— Плесень... — тихо сказала Сель.

— Да, плесень. — Уверенность на мгновение покинула Борка. — Нет, не тот случай. — Его голос снова был тверд.

— Вы не хотите верить?

— Я не могу верить. Этот песок живой?! — Борк потряс пробирку. — Простите меня, но фантазия животных...

— Фантазия у них, к сожалению, развита слабо, — голос Сель прозвучал сухо. — Волк, это песок или нет?

— Не чую его.

— Ах да! Борк, это будет большим нахальством с моей стороны, если я все-таки попрошу вас приехать?

— Чтобы ваш зверь вынес свой приговор?

— Дело же не в этом!

— Вы правы. — Борк сделал шаг, и выражение его лица переменилось. — Извините, я забыл, что выстрелить может и сухая палка. Где вы находитесь? Буду через семь минут.

Комната Борка исчезла.

Сель вздохнула. Ее рука опустилась на голову Волка.

— Нам не верить, Волчишка... Да я и сама себе не верю.

— Объясни!

— Ты вряд ли поймешь. Я и сама не очень-то понимаю. В космосе, видишь ли, встречаются очень необычные формы жизни. Причудливые, странные... Поэтому все, что попадает оттуда на Землю, подвергается строжайшей проверке. Особенно живое. Не всегда живое опасно, чаще оно безвредно. Но однажды сквозь контроль проскочила плесень. Давно, тогда тебя не было. Началось страшное, мы с трудом справились. Надеюсь, что на этот раз...

— Я не хотел пугать.

— Знаю, знаю. Все объяснится скорей всего очень просто, и я, верно, ошибаюсь. А вот и Борк... Входите!

Борк энергично пожал протянутую ему руку, кивнул Волку и без лишних слов откупорил пробирку. У него был вид чело- века, который твердо решил ничему не удивляться.

— Что скажешь, Волк? — голос Сель дрогнул.

— Оно пахнет живым.

— Как! Ты же говорил...

— Тогда был песок. Сейчас нет.

Борк нахмурился. Он долго и испытующе смотрел на Волка, словно надеясь так уличить его в обмане. Потом, ни слова не говоря, взял чистый лист бумаги, отсыпал на него немного песка, достал микроанализатор. Вспыхнуло едва видимое облачко. Взглянув на шкалу прибора, Борк повернул ее к Сель.

— Видите?

— Эти цифры мне ничего не говорят.

— Они говорят о химическом составе. Они говорят о строе- нии объекта. И то и другое свидетельствует, что это минерал.

— Но Волк...

— Послушайте. Вы зоопсихолог. Вы прекрасно знаете, что одиночных видов живых организмов не существует и существо- вать не может. А планета, откуда доставлен песок, мертва, как льдышка.

— Но в льдышке, случается, спят даже высокоорганизованные существа.

— Верно. Но если бы вы видели эту планету... Насколько я по- нял, для Волка живое от неживого отличается, так сказать, ча- стотой запахаизлучения. Так?

— Да.

— По дороге я все обдумал. Отличие этого минерала от зем- ных, помимо состава и структуры, в том, что ему присуща быст- рая смена запахочастот. Вот и все. Вы разочарованы?

Сель покраснела.

— Наоборот, вы должны гордиться, — сказал Борк, словно оправдываясь. — Минерал я вез к Орцеву в университет. Но даже Орцев не скоро бы обратил внимание на это его свойство. Вас беспокоит еще что-то?

— Пустяки, — Сель нехотя улыбнулась. — Сначала для Волка мертвым был весь песок...

— Ясно, ясно. На запах, по словам нашего серого аналитика, влияет смена погоды. Так? Сейчас надвигается гроза.

— Вы всегда так логичны?

— К сожалению. Боюсь, что это неизлечимо.

— Почему «к сожалению»? Волк, давай извинимся за бес- покойство...

— И забудем этот глупый эпизод. А если я рад, что таким образом познакомился с вами?

— А песок и в самом деле красив, — Сель нагнулась к сто- лу, как бы не слыша слов Борка. — Какие отсветы... Они играют, дышат в каждой песчинке. Знаете, чем камень жив? Светом.

— Точно! В темноте камень мертв. Дерево — нет, живот- ное — тем более, а камень — да. В этом смысле наши пред-

ставления, пожалуй, схожи с представлениями четырехлапых умниц. Интересно, что он сейчас обо мне думает?

— Спрашивать его об этом не стоит.

— Почему?

— Большинство людей до сих пор уверено, что животные смотрят на них как на божество. Уверяю вас, ни одно животное на нас так не смотрит.

— Я не принадлежу к числу таких людей.

— А ваше самолюбие не пострадает, если Волк даст вам не слишком лестную характеристику? — спросила она, не отводя взгляда от мерцающих песчинок.

— Я ее заслужил?

— Надеюсь, что нет. Впрочем, спросите у Волка.

Борк смущенно пригладил волосы.

— И спрошу, — сказал он решительно.

Возглас Сель оборвал фразу.

— Смотрите, Борк!

Слова прозвучали, как осколки разбитого фарфора. Обернувшись, Борк мигом схватил то, что видела Сель, то, на что указывал ее дрожащий палец.

— Вам показалось...

— Они шевелятся, — вдруг подтвердил Волк.

И люди, отпрянув от стола, уставились на него, одинаково не похожие на тех, кем они были только что.

— Песчинки давно шевелятся.

Секунду все были неподвижными, затем повелительный жест Борка остановил рванувшуюся Сель. Шевеление некоторых откатившихся от общей массы песчинок было теперь так же ясно для человеческого глаза, как и для взгляда Волка.

— Они делаются, — голос Сель дрогнул. — Вот! И вот...

— Спокойно.

Точным и быстрым движением Борк ссыпал песок в пробирку. Источник зловещего мерцания исчез в кармане, и Сель стало легче, словно со стола убрали гадюку.

— Все, — слегка задыхаясь, сказал Борк. — Все, — повторил он, как бы убеждая себя и других. — Возможно, нет ничего опасного. Допустимы любые другие объяснения. Ничего не случилось — они заперты.

— Не все! — воскликнула Сель.

— A-al

— Та единственная песчинка...

— Пустое. Найдем.

— Ее сдул ветер, — сказал Волк.

— Так, так... — Рука Борка медленно потянулась к информу.

— Это бесполезно! — остановила его Сель. — Легче найти... не знаю что.

— Знаю, но другого выхода нет.

— Есть. Волк!

— Здесь!

— Да, да, ты здесь... Волчишка, милый, ты можешь учуять ту песчинку? Можешь, можешь?

— Послушайте, Сель!

— Борк, если кто сможет отыскать, так это Волк.

— Да, — сказал Волк. — Найду, если она здесь.

— И все-таки... — Борк колебался.

— Спешите в лабораторию.

— Вы действительно уверены...

— Я знаю Волка.

— Тогда с ним пойду я! У меня ноги крепче.

— Но вы не понимаете Волка так, как я. Идите!

— Ладно, одно не мешает другому. В конце концов город можно закрыть на карантин. Не теряйте связи!

...На верхней площадке здания хозяйничал ветер. Его тугая масса налетала холодными гулкими порывами. Сель пронизал озноб. В клубящихся ущельях туч нервно мигали звезды. Пылающий меч Башни рассеивал вокруг себя тревожный отблеск. У горизонта в брюхе черных громад трепетали бледные, пока еще беззвучные молнии.

Ноздри Волка жадно втягивали ветер. Запахи мелькали подобно строчкам быстро листаемой книги. Фоном был далекий аромат лугов и перелесков. Среди городских запахов ярче всех выделялись тягучие испарения смазок, кисловатые запахи металла, царапающие, с сухим привкусом стекла ароматы полимеров. Ветер нес тысячи оттенков, и нос Волка ловил их, точно локалтор. Ветер и помогал и мешал. Помогал, потому что раздувал пламя запахов и нес их за километры; мешал, потому что создавал путаницу, рвал слабые токи. К счастью, он менял направление и порой замирал, так что Волк мог обнюхивать город, как бы паря над ним. Сель стояла рядом, натянутая, как струна.

Конечно, она понимала, что Борк предпримет все возможное. Будут доставлены и пущены по следу овчарки. Немедленно будут откалиброваны на новый запах и использованы все лабораторные анализаторы. Но она также знала, что ни один аппарат не сравнится в чуткости с Волком и ни одна овчарка не возьмет след так, как это сделает Волк, который понимает — хотя, может быть, иначе, чем люди, — цель поисков. Кроме того, сейчас все решали часы и даже минуты.

Ловя подозрительные струи, Волк то и дело срывался с места. Казалось, он играет с невидимыми в темноте бабочками. Но иногда он подолгу замирал.

Город внизу сверкал даже ярче, чем когда-либо. Огни сильно и беспокойно мерцали в беспокойном воздухе. От ветра шерсть Волка вставала дыбом и ходила волнами; порой он казался Сель незнакомым, пугающим зверем.

Внезапно его нос припал к настилу. Затем Волк подпрыгнул. По бетону скрежетнули когти.

— Есть! Туда, там...

Вывести из ангара реалет было делом минуты. Машина взмыла над городом, и отблеск огней лег на ее широкие плоскости.

Но в воздухе нить запаха оборвалась. Напрасно Сель бросала реалет из стороны в сторону, то падая вниз, то взмывая высоко над крышами.

Сель ничего не говорила Волку, она и так знала, что тот делает невозможное.

Наконец, когда они попали в бившую снизу струю воздуха, Волк оживился.

— Ниже, ниже...

— Ниже?

— Да, да!

Сель заколебалась. Ниже был вентиляционный колодец. Окаймленное огнями устье сверкало, точно ожерелье. Лететь туда? Правила запрещали это. Спускаться на лифте, идти? А если снова потребуется реалет? Время, время!

Сель набрала индекс Борка.

Возникшее на экране лицо космонавта выражало досаду и спешку. При виде Сель оно смягчилось.

— Нашли?

Сель объяснила

— Ни о чем не заботьтесь, — быстро проговорил Борг. — К черту правила, я договорюсь с патрульной службой. Но быстрее, как можно быстрее!

— Они живые?

— Нет! И может быть, это к худшему... Не расспрашивайте. На свободе могут быть два, даже три семени.

— И они?..

— Ждем окончательных результатов. Сразу же сообщу. Отключаюсь.

Экран потух.

Реалет неподвижно висел над устьем. Ветер бился о борт и слегка раскачивал машину, точно лодку на якоре. Закусив губу, Сель неподвижно смотрела вниз. Отверстие было чуть шире диаметра реалета.

— Держись, Волк...

Реалет камнем полетел вниз. Только на скорости и только так можно было совершить маневр при боковом ветре. Замелькали лампы, перекрытия, пролеты, чьи-то испуганные лица на галереях.

— Еще ниже?

— Да.

Подземный ярус был перекрыт фильтрующей решеткой. Включив сирену, Сель ввела реалет в пространство надземного яруса. В полукилометре отсюда — она это знала — находился транспортный шлюз.

Сбавив ход до минимума, Сель вела реалет прямо над движущейся дорогой, прямо над головами людей. Снизу неслись крики.

«Что они обо мне думают?» — пронеслась мысль.

В глазах рябило от света и бликов.

В стенах грохотало эхо.

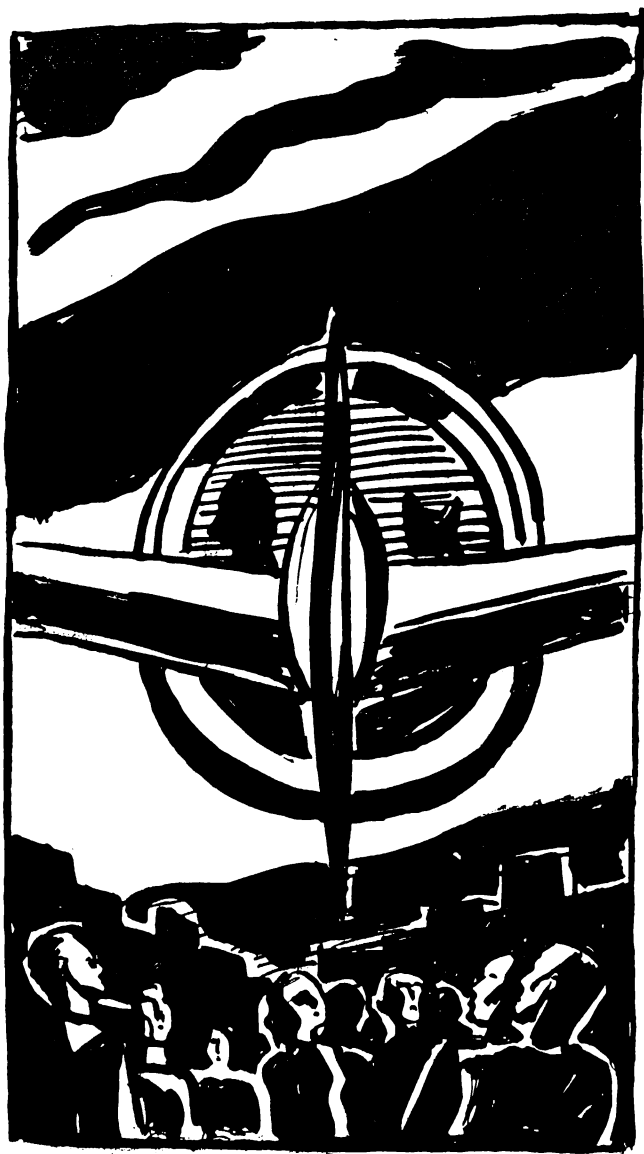
Выемка шлюза — наконец-то!

— Чуешь?

— Да, да!

Волк дышал, как от быстрого бега. Охота его радовала, безумная охота, преследование врага, который чем-то угрожает Сель.

В подземном ярусе располагались не только транспортные артерии, склады и коммунальные службы. Но сейчас поле зрения было ограничено стенами тоннеля. Полет здесь был чистым сумасшествием, но Сель действовала не наобум. Реалет она вела по той стороне, где не могло быть встречного

экспресса. Встречный должен был пройти рядом, всего в двух метрах от левого крыла реалета. Это было более чем рискованно, но Сель решила, что успеет как-то увернуться, если встреча произойдет.

Рокочущий гул впереди настиг ее в то самое мгновение, когда показался перрон. Она действительно успела увернуться и взмыла над платформой. Ожидающие экспресс люди кинулись врассыпную.

Лететь далее не имело смысла. Сель и Волк выпрыгнули из реалета. Ей кричали, но она не слышала криков. Да, такого переполоха еще никто не устраивал...

Волк бежал зигзагами, Сель едва поспевала за ним. Лестница, переход, снова лестница... Сель начала задыхаться. Волк замедлил бег. Люди, мимо которых они проскакивали, замирали как изваяния. Уж очень это была контрастная картина: рослый могучий Волк и спешащая за ним тоненькая, в белом девушка, чьи волосы метались, как черное пламя.

Квадратная площадка. Дверцы одного из лифтов раздвигались. Двумя великолепными прыжками Волк опередил Сель. Какая-то старуха уже заносила ногу, когда Волк вскочил в кабину и мягким толчком заставил ее отшатнуться.

Женщина вскрикнула, и в этом крике Волк уловил нотки того же самого древнего атавистического страха, который пробуждался порой и в нем как родовое воспоминание о тех далеких днях, когда волки боялись людей, а люди боялись волков.

— Ты... что... Волк...

Резкая боль в груди мешала Сель говорить. Вместо ответа Волк положил лапу на башмак женщины.

— Вы... вы... — Женщина задыхалась от негодования и страха.

— Извините...

Что могла подумать о ней старуха!

— Приподнимите, пожалуйста, ногу...

Так как женщина совершенно потеряла и дар движения и дар речи, Сель сама приподняла ее ногу. В одном из рубцов подошвы она увидела две знакомые ей песчинки.

Вот и все. Вокруг толпились возмущенные люди. Волк на всякий случай выдвинулся вперед и небрежно зевнул, показывая великолепный набор клыков.

— Волк, смирно! Извините, — бросила Сель женщине, равно как и всем другим. Она выхватила карманный видеофон и тотчас забыла об окружающих.

— Борк, мы нашли, нашли! — закричала она, едва засветился экран.

— Сколько? — последовал торопливый вопрос.

— Обе!

— Сель, их может быть три.

— Да тише же! — Женщина кричала, мешая слушать. — Это я не тебе... Все настолько серьезно?

— Серьезней некуда. Размножаясь, они поглощают тепло. Да как! Они могут заморозить планету. Я бы никогда не поверил, что такое возможно. Но факты... Мы шляпы, глупые са-

монадежные шляпы, обо всем беремся судить, даже не подозревая, сколько вокруг неизвестного. Ищите, Сель, ищите! Мы сейчас объявим всем, мы... Зовут, простите.

Сель не заметила, как воцарилось молчание. Люди слышали разговор и поспешно расступились перед девушкой. Только женщина бормотала что-то.

— Вот так, Волчишка, — тихо сказала Сель. — Начнем все сначала.

Когда они выбрались наверх, гроза уже началась. Мигание молний преломлялось в прозрачных плоскостях стен, трепещущий отблеск скользил по куполам и аркам, дробясь, рокотал гром. Потоки воды то вспыхивали серебром, то исчезали в темноте. Огненная струя Космической башни казалась ревущей. Вокруг ее пламенеющего острия хлопотали желто-черные, бешено несущиеся тучи. Глубины города лили безмятежный свет, но снаружи громовые удары молний то раскалывали его льдистыми изломами, то погружали в зыбкий мрак.

Там и здесь небо рассекали реалеты с овчарками и приборами. Одежда Сель промокла, едва они вышли на открытую площадку. Волк долго кружился, но ничего не почуял. Они сели в реалет. Шло время, руки Сель окаменели за рулем, а следа все не было. Сель то и дело связывалась с Борком. Ответы были неутешительными. Нигде ничего.

— Может быть, их все-таки было две?

Сель бодрилась, но голос выдавал усталость. Губы Борка дрогнули.

— Нет, — сказал он решительно. — Все песчинки стали тройными.

— И по-прежнему делятся?

— Перестали. Надолго ли? Пока ни одного случая четвертой генерации. Ищите третью, пока они затихли.

— Мы ищем.

Волк не находил себе места в кабине. Согласно распоряжению город всасывал воздух только через внешние наземные шлюзы и гнал его к центру, чтобы выбросить вертикально вверх. Это нарушало обычную циркуляцию, внутри города сновали вихри, непогода врывалась в крепость, зато все запахи стягивались к спящим реалетам. Волк метался от одного опущенного щитка к другому, его ноздри раздувались, как меха, никогда ни до, ни после он так не напрягал свои способности. То и дело ему казалось, что он уловил... Всякий раз надежда гасла, не успев разгореться. Возможно, искомая песчинка была унесена в глубины коллектора, возможно, ветер еще до дождя умчал ее далеко от города, — все могло быть.

«Налево, вверх, вниз, направо», — Сель исполняла, как автомат. Может быть, впервые за всю историю человек безогорочно повиновался Волку.

Уже дважды ему в ноздри вторгался какой-то смущающий его запах. Он проверил его — нет, не сходится. И все-таки это был необычный запах. Не пластик, не сталь, не дерево... Но и не песчинка.

Волк ничего не сказал. В кабине свистел ветер. Мозг Волка работал медленно. Ему казалось, будто он что-то забыл и старается припомнить. Человек бы назвал это состояние иначе.

Они еще с полчаса кружили над городом. Потом запах повторился.

— Налево.

Сель послушно повернула.

— Ближе. Вверх! Опуст. Ближе.

— Ближе нельзя, мы врежемся в здание.

— Надо.

— Ты учуял?!

— Станный запах. Если она не с Земли, то она может быть странной дважды.

— Ясней, Волк, ясней!

— Песчинка может быть странной всегда?

— Да, да! — Они оба кричали, чтобы превозмочь свист ветра. — Я поняла! Если она намокла, то ее запах мог измениться неузнаваемо, не так, как у земных материалов! Это?

— Может быть.

— Где же?

— Там!

Здание опоясывал узкий карниз. «Это» находилось где-то посредине. Сель лихорадочно соображала. Если бы окна были старинными! Но сквозь стеклянную стену на карниз не вылезешь. Оставалось посадить реалет на висячий балкон и оттуда...

Балкон был чуть шире реалета. Ожидая толчка, Сель даже зажмурилась. Волк выпрыгнул, едва она распахнула дверь. Ветер яростно прижал ее к сиденью. Волк протискивался сквозь прутья балюстрады. Сель глянула вниз, и ей стало не по себе. Но Волк уже шел по карнизу так, словно это была положенная на землю доска. Сель перевела дыхание.

Метр, еще один, еще и еще... Волк замер. Дважды молния освещала его широкую мокрую спину.

«Чего он медлит? Чего?» — недоуменно спрашивала себя Сель. Кричать она не решалась, боясь напугать.

Припав мордой к карнизу, Волк что-то пытался сделать.

Сель подалась, обхватив холодные перила.

Волк поднял голову, Сель не видела, но чувствовала его взгляд. И вдруг поняла: Волк нашел то, что они искали. Нашел и не может взять, потому что у него нет послушных человеческих пальцев, нет этих замечательных, нежных и гибких творений природы.

Сель похолодела. Волк медленно пятился по карнизу. Можно было, конечно, вызвать людей с ранцевыми двигателями, но кто поручится, что струи воды не смоят песчинку до их прихода? Прямо у подножия здания зияла воронка дождевого коллектора. Там был конец всему.

Нос Волка ткнулся в колено Сель. Слов не требовалось, сейчас слова были лишними. Волк требовал действия.

Рывком Сель перебросила ногу через перила. Она действовала как в лихорадке и в то же время со странным, удивившим ее спокойствием.

Спиной она прижалась к зданию. Ступни ног умещались на карнизе. Она знала, что нельзя смотреть вниз. Она смотрела прямо перед собой и видела только огненную иглу Космиче-

ской башни. Рвущийся в небо столб пламени давал мысленную опору. Сель сделала шаг. Спинай она чувствовала малейшие шероховатости стены. Ноги были словно не ее. В бок толкался ветер.

Еще шаг. Чем крепче она прижималась к зданию, тем ошутимей было его колыхание. Здание плавно раскачивалось. Амплитуда качаний была ничтожной, но она нарушала то равновесие, в котором застыла Сель. Стена здания, точно упершаяся в спину ладонь, мягко, но непреклонно отжимала тело.

Сель замерла, раскинув руки. Теперь качалась уже и Космическая башня. Да, она раскачивалась, и вместе с ней раскачивалась Сель. Темнота внизу притягивала взгляд как магнит.

Сель закрыла глаза. Исчезло все, осталось лишь мерное колебание стены. И боковые толчки ветра. И холод облепившей тело одежды.

Тело медленно входило в ритм толчков и колебаний, непрочно для сознания отыскивало ту равнодействующую, которая давала устойчивость.

С закрытыми глазами Сель сделала несколько шагов. Все было бы очень просто, если бы не воображение. Не к чему было закрывать веки, коль скоро воображение рисовало не только пропасть внизу, не только узость опоры, но и падение в бездну, то, как она начинается — со слабости колен, пустоты во всем теле, судорожных усилий, отчаяния последнего мига, последнего взмаха...

Воображение вело за собой послушное тело, навязывая ему свой судорожный ритм. Дрожь охватила Сель. Она раскачивалась, теряя равновесие, задыхаясь от ужаса.

Что-то крепкие зубы сжали ее лодыжку. Сель облегченно вздохнула. Призраки отлетели. Нога в пасти Волка была как в мертвом зажиме. Ослабевшее тело вдруг получило неподвижную опору.

Прошло несколько секунд. Сель не решалась открыть глаза. Она отдыхала от игры воображения, от страха, от дрожи в ногах. Хватка Волка надежно держала ее над пропастью. Только сейчас Сель поняла всю меру безумия и самонадеянности, толкнувшей ее на карниз. Здесь было мало решимости и мужества, нужен был опыт. Она бы уже лежала внизу, если бы не опора, которую ей дал Волк. Если бы не чувство реальности, которое он ей вернул.

Твердый нажим зубов передался ей, как команда. Она поставила одну ногу, подтянула другую. Не надо было ни о чем думать, не надо было ничего чувствовать, надо было слепо двигаться, повинаясь направляющей хватке Волка. Чисто механические действия, страшные охватившими лодыжку тисками. Все оказалось очень просто, когда исчез страх и погасло воображение. Глаз Сель не открывала, чтобы не спугнуть блаженное спокойствие. Тело само находило равновесие, как только ему перестал мешать разум.

Наконец легкий прикус сказал ей: «Стоп!» Начиналось самое трудное. Надо было открыть глаза, взглянуть вниз...

Молнии били беспрерывно. Сель видела только то, что было в центре ее внимания, — бугристую, омываемую ливнем плос-

кость карниза. Фосфорический свет придавал ей сходство с лунной равниной. За ее краем притаилась тьма провала.

Сель показалось, что она видит песчинку, но, возможно, это была игра отблесков. Надо было наклониться. Ветер переменялся и дул в грудь. Появилась еще одна неверная опора.

Сель согнула колено, перенесла на него тяжесть. Каменная равнина укрупнилась, приблизилась. Но пока Сель нагибалась, в поле зрения ворвался сверкающий огнями провал.

Это не произвело того впечатления, которого она боялась. Сознание, сосредоточенное на одной-единственной задаче, устояло. Лишь где-то в глубине шевельнулся прежний страх.

Теперь Сель отчетливо видела песчинку. Она лежала близ края и слегка подрагивала от взрывов падающих капель. Возможно, она могла так пролежать еще долго, но столь же вероятным могло быть и другое.

Некоторое время не было молний. Потом вспыхнуло сразу несколько. Песчинка заблестела, как алмаз. Сель быстро протянула руку.

...Когда они выбрались на площадку, Сель привалилась к стене. Пол слабо кружился. Ее рука лежала на спине Волка, и Сель чувствовала, как постепенно успокаивается порывистое дыхание зверя, воображению которого было доступно многое из того, что доступно человеку. У обоих одинаково колотилось сердце. Внизу лежал омываемый дождями город — Их город. Успокоительно стучала капель. Пол кружился все слабей и слабей, потом замер.

ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ МАЙОРА ЯРДЛИ

(Из истории разведывательных служб)

Летопись деятельности крупнейших разведывательных служб мира, если такая когда-нибудь будет написана, несомненно, раскроет перед читателями самый фантастический калейдоскоп блестящих взлетов и катастрофических провалов; казалось бы, невероятных случайностей и, наоборот, событий, логически обоснованных всем ходом истории; свидетельств поражающего героизма и не менее неслыханного вероломства; операций, восхищающих методичностью, понадобившейся для успешной реализации многоступенчатого плана, и таких, чей исход зависел от решения, полученного со скоростью и находчивостью, недоступными современным компьютерам.

Вероятно, историки, располагая такой летописью, смогут выявить и обозначить все закономерности, все потаенные каноны развития, свойственные секретным службам, как и любому другому общественному институту. Но одна из таких закономерностей очевидна уже и сейчас.

Результативность разведки и контрразведки (если принимать во внимание не конечный исход той или иной разовой акции, а итоги всей работы разведывательной службы в целом) находится в самой непосредственной зависимости от того, служат ли они прогрессивному или реакционному строю, чьи интересы защищают, за какую историческую перспективу борются.

И дело здесь не только в том, что самая совершенная разведка не в силах приостановить ход истории. Общее, как известно, складывается из бесчисленного множества частных. А поскольку характер, цели и принципы разведки определяются исторической ролью общества, создавшего ту или иную секретную службу, то она, пусть опосредствованно, влияет и на оперативную «технологию», и на моральные стороны разведывательной деятельности. В результате ее гибкость, действенность, надежность оказываются, несомненно, весомее, если (воспользуемся термином, освященным

публицистикой времен Великой Отечественной войны) эта разведка служит правому делу.

Система «тотального шпионажа», осуществленная в гитлеровской Германии, разветвленной сетью сыскных служб и канибальский режим нацистских концлагерей не смогли парализовать деятельность патриотических организаций, оказывавших сопротивление фашистскому режиму с первых и до последних дней существования «третьего рейха».

Чекисты 20-х годов, не имевшие, по существу, никаких профессиональных навыков, вчерашние солдаты и военморы, на практике — трудной, порой смертельно опасной — постигавшие азы контрразведывательной работы в борьбе за дело революции, оказывались сильнее асов английской Интеллидженс сервис и французского Второго бюро, шпионов, прошедших школу полковника Вальтера Николаи и фанатиков-самураев из Общества Черного Дракона.

Закономерность, о которой мы говорим, свойственна не только XX веку с его гигантскими социально-экономическими сдвигами. И в прежние времена, на заре истории разведывательных служб, она также проявлялась. Иногда — с предельной определенностью, порой — более замаскированно, а случалось — и с отклонениями. Но ведь исключения, как известно, лишь подтверждают незыблемость правила.

...Вторая половина XVII века. Лорд-протектор, так именуют в официальных документах одного из виднейших вождей Великой английской революции Оливера Кромвеля, создает секретную службу, которая должна оберегать интересы страны от попыток реставрации роялистского режима. Революция, даже буржуазная, шаг вперед в сравнении с феодальной раздробленностью страны, с властью знати, не способной и не желающей стать причастной к экономическому прогрессу. И что же?

Изгнанного с родных островов Карла Стюарта поддерживают Франция и Испания, Германия и Нидерланды. Во главе сторонников реставрации — один из хитрейших политиков своего времени — регент Франции кардинал Мазарини. С ловкостью прирожденного интригана он укрывается в тени, но действует неутомимо. В ход пущено все. Фанатики и адские машины, золото и провокации. Фронт тайного «наступления» — от Северного до Средиземного моря.

Но все заговоры, покушения, мятежи не достигают цели, парализуются в зародыше или срываются вхолостую. Возглавляемая Джоном Терло контрразведка английской буржуазной революции успешно противостоит многолетним усилиям секретных служб крупнейших монархий Европы.

Автор бессмертной трилогии о подвигах четырех мушкетеров был не так уж далек от исторической правды, когда вложил в уста Оливера Кромвеля высказывание о том, что попытка Атоса, Арамиса, Портоса и д'Артаньяна чуть ли не с эшафота похитить приговоренного Карла I, удайся она, была бы только на пользу реформаторам. Имея за спиной секретную службу Джона Терло, лорд-протектор мог устранять своих политических противников так, чтобы не обострять отношений Англии с европейскими монархиями.

Обратим внимание читателей на тот факт, что, по свидетельству весьма авторитетных специалистов, всезнающий министр кромвелевской полиции значительной долей успехов был обязан искусному дешифровщику доктору Джону Уоллису Оксфордскому. И перенесемся на другой континент, в следующие столетия.

...Вторая половина XVIII века. Американские колонии Британии начинают борьбу за свою независимость. Революция 1775—1783 годов приведет к рождению США — государства, которому суждено выдвинуться на первое место в числе империалистических держав, потеснив свою прежнюю метрополию. Но на первых этапах американская буржуазная революция — это антиколониальное движение против британского господства. И оно выдвигает своих героев, разведчиков, чьими подвигами по сей день обоснованно гордится каждый честный американец.

За несколько лет до знаменитого «бостонского чаепития» — дерзкой антианглийской демонстрации, послужившей как бы прелюдией к вооруженным столкновениям в Бостоне, а по его примеру и в других колониях, начали создаваться так называемые «комитеты связи», являвшиеся, по существу, центрами организации революционных сил. Между этими комитетами сразу же установились постоянные контакты, приведшие впоследствии к объединению повстанцев. Будущие мятежники закладывали тайные арсеналы, сумели наладить военное обучение граждан, производство снаряжения и боеприпасов. Но их конспиративные навыки оставляли желать лучшего.

Наивность патриотов в этой области сегодня не может не вызывать снисходительной улыбки: вопросы политической организации революционных сил чуть ли не накануне вооруженного восстания обсуждались ими в открытой печати. «Нью-Гэмпшир газетт», например, в июне 1773 года писала: «Союз колоний, который сейчас основан, имеет важное и очень большое значение для нашего континента... Объединенные американцы могут бросить вызов всем своим врагам, как открытым, так и тайным». Вполне понятно, что англичане, обладавшие к этому времени достаточным опытом в закулисной политике и тайной войне, вполне определенно представлявшие себе реальность надвигавшейся угрозы, постарались встретить ее во всеоружии. Колонии были наводнены платными агентами британского разведывательного аппарата. Их число ко времени начала революции достигло 25 тысяч, а некоторые занимали виднейшие посты в «комитетах связи» и отрядах самообороны колонистов.

Значительная часть повстанческих баз располагалась в Конкорде, в восемнадцати милях от Бостона. Они были созданы видными деятелями революционного движения — Самюэлем Адамсом и Джоном Хэнкоком, объявленными англичанами вне закона и долгое время безуспешно разыскиваемыми полицией. Но в конце концов ищейкам Георга III удалось напасть на их след.

Один из способнейших английских агентов, Бенджамин

Черч, сумевший стать чуть ли не третьим лицом в революционном движении Массачусетса, оповестил генерала Гейджа, что Адамс и Хэнкок скрываются на одной из тайных баз Конкорда.

Томас Гейдж, командующий регулярными войсками метрополии, отлично вышколенными и превосходно по тем временам вооруженными, как истый британский офицер, глубоко презирал «фермеров, ремесленников и докторишек», осмелившихся взяться за оружие. И потому донесение тайного агента привело его в хорошее настроение — открывалась реальная возможность разоружить и обезглавить повстанцев одним ударом.

Но поскольку успех операции в первую очередь зависел от степени ее неожиданности, Гейдж, выделив для карательной экспедиции только два полка, подготовку к походу провел в глубокой тайне. И все-таки она не увенчалась успехом.

Когда в ночь на 18 апреля 1775 года тысяча семьсот «красномундирников» двинулись из бостонских казарм в направлении Конкорда, во всех окрестных селениях уже гудели набатные колокола. «Люди минуты», так именовали себя бойцы местного ополчения, срывали со стен длинноствольные охотничьи винтовки, дедовские мушкеты, выпущенные компанией Гудзонова залива, и мчались к заранее намеченным пунктам сбора.

«Фермеры, ремесленники и докторишки» дали регулярным войскам метрополии достойный отпор. Потери англичан в этом бою втрое превысили американские, склады и арсеналы остались в руках повстанцев, а Хэнкок и Адамс вовремя сменили убежище на вполне безопасное.

Провалом тщательно подготовленной и так многое сулившей операции надменный генерал был обязан некоему Полю Риверу, человеку сугубо мирному, граверу по профессии, который, войдя в состав бостонского «комитета связи», взял на себя организацию разведывательной службы повстанцев.

На первых порах организации как таковой в общем-то не существовало. Как утверждают историки, Полю Риверу в критическую минуту пришлось самому вскочить на коня и помчаться, опережая английские полки, по окрестным селениям и фермам. Но, несмотря на очевидную «кустарность» методов работы, бостонский гравер сумел выполнить свой долг перед революционным «комитетом», а британский генерал с задачей, возложенной на него королем Георгом III, не справился.

Нет никакого сомнения в том, что британская контрразведка была по своему профессиональному уровню неизмеримо выше тех одиночек-патриотов, которым в начале войны за независимость мог доверять свои тайные задания генерал Вашингтон. Она довольно легко разоблачила капитана Хейла, принесшего себя в жертву во имя торжества дела революции. Но после казни капитана-разведчика командующему войсками повстанцев стало намного проще отби-

рать кандидатуры патриотов, готовых отправиться в тыл врага с самыми рискованными поручениями. Натан Хейл стал национальным героем колонии, а его гибель привлекла в число сотрудников созданного Вашингтоном управления секретной разведки многих отважных и изобретательных людей.

В их числе — Александр Брайн, чье своевременное оповещение революционных войск о планах английского генерала Бургойна обеспечило повстанцам победу в сражении на Бимисских высотах. И Бенджамин Толмедж, товарищ и соученик Хейла по Иельскому колледжу, талантливый организатор целой сети прекрасно законспирированных разведывательных групп. И работавший в непосредственной близости к штабу королевских войск Роберт Таунсенд, которого высоко ценил генерал Вашингтон.

В 70-х годах XVIII века Америка вела борьбу за независимость, и революционная армия не знала недостатка в умных, смелых и до конца преданных своей родине разведчиках. Подчеркнем еще раз: умных, преданных. А теперь обратимся к событиям, происходившим 150 лет спустя.

10 ноября 1918 года отзвучали последние залпы первой мировой войны. Войны, в которой Соединенные Штаты участвовали в весьма своеобразном качестве — поставщика. Причем не столько воинских соединений, оружия или боеприпасов, сколько звонкой монеты. Война превратила США в главного мирового кредитора по правительственным займам. Державы Антанты задолжали ей почти 9 миллиардов долларов.

Америка, по меткому выражению Алексея Толстого, «распухла от золота». Зарубежные капиталовложения американских предпринимателей выросли за это время вдвое. Усилиями заказчиков, в том числе и царской России, в стране была создана мощная военная промышленность. Промышленность, которую возглавляли люди, познавшие сверхприбыльность гонки вооружений.

Размах и цинизм спекуляций на армейских заказах повергал в изумление самого президента США, хотя, казалось бы, уж кто-кто, а он должен достаточно хорошо изучить нравы своих сограждан. Уже после войны в одном из документов, датированных 1921 годом, президент Гардинг сетовал: «Наше правительство израсходовало от 5 до 6 миллиардов долларов на производство авиации, артиллерии и производство артиллерийских снарядов... Официально установлено, что из военных материалов американского производства на фронте действовало менее 200 самолетов, менее 200 пушек и не более одного процента от общего числа израсходованных снарядов. Приблизительно 3,5 миллиарда долларов были израсходованы под руководством судостроительного комитета. Я же имею любопытные сведения из военного министерства, согласно которым только одно судно, построенное судостроительным комитетом, привезло американские войска для войны в Европу. Это — транспортное судно «Либерти», которое, по данным военного министерст-

ва, в октябре 1917 года доставило в Европу приблизительно 50 (!) солдат».

В общем, едва ли следует удивляться тому, что известие о документе, подписанном в Компьенском лесу, деловая Америка восприняла достаточно прохладно. «Мир — это, конечно, прекрасно, а вот как будет обстоять с бизнесом?»

Разумеется, опытный политикан никогда не позволит себе вслух высказать что-нибудь подобное. Еще бы! Ведь на этом можно потерять изрядную толику избирательных бюллетеней. Но, как утверждал Талейран, для дипломатии слова — отнюдь не средство общения, а лишь инструмент возможно более полного сокрытия подлинных мыслей и планов. Из сенатских посланий и обращений к американскому народу тогдашних президентов — Гардинга и Вильсона миролюбивые заверения, словно из перенасыщенного раствора, чуть ли не выпадали в осадок. Но реальные дела правительства Соединенных Штатов в этот период говорят сами за себя.

Вскоре после Февральского переворота, летом 1917 года, в Россию была направлена дипломатическая миссия. В ее обязанности входило «детально обсудить» с представителями Временного правительства возможность России продолжать участие в войне.

Уже в этот период американские империалисты видели в растущей среди народа популярности партии большевиков серьезную угрозу своим агрессивным планам. Политика мира шла вразрез с интересами монополий, которые только за три года войны получили от царской России военных заказов на сумму 1287 миллионов долларов. Поэтому в состав миссии Рута были включены специалисты, по своему профилю не имевшие ничего общего с организацией экономической помощи воюющей державе.

«В России, — докладывал своему правительству генерал Джексон в июле 1918 года, — оставлена весьма эффективная тайная организация... для борьбы с большевиками». На ее вооружении находились и доллары, и фордовские грузовики, и виккерсовские пулеметы. С лета 1917 года в России на американские деньги издавалось около 20 газет антикоммунистического характера. Экс-министр Рут и посол Фрэнсис настаивали перед Временным правительством на организации суда над В. И. Лениным по обвинению его в «государственной измене». В декабре сотрудниками ВЧК были сорваны попытки американских агентов переправить генералу Каледину 70 автомобилей, а генералу Алексееву — полсотни тысячный отряд бывших офицеров.

Октябрьский ураган опрокинул далеко идущие планы сговора между двумя буржуазными правительствами. Народы России, за годы империалистической бойни потерявшие только убитыми 2300 тысяч человек, получили долгожданную передышку. II Всероссийский съезд Советов провозгласил Декрет о мире первым государственным актом большевистского правительства.

И тут началось. 21 ноября 1917 года Советское правительство направило державам Антанты ноту с предложением заключить перемирие на всех фронтах и приступить к мир-

ным переговорам. Через несколько дней американские представители официально уведомили НКВД РСФСР о приостановке Соединенными Штатами всех поставок в Россию. Неделю спустя штабу бывшего верховного главнокомандующего русской армии генерала Духонина, в обход вновь созданного законного правительства страны, были переданы протесты США и Франции против заключения перемирия с Германией. Это была первая попытка держав Антанты спровоцировать развязывание гражданской войны.

Подобная политика правительства отнюдь не отражала действительной воли народа США. Тысячи американцев, самых различных по профессиям, убеждениям, роду деятельности, с первых дней Октябрьской революции всем сердцем восприняли ее цели, принципы и лозунги. Однако конгресс и сенат США — ставленники империалистических монополий — заставили свою страну стать на путь открытой военной интервенции.

11 марта 1918 года президент Вильсон согласился санкционировать японскую интервенцию на Дальнем Востоке. В этот же день в бухту Золотой Рог, многозначительно пошелевывая жерлами своих восьмидюймовок, вполз приземистый серо-стальной утюг — американский крейсер «Бруклин». Это послужило как бы сигналом для начала вторжения стран Антанты в советское Приморье. Правда, начали его «оккупационные войска Японии».

Тот факт, что на первом этапе дальневосточного похода «держав согласия» военные силы США не принимали в нем прямого участия, вовсе не означает наличия у американского правительства каких-либо сомнений в правомерности вооруженного вмешательства во внутренние дела России.

В эти дни отряды морской пехоты уже грузились на корабли Атлантического флота США, которые должны были доставить оккупационные войска к северным окраинам нашей Родины. Всего около двух месяцев оставалось до того дня, когда с борта крейсера «Олимпия» высадился первый американский десант в Мурманске. Но если на севере Соединенные Штаты могли действовать, не опасаясь серьезной конкуренции — увязшая в долгах Великобритания не стала бы в открытую ссориться со своим могущественным кредитором, — то на Дальнем Востоке дело обстояло несколько иначе. Соперничая с Японией, оспаривавшей главенство США в хозяйничанье на Тихом океане, Америка чувствовала себя не столь уверенно.

Предоставить Японии свободу действий? Но что будет с американскими концессиями — ведь вопрос о них с правительством адмирала Колчака уже согласован. Самим приступить к прямым военным действиям? Но не приведет ли это к распылению оккупационных сил? К тому же открыто выступать в роли агрессора президенту Вильсону — «идолу мечан и пацифистов» — очень и очень не хотелось.

На протяжении нескольких месяцев правительство США усиленно маневрировало, пытаясь найти такую внешне приличную форму соглашений со своими компаньонами, которая, во-первых, позволила бы не выступать в роли органи-

затора интервенции, а во-вторых, обеспечила возможность впоследствии потеснить союзников и урвать от общей добычи долю, соответствующую американским аппетитам.

Лавирование это осуществлялось достаточно неуклюже. Японское правительство так и не получило документа, подписанного Вильсоном 1 марта. Советники Вильсона пришли в ужас, узнав, что президент фактически одобрил японские планы захвата советских территорий вплоть до Урала.

Уже к следующему уикенду в Белом доме подписывается совсем иной документ, долженствующий реабилитировать позицию США в глазах тогдашней общественности и будущих поколений. Согласие Соединенных Штатов на японскую агрессию сопровождается в нем множеством туманных оговорок. Не возражая против конкретных акций Японии в отношении Советской России, президент, в принципе и вообще, высказывает «искренние» сомнения в «мудрости» интервенционистских действий. Но даже это насквозь демагогичное и тщательно закамуфлированное заявление не попадает в руки японцев.

Американский посол в Токио получает строгую и точную инструкцию: при встрече с представителями императорского МИДа зачитать текст заявления, но не оставлять самого документа. Во все времена преступники старались получше припрятать неопровержимые улики. Но и азиатские дипломаты знают свое дело. 16 марта они сообщают послу, что японское правительство «не предпримет никаких действий, пока не будет достигнуто должное (разрядка моя.—Ф. С.) соглашение США с державами Антанты». Что ж, и это логично. Круговая порука — давний, проверенный инструмент и политического и уголовного гангстеризма.

Видя, что заокеанские сообщники категорически отказываются выступить в роли первого поджигателя, Вильсон в конце концов решает махнуть рукой на внешние приличия. Декларацией от 3 августа правительство Соединенных Штатов предложило японскому правительству, чтобы каждое из них послало контингент войск во Владивосток. А две недели спустя 27-й полк первого эшелона экспедиционного корпуса генерала Грэвса уже развернул боевые действия против партизанской армии Приморья, которую возглавлял Сергей Лазо.

О том, какой ущерб причинила, сколько крови и слез принесла народам России американо-японская (в ней принимали также участие Канада, Франция, Китай и Италия) оккупация Дальнего Востока, советскому читателю известно многое. О том, как бесславно она закончилась, — тоже. Вероятно, менее широкую известность получила оценка, которую сами американцы давали этому акту своей внешней политики.

Свидетель, чья должность исключает мысль о какой-то предвзятости, — сам командующий экспедиционным корпусом генерал Грэвс в своих позднейших мемуарах признавал: «Жестокости были такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа через 50 лет после их совершения». Соединенные Штаты

в результате оккупации, опять-таки по утверждению Грэвса, «снискали себе ненависть со стороны более чем 90% населения Сибири». Но и с этими признаниями читатель, интересующийся историей США, мог бы ознакомиться, в частности, по очень содержательной монографии Н. Н. Яковлева или по переведенным и изданным в начале 30-х годов мемуарам самого Грэвса. Они также общедоступны.

Напротив, лишь очень узкому кругу специалистов, да и то лишь очень многие годы спустя, стало известно, что, помимо послов и министров, командующих и премьеров, президентов и императоров, за всеми тайными пружинами событий на Дальнем Востоке имел возможность следить человек, которому и по положению, и по должностным инструкциям полагалось бы быть о них в полном неведении.

Этот человек, энергичный и честолюбивый, одаренный и настойчивый, пришел на службу правительству США, движимый самыми наилучшими побуждениями. Работая как одержимый, он, как и Джон Уоллис Оксфордский, посвятил свой талант разгадке, казалось бы, не поддающихся дешифрованию кодов. И он добился своего, оказав Соединенным Штатам услугу, сложность и значение которой крупнейшие знатоки разведывательных акций выразили, закодировав ее как операцию «Чудо».

Но Америка его времени ничего не имела общего со страной, за чью свободу готовы были отдать жизнь Поль Ривер и Натан Хейл, Роберт Таунсенд и Бенджамин Толмедж. И та трансформация личности, о которой пойдет речь ниже, любопытнейшим образом отражает эту современную Америку.

Итак, в солнечное январское утро 1913 года в шифровальный отдел госдепартамента на скромную должность телеграфиста с окладом семнадцать с половиной долларов в неделю был назначен некий Герберт Осборн Ярдли — молодой человек, любивший решать кроссворды.

Он родился 13 апреля 1889 года на Среднем Западе, в небольшом городке Ворсингтоне. Отец его был начальником станции Пенсильванской железной дороги, мать занималась хозяйством, сам же он, если и отличался чем-то в детстве от своих сверстников по «паблик скул» — народной школе, то, пожалуй, лишь безукоризненным знанием азбуки Морзе.

Телеграфный аппарат в те годы был обязательной принадлежностью станционных контор на американских железных дорогах, в кабинете отца юный Герберт Ярдли проводил довольно много времени и еще в школьные годы научился работать ключом с лихостью бывшего телеграфиста. Это мастерство в значительной мере определило его жизненный путь.

Общей эрудицией новый сотрудник госдепартамента явно не был перегружен — ворсингтонская, а потом мичиганская школы, до колледжа он так и не добрался. Зато предприимчивости и упорства у него было в избытке. Обладал он и трезвостью мышления, достаточной, чтобы понимать — че-

ловек, не располагающий влиятельными связями и не могущий рассчитывать на внушительное наследство, обретет жизненный успех только в одном случае: если сильные мира сего твердо уверуют в то, что он им полезен и нужен.

После школы Герберт, твердо решивший самостоятельно выбиться в люди, какое-то время проработал телеграфистом в центре округа, а вскоре навсегда покинул родную Индиану и отправился в столицу Соединенных Штатов. Еще год ушел на службу в частной телеграфной компании, повышение квалификации, завязывание нужных знакомств. А в канун 1913 года последовало, наконец, назначение на государственную службу.

Представьте себе здание, построенное еще в эпоху королевы Виктории, старое и неудобное, которое расположено напротив Белого дома. Его окна выходят прямо на теннисные корты резиденции американских президентов. Чиновники, обосновавшиеся в этом особняке, могут наблюдать за одетыми в белое парами на кортах, угадывая на расстоянии, кто же из представителей именитых семейств Америки гостит у президента в этот раз.

А еще чиновники очень любят приходить в шифровальную комнату госдепартамента, занимающую высокое и весьма просторное помещение на первом этаже особняка. Аромат постоянно завариваемого кофе смешивается здесь с запахом крепких виргинских сигар, пулеметами трещат машинки, утяжеленные, особой конструкцией, позволяющей получать до пятнадцати копий перепечатываемых материалов. Наружные двери шифровальной комнаты всегда закрыты, но здесь почти беспрерывно сменяются сотрудники разных дипломатических служб, они обмениваются новостями, зубоскалят, сплетничают.

Уставленная длиннейшими рабочими столами — в центре два для шифровальщиков, вдоль западной стены — один для телеграфистов, с огромным сейфом, где хранились кодовые книги, и бесконечным множеством простых железных ящиков, набитых копиями старых телеграмм, шифровальная госдепартамента не отвечала требованиям даже минимального комфорта. Но поскольку атмосфера здесь была почти всегда достаточно непринужденная, тут образовалось нечто вроде служебного клуба.

Разумеется, все это шло вразрез с элементарными правилами соблюдения секретности.

Шеф шифровальной службы Дэвид Сэлмон, лично отвечавший за безопасность шифров и кодов, был убежден в безукоризненном функционировании вверенного ему отдела. Из этого приятного заблуждения его вывел не кто иной, как вновь принятый телеграфист. Причем довольно скоро после своего зачисления на службу.

Быть может, этого бы и не произошло, если бы Герберт Ярдли был назначен своим начальником в дневную смену — оживленная обстановка неофициального клуба, общение с очень разными людьми могли бы занять внимание юноши. Но клерк-стажер в соответствии со своим служеб-

ным положением обязан был мириться с любыми неудобствами. И оказался в ночной смене, когда томительную скуку дежурств у молчащего аппарата развеять было положительно нечем.

Исключительно ради забавы молодой человек, в чьи обязанности входило получать и отправлять зашифрованные телеграммы (к работе с кодами он не был допущен), попробовал разобраться в производивших впечатление бессмыслицы пунктирах точек и тире. И вдруг обнаружил, что перевести их на обычный «телеграфно-английский» ему, Герберту Ярдли, вполне под силу. Это повторилось и, когда в руки любознательного телеграфиста попало несколько шифровок из посольств других государств, Ярдли настоялся.

Если он, не имея для этого никакой специальной подготовки, сравнительно легко овладевает тайнами переписки госдепартамента, значит не так уж они надежно охраняются, значит эта задача посильна и кому-то другому. А если этот «кто-то» враг? Перед клерком-стажером открывалась весьма соблазнительная возможность — продемонстрировать уязвимость принятой системы шифровки секретной корреспонденции. Это и льстило самолюбию — оказать услугу безопасности нации чего-нибудь да стоит, и давало надежды продвинуться по службе, уж, во всяком случае, в своем маленьком криптографическом мирке. А может, и не только в нем?

С этого момента служебное рвение Герберта Ярдли по меньшей мере утроилось обратно пропорционально его общительности. Он и раньше был не очень высокого мнения о своих сослуживцах. Но если до этого открытия Ярдли даже в самых смелых мечтах не мог рассчитывать подняться выше должности рядового шифровальщика, то теперь перед ним забрезжил манящий свет больших ожиданий.

Несколько смущало, правда, что Дэвид Сэлмон может вовсе не прийти в восторг от предприимчивости своего не в меру ретивого подчиненного. Однако решение этой проблемы Герберт Осборн отложил на будущее. А пока со всей присущей ему методичностью начал совершенствовать и оттачивать свой неожиданно обнаруженный талант.

Внешне обаятельный, всегда тщательно одетый и безукоризненно причесанный юноша стал завсегдатаем библиотек конгресса и госдепартамента. Он перечитал все, что только мог отыскать по нужной тематике: от рассказов Эдгара По, также не чуждого интереса к криптографии, до руководств по использованию военных шифров в американской армии. Тайком (Ярдли, разумеется, сознавал, что нарушает служебные инструкции) через приятелей он раздобыл очередную порцию иностранных шифрограмм, отклонил предложение шефа перевести его в дневную смену и тренировался, тренировался, тренировался.

Почти между делом он изучил историю учреждения, в котором теперь трудился. Она оказалась не такой уж давней, но весьма любопытной. Первая и совершенно при-

митивная криптографическая организация возникла в Америке «на заре республики», когда был образован Комитет секретной корреспонденции, являвшийся одновременно и центром связи, и зародышем дипломатических служб революции, а первым шифровальщиком, хотя официально он так и не назывался, стал Ричард Форрест.

В ту пору государственным секретарем был Джон Квинси Адамс, лидер и идеолог промышленной буржуазии США. Как и положено подлинному бизнесмену, г-н Адамс был предельно расчетлив, никогда не вкладывал доллара туда, где можно было обойтись пятью центами, и оберегал тайны своей переписки, не прибегая к услугам специального бюро. Фактически шифровальная служба была организована в 1867 году под руководством Томаса Моррисона. Силу она набирала достаточно быстро — к 1910 году в криптографическом бюро насчитывалось уже 29 клерков и телеграфистов, когда во всем государственном департаменте числилось всего 135 сотрудников.

Такой рост был обусловлен не только действием закона Паркинсона. Объем работы действительно оказался очень велик. К тому времени, когда Герберт Ярдли начал трудиться под началом Дэвида А. Сэлмона, возглавляемая этим бывшим сотрудником военного министерства группа ежемесячно обрабатывала до десяти тысяч документов и несколько тысяч телеграмм.

Не будет большим преувеличением сравнить первые шаги Герберта Ярдли на служебном поприще с судьбой жизнеспособного черенка, высаженного в исключительно благодатную почву. Судьба была на редкость благожелательна к этому провинциалу, наделив его самого качествами, которые могли проявиться на весьма специфичной работе, и поместив в обстановку, подстегивавшую его стремление к самосовершенствованию.

На первых порах, как уже говорилось, молодой клерк занялся криптоанализом просто от скуки. Друзей в Вашингтоне у него не было, молодые дипломаты из аппарата госдепартамента на младших сотрудников из шифровального отдела смотрели свысока, хотя и пользовались их гостеприимством, а с коллегами по работе у Ярдли было очень мало общего.

Он не благоговел перед таинственностью шифровальной службы, равно как и перед чопорной, подчеркнута «дипломатической» атмосферой департамента. По его словам, он не нашел в этой святой святых ничего, кроме нудной, изнурительной работы, которую тяжело и медлительно выполняли лишенные честолюбия «переутомившиеся ничтожества». «Ежедневно, — писал позднее Ярдли, — история непрерывным потоком текла через их руки, но они думали об этом меньше, чем о счете в бейсбольном матче».

Понимая, какой серьезный козырь вручила в его руки фортуна, тщеславный, гордый и настойчивый, он терпеливо ждал своего часа.

Быть может, в рутине повседневной работы интерес

Герберта Осборна к криптографии мог бы и поостыть, если бы не одно обстоятельство. Расшифрованные им телеграммы оказались источником настолько интересной информации, в сравнении с которой даже самый сногшибательный полицейский роман становился ничуть не занимательнее воскресной проповеди.

Особенно остро Яртли это ощутил после того, как завязал дружбу с дипломатом довольно высокого ранга — главой латиноамериканского отдела государственного департамента Уильямом Т. Дойлем. Сам по себе этот человек был достаточно интересен. Нью-Йоркский адвокат, щеголь и волокита, завсегдатай нью-йоркских салонов, не будучи ни профессиональным политиком, ни кадровым работником дипломатического аппарата, Дойль сумел «внедриться» в проникнутый кастовым духом аппарат госдепартамента и сделать блестящую карьеру.

Вся деятельность Дойля являла собой один из ярких образчиков империалистической дипломатии, осуществляемой через негласных агентов. Уильям Т. Дойль, как свидетельствовал Яртли, «держал в своих руках нити, которые заставляли армии, генералов и президентов Южной и Центральной Америки плясать под его дудку».

А когда Яртли стал сопоставлять события, о которых сообщали газеты во время нередких отлучек его нового знакомого, с содержанием служебных телеграмм, поступивших в госдепартамент, его восхищение «талантами» Дойля переросло всякие границы. Стремясь выяснить тайную подоплеку тогдашних событий в Латинской Америке, в которых его кумир играл видную, хотя внешне и неприметную, роль, Яртли перечитал официальные газетные отчеты и извлек из архива копии старых телеграмм. Перед молодым клерком раскрылась картина поистине удивительных событий.

Как известно, в начале 900-х годов в Карибском бассейне, который США постепенно прибирали к рукам, возник международный конфликт. Начался он с того, что Германия, Англия и Италия заявили материальные претензии венесуэльскому диктатору Киприано Кастро в связи с убытками, понесенными подданными этих стран во время внутренних волнений в Венесуэле в 1899—1902 годах. Заокеанские кредиторы требовали компенсации за задержанные венесуэльскими кораблями торговые суда этих стран, взыскания просроченных долгов.

А чтобы сделать посговорчивее обанкротившегося диктатора еще до получения формального отказа, германские и английские корабли захватили и потопили большую часть судов венесуэльского военного флота, обстреляли прибрежные укрепления, высадили десант, а затем блокировали побережье Венесуэлы.

О как негодовали североамериканские газеты, как клеймили они позорные действия «европейских хищников, напавших на маленький свободолюбивый народ»!

Но из секретных телеграмм Дойля и сотрудников его отдела перед Яртли начала складываться реальная подо-

плака событий. Острый приступ гуманизма и свободолюбия американской прессы получил очень простое объяснение.

Действительно, стремясь к установлению своего монополистического господства на берегах Карибского моря и опасаясь, что венесуэльские порты, занятые европейскими державами, станут базой для их дальнейшей территориальной экспансии в Центральной Америке, США добивались снятия блокады.

Но в то же время Соединенные Штаты требовали от разоренной Венесуэлы уплаты непосильных долгов. Необходим был прецедент, согласно которому латиноамериканские государства не смогли бы в будущем отвергать претензии иностранных кредиторов. В конечном итоге правительство Венесуэлы под давлением США обязалось возместить европейским державам убытки путем передачи им части доходов от пошлин, взимаемых в портах Ла-Гуйара и Пуэрто-Кавельо.

Завершившийся таким образом венесуэльский конфликт был использован правящими кругами США для того, чтобы, с одной стороны, обосновать право Соединенных Штатов на вооруженное вмешательство во внутренние дела латиноамериканских государств в качестве «полицейской силы» и тем самым полнее подчинить их своему влиянию, с другой — подорвать в них европейское влияние. Решению этих задач, продиктованных интересами американских монополий, и была подчинена деятельность официальных и неофициальных представительств США в Венесуэле и других странах Латинской Америки.

Знакомство с материалами, относившимися к венесуэльскому конфликту, оставило в сознании Герберта Осборна глубокий след. Познание тайных пружин, управляющих механизмом серьезных международных событий, знакомство с неприглядной ролью его родины в трагических событиях в Венесуэле нанесло серьезный удар по наивному юношескому патриотизму Яртли. А незаурядное честолюбие по-прежнему подстегивало. Он еще больше хотел стать первоклассным криптографом. Но теперь уже меньше думал о пользе нации и куда больше — о своей собственной.

В один из этих дней внимание Яртли привлекла телеграмма в пятьсот слов, адресованная в Белый дом лично президенту Вудро Вильсону его доверенным лицом полковником Эдвардом Хаузом, находившимся в Европе. Яртли загорелся. Ему представилась реальная возможность испытать на прочность код, который считался самым стойким и применялся только в переписке президента США.

Он занялся телеграммой и дешифровал ее за два часа. В рапорте полковника Хауза излагалось конфиденциальное сообщение о беседе с кайзером и содержалась строго секретная информация о внутреннем положении Германии, имевшая огромное значение для Великобритании.

Будем объективны к молодому телеграфисту. Прочитав эту телеграмму, он не столько обрадовался очередному подтверждению своего возросшего мастерства, сколько

обеспокоился и даже возмутился. «Как может Белый дом, — восклицал Ярдли, — так безрассудно доверять свои жизненно важные тайны шифру, рассыпающемуся под руками школьника?»

На протяжении последующих месяцев Ярдли регулярно читал все телеграммы, посылаемые в Белый дом и из него в Европу. Он стал обладателем самых сокровенных государственных тайн США. Некоторые из них не были известны даже государственному департаменту. До конца года Герберт Ярдли успел раскрыть еще несколько кодов американского внешнеполитического ведомства, но все еще не решился сказать об этом своему шефу. Он опасался причинить ущерб профессиональной гордости этого человека и, быть может, повредить тем самым собственной карьере.

Наконец Ярдли осенила, как ему казалось, блестящая идея. Он решил поделиться половиной своих успехов с Дэвидом Сэлмоном, предоставить тому возможность, разумеется без ущерба для его самолюбия, выступить рука об руку с подчиненным, стать соавтором исследовательской деятельности молодого криптографа.

Чтобы реализовать свой замысел, клерк подготовил пространный — около 100 страниц машинописного текста — меморандум «Решение проблем американских дипломатических кодов» и отнес его шефу, в надежде, что тот даст ход этой поистине талантливой разработке. Вручая Сэлмону итог почти пятилетнего труда, Ярдли, естественно, очень волновался — реакция шефа могла быть очень разной. Однако действительность превзошла самые мрачные его предположения. Реакции не было.

Похвалив сотрудника за «мастерски проведенный анализ», Сэлмон все оставил на своих местах и лишь постарался при разработке новых кодов учесть некоторые критические замечания криптографа.

Сейчас уже никто не узнает, что побудило шефа шифровой службы занять такую позицию по отношению к несомненно тревожным сигналам. Была ли это тупая ограниченность бывшего солдафона, или просто равнодушие дослуживающегося до пенсии пожилого человека, или очень точный ход опытного бюрократа, избавляющегося от несомненно более способного подчиненного. Но факт остается фактом. По честолюбивым надеждам Герберта Ярдли был нанесен очень серьезный удар.

В начале мая 1917 года разочарованный, более того — оскорбленный Ярдли сообщил Сэлмону о намерении перейти на службу в армию. «Было известно, — писал он позже по этому поводу, — что мы вступаем в войну. Я должен был быть терпеливым. Войны всегда открывают возможности». Напутствуемый наилучшими пожеланиями помощника государственного секретаря Уильяма Филиппса и хвалебной рекомендацией самого Сэлмона, Ярдли надеялся попасть в корпус связи и найти там применение своим талантам.

Последовательные перемещения в конце концов привели Ярдли в крохотный кабинет одного из военных колледжей,

который занимал в ту пору некий майор Ральф ван Диман, снискавший впоследствии широкую известность как «отец американской военной разведки». Этот невысокий энергичный офицер отнесся к Герберту Ярдли с большим вниманием.

Ван Диман занимался тогда реорганизацией разведывательной службы американской армии, добиваясь признания разведки особым отделом генерального штаба. Обрадованный сочувствием и пониманием, Ярдли посвятил ван Димана в свою идею и предложил создать в составе разведывательного отдела строго секретное шифровальное бюро.

И само это предложение, и очевидные способности Ярдли произвели на майора сильное впечатление. Некоторое время спустя военной разведке придали новое подразделение — М.И.8 — «для криптографических нужд разведывательного отдела». Его начальником стал только что произведенный в лейтенанты Герберт О. Ярдли. Создаваемое в атмосфере глубокой тайны новое подразделение поместили сначала в здании библиотеки военного колледжа, затем в помещении на углу 15-й улицы и, наконец, на верхнем этаже дома на одной из центральных авеню.

Лейтенант Ярдли разбил свое шифровальное бюро на пять секций. Группу, в которой составлялись коды и шифры для обеспечения собственных нужд армии. Секции связи и стенографическую — для чтения перехваченных документов, записанных различными стенографическими системами. Лабораторию тайнописи для выявления невидимых чернил. И самую близкую его сердцу — криптографическую секцию, где производилась дешифровка кодов и шифров противника. Чтобы скрыть ее истинные функции, она именовалась «инструкторской».

Вполне понятно, что самого Ярдли в наибольшей степени интересовала работа пятой секции. Это была первая организация такого типа, его детище, реальное воплощение давно вынашиваемых им планов. И он не жалел сил, чтобы доказать необходимость подобного рода организаций во всей системе разведывательных органов страны.

Надо сказать, что пятая секция М.И.8 неоднократно подтверждала высокую эффективность криптографии и как средства получения ценнейшей информации о противнике, и как действенного подспорья в очень сложных контрразведывательных операциях. Расскажем вкратце об одной из них.

На протяжении долгого времени в Соединенных Штатах успешно действовала германская шпионка, укрывавшаяся под псевдонимами Мари де Викторика, баронесса Кречман, Мари де Вюссьер. С 1914 года английская разведка следовала по пятам за женщиной, известной как «прекрасная блондинка из Антверпена». О ней было известно многое. И в то же время — почти ничего. Начав свою деятельность в Европе, она затем перебралась в Соединенные Штаты. Коды, которыми пользовалась «Блондинка» для зашифровки своих писем, и химические составы невидимых

чернил все время менялись. Но хотя это сильно осложняло работу Ярдли, тем не менее в апреле 1918 года именно по тайной корреспонденции шпионки удалось ее обнаружить.

Из расшифрованных писем были установлены тайные адреса, которыми пользовалась она в Голландии, Швеции, Швейцарии и в самих Соединенных Штатах. Эти адресаты и все связанные с ними лица были взяты под тщательное наблюдение. Вскоре секретные агенты заметили, что точно в определенный день недели, в одно и то же время кухня одного из подозреваемых входила в собор святого Патрика, занимающий целый квартал вдоль 5-й авеню в Нью-Йорке.

В том, что молодая девушка раз в неделю ходила на богослужение, не было, разумеется, ничего странного. Подозрительным показалось лишь то, что делалось это словно по особому расписанию. Но хотя довольно долго контрразведчики следили за каждым шагом «кузины», до 16 апреля 1918 года ничего необычного обнаружить не удавалось.

В этот вечер, как всегда, девушка вошла в почти пустой собор.

Она остановилась за церковной скамьей и некоторое время стояла на коленях, потом поднялась и быстро вышла, оставив на скамье газету. Сутулый, хорошо одетый человек, у которого в руке тоже была сложенная газета, стоял на коленях за той же скамьей. Подобрав обе газеты, он перекрестился, встал и вышел из собора. На улице «Сутулый» остановил такси и поехал в фешенебельный отель «Нассау», зашел в вестибюль, опустился в кресло, с видимым удовольствием закурил...

Примерно через полчаса «Сутулый» встал и вышел, уже известным приемом оставив газету на столике у кресла. Но сделал он это не раньше, чем красивая и хорошо одетая блондинка заняла место напротив. В ее руках тоже было несколько газет, которые она положила рядом с собой, и журнал. Посидев немного и просмотрев журнал, блондинка собрала все лежавшие на столике издания, пошла к лифту и поднялась к себе в номер.

Эта женщина и оказалась разыскиваемой английской разведкой мадам Мари де Викторика. Она была арестована в тот момент, когда в бинокль наблюдала из окон своего номера за проходившим в море транспортом военных судов, груженных снаряжением и войсками. Среди вещей мадам Мари были обнаружены два белых шелковых шарфа, пропитанных немецкими невидимыми чернилами. В газете, переданной ей «Сутулым», лежала 21 тысяча долларов от немецкого министра фон Эккарда.

В ходе следствия выяснилось, что Мари де Викторика с 1910 года была немецкой шпионкой. Она поддерживала связь со многими агентами разведывательной службы полковника Николаи, которые организовывали саботаж и диверсии на шахтах, пристанях, доках, верфях, судах и во-

енных заводах, занимались сбором информации, осуществляли террористические акты.

В разоблачении этой разветвленной агентурной сети пятой секции М.И.8 принадлежала едва ли не ведущая роль. Лейтенант Ярдли был поистине неутомим. Он разбирался не только в кодах и невидимых чернилах, но изучил также многие германские системы радиосвязи. Приблизительно в это же время возникло предположение, что инструкции отдельным немецким агентам за границей передаются по радио, для чего использовалась, по-видимому, станция «Поз», находившаяся в Науене, близ Берлина. На это указывала большая мощность станции и частое повторение одних и тех же сообщений.

Довольно скоро было установлено, что все эти сообщения адресованы немецкому посланнику в Мехико-Сити. Располагая этими данными и координируя работу своих представителей в Мексике, Ярдли вскоре смог дешифровать сообщения станции в Науене.

Организация саботажа на американских военных заводах, разжигание расовых конфликтов и осуществление диверсий на нефтепромыслах страны — такова была «тематика» передач, транслировавшихся из Берлина в Мехико-Сити и обратно. Хотя для связи с Мехико-Сити станция «Поз» применяла очень сложную для дешифровки систему пятизначных групп, М.И.8 справилась с этой задачей.

К концу войны Ярдли, теперь уже капитан, значительно расширил и обогатил свой криптографический опыт. Незадолго до ее окончания он был командирован за океан, чтобы ближе познакомиться с криптографическими учреждениями союзников. Здесь его поджидало очередное разочарование.

В августе 1918 года Ярдли прибыл в Лондон с целью установить контакты с английскими коллегами, а ко времени заключения перемирия находился в Париже, где изучал методы работы так называемого «черного кабинета» — французского контрразведывательного криптографического бюро. Видимо, поэтому ему и поручили выполнять обязанности криптографа американской делегации на открывшейся в Версале мирной конференции.

Несмотря на свое скромное воинское звание, Ярдли не без основания считал, что сумел сделать весомый вклад в дело победы союзников. Ведь недаром же Фридрих Великий часто повторял, что один хороший шпион стоит порой целой армии. И конечно, самолюбие Ярдли было очень уязвлено новым назначением.

К тому же и общая обстановка на Парижской мирной конференции оставляла желать лучшего. Президент «Вильсон там оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд-Джордж вертели, как пешкой»¹. Дипломаты Антанты дали ему возможность тешить себя иллюзиями о великом будущем США в Лиге наций, а сами тем временем стремились потеснить Соединенные Штаты где толь-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 67.

ко возможно. Поневоле знакомящийся с секретной информацией Ярдли со все большим презрением наблюдал за маневрами вчерашних союзников Америки.

Политические унижения сопровождались и личными.

В Версале Ярдли стал очевидцем «тщательно отшлифованного лицемерия и элегантной игры... интриг и контринтриг», на фоне которых его собственная хитрость показалась ему ничтожной. «Дела сильных мира сего, — записывает он позже в своем дневнике, — вызывали у меня мало почтения». Самолюбие Ярдли страдало и от пренебрежительного отношения к нему английских и французских коллег, для которых он «был всего лишь выскочкой».

Самым убедительным свидетельством приближения морального краха Ярдли в этот период было его равнодушие к известию, которое несколько лет назад заставило бы его любым способом поднять тревогу. Еще в ходе работы конференции из одной дешифрованной телеграммы криптограф американской делегации узнал о заговоре с целью отравить президента Вильсона. Нити заговора вели не в побежденную Германию, а... к французским и английским разведывательным службам. Проинформированный вышестоящий американский офицер убедил его не придавать значения сомнительной новости. И Ярдли, недавно еще неутомимый, неистовый Герберт Ярдли равнодушно согласился с подзрительными доводами. Из Европы он возвратился разочарованным, ожесточенным и циничным. Возвращение на родину душевного спокойствия не принесло.

Война кончилась. Военные учреждения начали сокращаться до пределов, предусмотренных бюджетом мирного времени. Это, естественно, коснулось и органов военной разведки. А ликвидация шифровального бюро для Ярдли означала бы крушение всех его жизненных планов. «Каждая война, — писал по этому поводу американский историк Л. Фараго, — порождает людей, у которых дремлющая склонность к приключениям расцветает буйным цветом и которым трудно возвращаться к нормам мирной жизни». Одним из таких и был Герберт О. Ярдли.

По расчетам шефа армейских криптографов, для эффективной работы секции требовалось не менее 100 тысяч долларов в год. Военно-морское министерство, соперничавшее с военным ведомством, отказалось субсидировать затею армейских разведчиков. И все же выход был найден. Государственный департамент, больше всех заинтересованный в такой работе в мирное время, согласился выделить недостающую сумму из своих средств. Фрэнк Полк, исполнявший обязанности государственного секретаря, и другие руководящие деятели внешнеполитического ведомства, хорошо знавшие Ярдли, достаточно высоко ценили его услуги и потому посчитали сделку выгодной.

Дело было довольно быстро улажено, но возникла новая проблема. Существовал закон, запрещающий включение подобной секретной организации в число учреждений государственного департамента, и поэтому она не могла находиться в Вашингтоне. Закон пришлось обходить, реализуя выде-

ленные ассигнования в другом штате. После долгих препирательств Ярдли направился в Нью-Йорк подыскать помещение, где американский «черный кабинет» мог бы укрыться от любопытных глаз и иностранных правительств.

Сам по себе факт смены штаб-квартиры не сулил криптографам никаких особенных неудобств. Вашингтон или Нью-Йорк, какая, собственно, разница? Но для Ярдли, чье тщеславие было под стать его талантам, все это означало очередной и очень болезненный щелчок по самолюбию.

Он ощущал себя чем-то вроде очень дорого оплачиваемого, высококвалифицированного лакея, от чьих услуг по доброй воле не отказываются, но с кем господа никогда не сядут за один стол. И быть может, догадываясь об этом, ему постарались подсластить пилюлю, увеличив жалованье самого Ярдли до 7500 долларов в год.

В Нью-Йорке Бозо (под таким псевдонимом начал Ярдли работать в новой организации) обосновался сначала в доме на 38-й, а затем на 37-й стрит, в тихом местечке между парком и Лексингтон-авеню. В верхнем этаже он устроил личную квартиру. Из М.И.8 Ярдли перевез в Нью-Йорк библиотеку словарей, карты, справочники, математические и статистические таблицы, уже расшифрованные коды и огромный архив газетных вырезок с сообщениями о наиболее существенных международных событиях.

Майор, да, теперь уже майор, Ярдли обрел самостоятельность и мог вести дело так, как считал нужным. Он очень много работал. Он следил одновременно за десятками официальных изданий и ежедневно прочитывал множество дешифрованных материалов. Это была весна 1919 года.

Морские пехотинцы с «Олимпиа» горланили на улицах Мурманска, дымилось пепелище приморской деревни Ивановка, где интервенты уничтожили 1300 мирных жителей, посол США в Японии Моррис призывал отправить в Сибирь еще 25 тысяч американских солдат. Майор Ярдли был в курсе и слов, и дел своего правительства.

В июле 1919 года генерал Деннис Нолан (в годы войны он возглавлял разведку генерального штаба американских экспедиционных сил), ставший после Мальборо Черчилля начальником военной разведки США, неожиданно вызвал Ярдли в Вашингтон. Инициатива исходила от представителя государственного департамента. Заведующий дальневосточным отделом Джон ван Макмюррей без обиняков спросил Ярдли, может ли он что-нибудь сделать с японскими кодами.

— С японскими? Это сложнее, чем все, чем мы до сих пор занимались, — несколько неуверенно ответил Ярдли.

— Но это очень, очень важно. Слушайте. — И Макмюррей объяснил суть задачи. После окончания мировой войны Япония за короткое время стала великой державой. Ее быстро возрастающая военно-морская мощь вызывала в Соединенных Штатах большие опасения. — ...Вот почему для нас так важно, — закончил дипломат, — знать все о намерениях японцев. Мы полагаем, что сможем получить

очень ценные сведения из японской дипломатической переписки.

Просительный тон Макмюррея оказал на Ярдли известное влияние. Майор расценил этот неожиданный вызов как своего рода победу над госдепартаментом. «Они умоляли, — писал он позже, — обратить все силы шифробюро на раскрытие тайн Японии».

Криптограф заверил Макмюррея, что или раскроет японский дипломатический код, или уйдет в отставку.

В этот период Япония действительно стала наиболее вероятным противником Соединенных Штатов. Опасаясь ее дальнейшего усиления, США почти одновременно предприняли два шага. Один — явный, второй — скрытый. Открытый состоял в том, что некоторые корабли американского военного флота срочно двинулись в Тихий океан. Тайный же представлял собой попытку получить с помощью Герберта Ярдли возможность читать секретную переписку и, таким образом, быть в курсе планов и намерений японцев.

Ярдли возвратился в Нью-Йорк, торопясь приняться за японскую шифровальную систему. Задача оказалась трудной. В его распоряжении было лишь около ста японских телеграмм. Каждая содержала колонки десятибуквенных закодированных групп, представлявших собой такую тарабарщину, что их невозможно было разобрать, даже если бы все это шло открытым текстом.

И все же Герберт Ярдли один за другим преодолевал тщательно воздвигнутые барьеры, упорно и методично штурмуя основы криптографической системы японских дипломатов. Вначале, чтобы выявить повторяемость, он статистически анализировал буквы и слоги, из которых формировались группы. Затем сопоставлял начальные и заключительные части различных телеграмм. А когда стало ясно, что при разработке кодов японцы используют двухбуквенные элементы, Ярдли составил контрольную таблицу японских слогов и фонетических символов и придал им романскую форму.

Принцип решения проблемы осенил его, когда майор-криптограф попытался уснуть после непрерывной двадцатичасовой работы. Что, если сопоставить содержание телеграммы с текущими международными событиями? Несомненно, в зашифрованном тексте есть фамилии известных лиц и названия географических пунктов. Это дало бы возможность раскрыть код.

Он немедленно спустился в свой рабочий кабинет и стал просматривать имеющиеся материалы под этим углом зрения. Вскоре Ярдли нашел весьма вероятную зацепку. В ту пору ирландские повстанцы боролись за независимость своей страны. Майор предположил, что во многих телеграммах может фигурировать, разумеется, в закодированном виде слово «Ирландия», а с ним по логике должно соседствовать слово «независимость».

Несколько часов напряженной работы, и вот японский код дал трещину. Выделены и внесены в новую таблицу

первые десять слогов. Постепенно раскрывается весь код, примененный для шифровки анализируемой телеграммы, а это, в свою очередь, помогает понять внутренний механизм всей криптографической системы. Важнее всего было найти принцип, тогда решение самой проблемы становилось лишь вопросом времени.

В феврале 1920 года Ярдли смог отослать в Вашингтон первую дешифрованную и переведенную на английский язык японскую дипломатическую депешу. Это было началом. С середины 1920 года в государственный департамент пошли полностью дешифрованные телеграммы, практически не имевшие искажений.

Этот успех был как нельзя ко времени. Интерес Вашингтона к японской дипломатической переписке возрастал с каждым днем. И рекомендации Ярдли были для госдепартамента как бы локатором, позволяющим нащупать верный путь в тумане дезинформации и дипломатического многословия.

В этот период свой первый существенный вклад Ярдли внес в обсуждение вопроса об одном из островов в западной части Каролинского архипелага. Остров этот ранее принадлежал Германии, а в 1914 году был оккупирован японцами, что вызвало вспышку ожесточенных споров на международной конференции по коммуникациям, состоявшейся в Вашингтоне в 1920 году.

Соединенные Штаты протестовали против оккупации Японией всей этой группы островов. Дело в том, что здесь проходил подводный кабель, связывающий Северную Америку с Восточной Азией и американское правительство сочло недопустимым ставить такую важную линию связи в зависимость от настроения японского правительства. В процессе спора Ярдли основательно подогрел ожесточение государственного департамента против Японии. Из дешифрованных им телеграмм выяснилось, что японцы перехватывали американские дипломатические и военные телеграммы, передающиеся по этому кабелю.

Очень скоро Ярдли предстояло сыграть еще более значительную роль. Осенью 1921 года должна была состояться международная конференция по ограничению военно-морского флота. Государственному департаменту было крайне важно знать содержание шифрованной переписки между министерством иностранных дел в Токио и японской делегацией на этой конференции.

...Ноябрь 1921 года выдался в Вашингтоне необыкновенно теплым. И это невольно вселяло надежду на благополучный исход представительного совещания. Столица Соединенных Штатов принарядилась, чтобы принять именитых гостей. По улицам пронеслись роскошные лимузины с дипломатическими флажками. В изысканных апартаментах Пан Америкэн Билдинг можно было увидеть крупнейших государственных деятелей капиталистического мира.

Конференция открылась 12 ноября ханжески-благочестивой речью президента США Уоррена Гардинга.

Американская делегация предложила в течение десяти

лет не увеличивать военно-морской флот наиболее мощных держав и на это время установить между американскими, английскими и японскими флотами соотношение 5:5:3. Рекомендовалось также не пополнять флот кораблями водоизмещением свыше десяти тысяч тонн, с артиллерийским вооружением более восьми дюймов, ограничить общий тоннаж авианосцев и определить максимальное водоизмещение линкоров, авианосцев и крейсеров.

План, предложенный американской делегацией, встретил резко критическое отношение. Например, полковник Репингтон — редактор военного отдела лондонского «Таймс» — комментировал его так: «Государственный секретарь Юз в течение тридцати пяти минут потопил больше кораблей, чем все адмиралы на протяжении столетий».

Предложение американцев поставило японское правительство в нелегкое положение. В связи с внутренними экономическими трудностями оно в общем-то не прочь было принять предложения о сокращении военно-морского флота, но не решалось проводить эту линию открыто. Сторонники агрессивного курса внутри страны в этот период уже набрали силу и оказывали на правительство уверенное давление. Полное согласие с требованиями Америки угрожало правительственным кризисом. В связи с этим японской делегации предписывалось настойчиво возражать против американских предложений и добиваться хотя бы незначительного увеличения доли в соотношении флотов.

Довольно скоро конференция зашла в тупик, и сдвинуть дело с мертвой точки никак не удавалось. Правда, не столько из-за японцев, сколько из-за упорной бескомпромиссной позиции американцев. 24 ноября газеты выступили с мрачным прогнозом, утверждая, что договор не будет подписан и конференция закончится безрезультатно. В Лондоне, Париже, Риме и Токио осуждали США за нежелание идти на уступки.

Такая тактика, как могло показаться на первый взгляд, «соответствовала наивности американской дипломатии и неопытности государственного секретаря». Но 11 декабря, когда все уже потеряли надежду, японская делегация неожиданно капитулировала. Принц Токугава — президент палаты и руководитель делегации на Вашингтонской конференции — объявил, что Япония безоговорочно принимает предложения американской делегации.

Соглашение было оформлено в виде договора пяти держав. Итоги Вашингтонской конференции бывший государственный секретарь США Эли Рут подвел в таких словах: «Я не знаю, случалось ли когда-нибудь, чтобы столь малые усилия дали столь большие результаты».

Надо сказать, что до Вашингтонской конференции Соединенным Штатам не так уж часто удавалось добиваться дипломатических успехов. В госдепартаменте сложилась даже традиция оправдывать неудачи «святой неподкупностью и возвышенными принципами». Тем большее впечатление, эффект «величайшего триумфа», удивившего мир, произвели итоги конференции 1921 года.

Как же случилось, что Юз, новичок в международных делах, перехитрил закаленных ветеранов дипломатических служб Великобритании, Франции и Японии? Все это было итогом очень точной, заранее продуманной игры. В лице Чарльза Юза государственный департамент имел незаурядного деятеля с железными нервами и редким умением прикрываться маской простачка. А Герберт Ярдли со своим «черным кабинетом» поставлял государственному секретарю абсолютно надежную информацию, позволявшую Юзу и его коллегам на несколько ходов вперед предугадывать маневры японского правительства и его делегаций.

Во время конференции специальный курьер ежедневно совершал рейсы между Нью-Йорком и Вашингтоном, передавая в собственные руки заведующего дальневосточным отделом госдепартамента и члена технического штаба делегации США Джона Макмюррея сумки с корреспонденцией. На должность курьера (рядового чиновника не сочли достаточно надежным) специально отозвали в Штаты Трэси Лея, который занимал консульский пост за границей.

Первой дешифрованной телеграммой, имевшей прямое отношение к делам, обсуждавшимся на конференции, была телеграмма японского посла в Лондоне своему правительству, датированная 5 июля 1921 года. Из текста телеграммы явствовало, что японский посол и лорд Керзон договорились об укреплении англо-японского союза. Затем было дешифровано телеграфное сообщение барона Сидехара, японского посла в Вашингтоне, министерству иностранных дел в Токио от 10 июля. Сидехара, излагая содержание своей беседы с государственным секретарем Юзом, указал, что правительство Гардинга готовит конференцию по ограничению военно-морских вооружений.

Много телеграмм было дешифровано и в последующие дни. Телеграмма от 13 июля особенно ясно показала всю пользу этого источника информации: в ней Токио рекомендовал Сидехаре не спешить с одобрением американской инициативы, так как она наверняка будет направлена главным образом против Японии, и в обмен потребовать согласия на действия против Китая и советской Сибири.

«Неизвестно, во что выльется предстоящее обсуждение, — писал барону Сидехаре заведующий американским отделом министерства иностранных дел Японии Цунео Мацудайра, — но при любых обстоятельствах оно не должно связывать нам руки в отношении Китая и Сибири. В этом нам великие державы не должны препятствовать».

Возможность получать такого рода информацию позволяла государственному департаменту знать о планах и действиях противника, о его сильных и слабых местах, о его надеждах и опасениях. Но тут случилась неприятность, грозившая лишить США этой возможности и свести на нет роль Ярдли: с 15 июля японцы ввели в действие новую сложную систему шифровки.

Нельзя сказать, что это застало криптографов врасплох. Майор Ярдли прекрасно знал, что все шифровальные бюро периодически меняют коды, а в особо важных случаях го-

товят специальные (с января 1920 года он сам раскрыл пятнадцать различных японских шифров). Более того, он пытался даже предугадать, каким будет новый код японцев. Однако попытки раскрыть его оставались тщетными. Бюро Ярдли лихорадочно искало ключ к новой системе, но этого не удалось сделать ни в августе, ни в сентябре.

Календарь торопливо отсчитывал дни и недели. Американская делегация, работавшая теперь, можно сказать, вслепую, судорожно искала способ подготовить (на случай, если японцы окажутся совсем уж несговорчивыми) какой-то обходный контрманевр. Токио, увидевший в этой заминке определенный шанс на реализацию чаяний собственных экспансионистов, одно за другим слал своей делегации требования не сдавать позиций, выторговывать все, что можно. Обстановка на конференции продолжала накаляться. В Вашингтоне рвали и металы.

Неожиданно государственный департамент получил столь необходимую ему помощь. Военно-морская разведка США сумела добыть информацию, в которой остро нуждался Юз и которую теперь не мог предоставить Ярдли.

После решения о созыве конференции в Вашингтоне главному командованию военно-морских сил США было крайне важно знать, какова окажется позиция Японии. Капитан Эндрю Лонг, начальник военно-морской разведки США, поручил военно-морскому атташе в Токио капитану 1-го ранга Эдварду Уотсону «выяснить, в каких пределах японцы пойдут на компромисс».

Уотсон, инициативный и находчивый офицер, был идеальным разведчиком для работы в стране, которую военно-морское министерство считало наиболее вероятным противником. Раз в неделю он встречался с влиятельными офицерами японского флота в одном из элегантных чайных домиков района Цимбаци, вел внешне непринужденные беседы, из которых ловко выуживал важные сведения.

Насколько важные — представить нетрудно, если напомнить, что завсегдатаями этого домика были капитан 1-го ранга, начальник военно-морской разведки Японии (позднее адмирал и посол) Касисабуро Комура, капитан 1-го ранга (позднее адмирал и начальник главного морского штаба) Осами Нагано, капитан 3-го ранга (позднее адмирал-премьер и военно-морской министр) Мицумаси Йонайи. То была как бы могущественная внутренняя пружина главного военно-морского штаба.

В этом обществе Уотсон и собирал нужную ему информацию. Он тщательно разработал тактику и технику подобных бесед, умело сочетал чувствительные темы и крепкие коктейли, делавшие его японских друзей разговорчивыми, а случалось — изобретал что-нибудь совершенно неожиданное.

Незадолго до открытия конференции, чтобы усыпить бдительность своих партнеров, сделать вид, будто эти встречи не имеют для него сколько-нибудь важного значения, Уотсон решил пропустить несколько вечеринок и отправил туда своих помощников: капитан-лейтенанта Эллиса Захариаса и

капитан-лейтенанта Джона У. Макклэрена. Предварительный инструктаж был предельно тщателен. «Информационные сведения, которые нам разрешили выдать японцам, — потом докладывал Э. Захариас, — были тщательно просеяны, взвешены и распределены по времени, наводящие вопросы заранее продуманы. Мы отрепетировали даже интонации в предстоящем разговоре, научились притворно удивляться с самым искренним видом и наметили паузы между предложениями. Мы готовились хорошо сыграть свою роль в этом представлении».

Отсутствие Уотсона на вечеринке сделало атмосферу совсем непринужденной и принесло как раз те результаты, на которые он и рассчитывал. Захариасу и Макклэрону удалось получить нужную информацию. Она дала ключ к плану, которым должен был руководствоваться глава японской делегации на Вашингтонской конференции барон Като.

Когда несколько дней спустя Уотсон посылал свой подробный итоговый отчет об этой встрече в разведывательный отдел флота, он мог с уверенностью доложить, что «Япония в конце концов согласится с соотношением флотов, предложенным государственным секретарем Юзом». Такая информация в большой степени предопределила результаты конференции. По оценке американских специалистов, капитан Уотсон и его молодые помощники хорошо подготовили эту «зыбкую, но тонкую разведывательную операцию».

Тем временем Ярдли продолжал день и ночь работать над раскрытием нового японского кода, который оказался намного более трудным, чем все предыдущие. Текст, зашифрованный этим кодом, включал в себя десятибуквенные группы и, казалось, должен был состояться из двухбуквенных или четырехбуквенных элементов. Но если во всех телеграммах, зашифрованных японскими кодами, ранее раскрытыми Ярдли, сумма букв делилась на два, то в новых шифрограммах не делилась. Это опрокидывало все расчеты.

Лишь к началу августа Ярдли понял, в чем дело. Японцы, чтобы сделать новый код более стойким, составили его из комбинаций трехбуквенных и двухбуквенных элементов. Когда криптографы стали разбивать десятибуквенные группы на двух- и трехбуквенные элементы, все стало на свои места.

«Черный кабинет» снова читал японские телеграммы, бережно собирая строительный материал, из которого Юз должен был соорудить свою позицию на конференции великих держав. Услуги Ярдли — и сам он это прекрасно понимал — опять были для США чрезвычайно важны. Хотя государственный секретарь уже знал от военно-морской разведки о готовности японцев согласиться с американскими предложениями, на плечи майора, работавшего в Нью-Йорке, ложилась важная задача — обеспечить тактическую информацию, день за днем, телеграмма за телеграммой раскрывающую хитросплетения японской политики.

Решающее известие пришло 28 ноября. Это была телеграмма, подписанная министром иностранных дел Японии Иосуи Уцидой и дававшая послу Сидехаре инструкции для японской делегации. В них был первый серьезный признак ослабления сопротивления японцев. «Необходимо, — писал Уцида, — избегать всяких столкновений с Великобританией и Соединенными Штатами, особенно с Соединенными Штатами, по вопросу об ограничении вооружений». Как явствовало из телеграммы, японцы намерены были принять американские предложения о включении в договор «гарантий сокращения или по меньшей мере сохранения статус-кво в вооруженных силах на Тихом океане».

В телеграмме от 8 декабря, направленной своему правительству, министр Като потребовал, чтобы ему разрешили либо отвергнуть предложения американцев, либо согласиться с ними. Это прозвучало как ультиматум. 10 декабря из Токио прибыло разрешение подписать договор. Оно было изложено в телеграмме № 155, которую принц Токугава 11 декабря огласил на конференции: «Мы считали соотношение сил как десять к семи абсолютно необходимым для соблюдения национальных интересов Японии. Однако США упорно отстаивали предложения Юза. Таким образом, не было возможности выйти из создавшегося противоречия. Теперь, если руководствоваться интересами стабилизации международных отношений и духом доброй воли, вам не остается ничего другого, как согласиться с предложениями Соединенных Штатов». Это было важной победой внешнеполитического курса США.

Ликующие американские дипломаты в какой-то мере поделились своим триумфом с Ярдли и его анонимными помощниками. «Все мы, — признавал впоследствии Ярдли, — получили щедрые подарки от руководителей государственного департамента и военного министерства, а также их благодарность и заверения в том, что наша каторжная работа на протяжении конференции оценена правительством».

7 ноября 1923 года майору Ярдли вручили сообщение военного министерства США о награждении его орденом «За отличную службу». Хотя в уведомлении говорилось, что он награжден за «выдающиеся заслуги и отличную службу... в период мировой войны», в действительности орден был дан за раскрытие японских кодов вс время Вашингтонской конференции.

Однако Ярдли не считал свою работу вознагражденной сообразно ее истинному значению. Достаточно обоснованно он полагал главным архитектором этой американской дипломатической победы себя, а не работников госдепартамента. «Не так уж трудно играть в покер, — с раздражением повторял он, — если предварительно заглянешь в карты противника». Необходимость, выполняя серьезнейшие государственные поручения, оставаться в тени ранила его теперь уже болезненное самолюбие.

К тому же, и это было, пожалуй, самым главным, Ярдли искренне не мог понять, почему, на каком основании и государственный секретарь Юз, и вся остальная дипломати-

ческая камарилья позволяют себе держаться с криптографами так, как будто те выполняют какую-то второстепенную, грязную, недостойную порядочных людей работу.

Уж кто-кто, а он, шеф криптографической службы, на протяжении многих лет посвященный в святая святых и госдепартамента, и военного министерства, лучше кого-нибудь другого знал подноготную всей американской дипломатической и военной политики. Они, по убеждению Ярдли, были так же черны, столь же бесчеловечны, как самый грязный шпионаж, самые разрушительные диверсии.

Возвращение майора Ярдли в Нью-Йорк не походило на марш триумфатора. Угрюмый и ссутулившийся, он сидел в кресле экспресса, машинально пробегая взглядом заголовки газет. Ему было уже за тридцать. По американским понятиям, время, отпущенное для жизненного старта, уже истекло. Чего же добился он, несомненно, один из талантливейших криптографов своего времени. Еще и еще раз перебирал Ярдли в памяти события последних лет. Вспомнить было что.

За время существования «черного кабинета» — с 1917 года, его сотрудники дешифровали более 45 тысяч криптограмм и раскрыли коды двадцати стран, в том числе всех крупнейших держав мира. Это расценивалось как «выдающийся успех». И что же?

Опять он должен возвращаться в неприметный особняк на углу 37-й стрит, снова и снова ждать часа, когда о нем вспомнят, а потом работать, работать, работать до изнеможения, до одури, чтобы опять честно заработанный орден сунули тайком, как чаевые швейцару, которые дают не глядя и брезгливо отдергивают руку.

Было над чем задуматься...

7 марта 1925 года какой-то американец, будто бы работавший в криптографическом бюро военного министерства, установил контакт с японским посольством в Вашингтоне. Он предупредил советника Исабуро Иосиду, замещавшего в то время посла, что «военное министерство США имеет весьма квалифицированное дешифровальное бюро» и что «нет такого иностранного кода, который не смогло бы раскрыть» это таинственное учреждение. Анонимный информатор рекомендовал как «единственную возможность предохранить коды (японские) — менять их как можно чаще».

Этот сенсационный материал 10 марта 1925 года был препровожден в Токио (секретный, № 48). Однако в японских архивах, по утверждению Л. Фараго, специально занимавшегося исследованием этого вопроса, до сих пор не обнаружено каких-либо документов, указывающих на то, что в связи с этим предостережением были приняты какие-либо меры для усиления безопасности своей криптографической системы. Кем был доброжелатель-аноним, тоже с достоверностью пока не установлено.

Но некоторые вполне обоснованные предположения на этот счет можно сделать. Хотя бы из сопоставления с событиями, последовавшими очень скоро и теперь уже рас-

следованными в деталях. Летом 1928 года в Нью-Йорке Яртли отправился в гости к своим приятелям-японцам, рассчитывая, как он писал в служебном отчете, извлечь кое-какие разведывательные данные из беседы с Косиро Такадой, представлявшим токийскую газету. К этому времени разочарование и озлобление Яртли достигли кульминации. Еще будучи телеграфистом государственного департамента, он лелеял мечту о том, что под его началом будет центральное криптографическое агентство США с сотнями служащих «для раскрытия секретов столиц мира».

Удачные начинания в М.И.8 и большой успех в 1921—1922 годах превратили эту мечту в навязчивую идею. Но Яртли не получил того признания и не достиг того положения, к которому так стремился. Его власть и влияние были ограничены, а поле деятельности не так широко, как ему хотелось бы. «Компания дилетантов — так он называл своих коллег из других криптографических бюро — упрочилась на важных постах».

Считая, что правительство отнеслось к нему неблагодарно и даже вероломно, Яртли решил, что это освобождает его от всяких моральных обязательств. Кроме того, он испытывал и финансовые затруднения. Его привычка жить на широкую ногу в дни процветания требовала все больше и больше денег. Он искал пути, чтобы «расквитаться со всеми» за причиненную обиду и вместе с тем удовлетворить настоятельную потребность в деньгах.

Через несколько недель после беседы с Косиро Такадой Яртли позвонил ему по телефону и договорился о новой встрече. Заявив Такаде, что располагает ценной для японского правительства информацией, Яртли просил свести его с посланцем Тцунео Мацудайрой. Такая встреча состоялась в ближайшие же дни. Договорившись с Яртли обо всем, японский посол предложил ему во время очередного приезда в Вашингтон позвонить в особняк на Крисцент Плейс, где он найдет надежного человека, которому сможет передать информацию.

На Крисцент Плейс, 1661, около Коннектикут-авеню, в маленьком каменном доме Яртли принял советник японского посольства Сетцузо Савада. Яртли сразу же приступил к делу. Представившись как старший криптограф американского правительства, он довольно подробно рассказал о своих возможностях и изъявил готовность продать важнейшие государственные секреты США за десять тысяч долларов наличными.

Предложение было сделано настолько неожиданно и в лоб, что поначалу вызвало подозрения. Если верить его первому сообщению в Токио, где советник описывал странное обращение старшего криптографа, Савада сказал Яртли: «Но ведь у вас, судя по характеру работы, куча денег! Почему же вам понадобилось продать свою страну?»

«Очень просто, сэр, — ответил Яртли. — Случилось так, что мне нужно еще больше».

Разумеется, Савада понимал, какая беспримерная возможность откроется перед ним, если информация Яртли

окажется правдивой. После того как его рапорт достиг Токио, в Вашингтон с дипломатическими паспортами на вымышленные имена срочно направили двух лучших японских криптографов. Они должны были определить, насколько серьезно и перспективно предложение Ярдли, и соответственно проконсультировать Саваду. Одним из них был капитан Кинго Инсус из военно-морского флота, прикомандированный к министерству иностранных дел для организации «исследовательской дешифровальной группы» в отделе связи, другим — Наоси Озеки, руководивший криптографами министерства иностранных дел.

Савада и Ярдли, потрговавшись, сошлись на том, что японцы выплатят майору семь тысяч долларов, в дальнейшем же, если сотрудничество продолжится, он сможет получить больше.

Сделка оказалась на редкость выгодной для японцев. Они получили исчерпывающую информацию о всех тайнах американского «черного кабинета», познакомились с методологией Ярдли, в частности, той, которая применялась при раскрытии японских кодов. Кроме того, Ярдли передал им копии рабочих документов, а также материалы, связанные с дешифровкой других иностранных кодов, в том числе и кода министерства иностранных дел Великобритании, в котором японцы были крайне заинтересованы.

Советник Савада на какое-то время остался в Вашингтоне, чтобы поддерживать связь с Ярдли, а в 1929 году был отозван в Токио и поставлен во главе отдела связи министерства иностранных дел. Считалось, что Савада хорошо разбирается в действиях противника по раскрытию японских шифров и более, чем кто-либо другой, подходит для этой роли. Перед ним была поставлена задача улучшить работу криптографического бюро. Информация, полученная им от Ярдли, сыграла в этом важную роль — она способствовала ускорению автоматизации японской криптографии путем создания шифровальных машин.

Машин, работа с которыми была бы абсолютно надежной, японским специалистам в общем-то не удалось создать. О том, каким образом была в конце концов налажена расшифровка материалов, прошедших через эти автоматизированные кодирующие устройства, существует довольно много различных версий.

Но какая бы из них ни была ближе всего к реальным фактам, детали здесь не так уж важны. Гораздо существеннее другое. Американцы сумели наладить регулярное чтение дипломатической переписки японцев, имели неопровержимые доказательства того, что Страна Восходящего Солнца вот-вот развернет военные действия, и даже знали, где они начнутся.

Почему же оказался возможен Пирл-Харбор? За что заплатили своей жизнью тысячи американских моряков, погибших в первые часы войны на взорвавшихся, опрокинувшихся, сгоревших, затонувших крейсерах и линкорах?

Ладислас Фараго в предисловии к фундаментальному исследованию «Операция «Чудо» и трагедия Пирл-Харбора»

возлагает ответственность за гибель американского флота на тех сотрудников госдепартамента, военных и военноморских ведомств, которые знали и видели, что острие японской агрессии будет направлено на советский Дальний Восток.

Вот как описывает Л. Фараго последний мирный вечер Вашингтона 6 декабря 1941 года. Шифровка, недвусмысленно говорящая о том, что военные действия начнутся в течение ближайших 24 часов, уже прочитана высшими военными чинами армии и флота. Чем они заняты?

«Государственный секретарь Кордел Хэлл, Генри Стимсон и Фронн Накс — пожилые люди, не обремененные обязанностями светской жизни, были дома, так же как и начальник генерального штаба генерал Маршалл... Адмирал Гарольд Р. Старк — начальник штаба ВМС США, вместе со своим старым другом капитаном Гарольдом Крином ожидали в национальном театре начала оперетты Зигмунда Ромберга «Принц-студент».

Начальник оперативного управления штаба ВМС контр-адмирал Лиф Нойес вместе с мисс Нойес находился в кино.

Капитан 1-го ранга Теодор С. Уилкинсон — начальник военноморской разведки — тоже ушел домой в четыре тридцать. Он пошел пешком вдоль парка Потомак, беседуя с группой молодых офицеров. Им повстречался Турнер, который накануне высказывал кое-какие опасения, и Уилкинсон поспешил его успокоить.

— Вы ошиблись, Келли! — окликнул Уилкинсон Турнера.

Тот сначала не понял.

— В чем я ошибся?

— Ошиблись в своих предположениях. Японцы нападут, но, — Уилкинсон хитро улыбнулся, — но не на Соединенные Штаты».

В этот час авианосцы адмирала Ямамото уже приближались к Пирл-Харбору.

Из-за предательства Ярдли японское правительство было полностью в курсе настроений, царивших в Вашингтоне в декабре 1941 года. Ему понадобилась лишь малая толика дезинформации, чтобы заставить американцев поверить в то, о чем они мечтали, — в повторение японской агрессии против Советского Союза. Пробуждение от сладких снов всегда несколько разочаровывает.

А Ярдли? Что же, собственная судьба майора сложилась вполне благополучно. В 1929 году он оставил «черный кабинет» и занялся литературной деятельностью. Некоторое время он читал лекции в Чикагском университете для сотрудников научной лаборатории по предотвращению преступности, а затем в течение шести лет работал в учебных заведениях других американских городов.

В 1938 году он получил предложение генералиссимуса Чан Кай-ши поступить к нему на службу. Перед Ярдли снова были поставлены криптографические задачи — перехватывать японские военные телеграфные сообщения и дешифровать их. Под именем Герберта Осборна он поехал

в Китай через Европу. Боясь, что японцы могут совершить на него нападение, Ярдли тщательно, до деталей продумывал свою поездку, занявшую два месяца. С помощью более чем семисот китайцев, в числе которых были переводчики и радисты, Ярдли успешно дешифровывал японские сообщения и докладывал об их содержании Чан-Кай-ши.

Весной 1940 года некий генерал Х уведомил Ярдли о том, что его знания опять необходимы Вашингтону. Когда майор прибыл в США, ему вручили специальную пишущую машинку с японским шрифтом. С ее помощью криптограф подготовил для американских войск связи несколько брошюр с описанием японских военных кодов, шифров и методами их дешифровки, которыми он овладел за двухлетнее пребывание в Китае. Этим Ярдли был занят около шести месяцев. Затем канадское правительство пригласило его в Оттаву.

Следственные и разведывательные учреждения, канадская конная полиция и военные департаменты были наслышаны об успехах Ярдли. Его спросили, не согласится ли он работать на них и, в частности, помочь в расшифровке радиопередачи из Берлина агентам абвера в Южной Америке. В эту пору Лондон не доверял своему большому североамериканскому доминиону и не передавал канадцам сведения, которые получал через перехватывающие радиостанции, расположенные в приморских районах Канады.

Разгневанные члены канадского парламента решили создать свою собственную группу, занимающуюся дешифровкой. Так Ярдли стал снабжать Канаду информацией, в которой английское правительство ей отказывало. Два обстоятельства — внезапное нападение на Пирл-Харбор и решительный протест Лондона против «измены» ее доминиона — вынудили американского криптографа вернуться в Вашингтон. После возвращения он служил в тыловых ведомствах и продолжал заниматься литературной деятельностью.

Скончался он в 1958 году мирно, благопристойно, в собственной постели и был погребен с воинскими почестями на Арлингтонском кладбище — месте последнего упокоения национальных героев Соединенных Штатов. Документы, из которых стало известно о его предательстве, попали в руки американских властей два года спустя.

ОДИН НА ОДИН С СОБОЙ

«Долговременные путешествия, а особенно морем чинимые, часто бывали причиною многих приключений, кои нередко выходили из пределов вероятного. И хотя в некоторых случаях и могут они числиться между вероятными, но, по крайней мере, не совсем и достоверны и как бы нарочно разными чудными подробностями украшены для того, чтобы тем читателя привести в некоторое удивление».

*Петр Людовик Ле Руа,
«Приключения четырех российских матросов,
к острову Шпицберген бурю принесенных»,
1772 год.*

Четыре типичных английских двухэтажных дома, сложенных из красного кирпича, на типичном английском газоне... Так выглядит Британский национальный морской музей в Гринвиче. Кроме нулевого меридиана, здесь «прописан» легендарный чайный клипер «Катти Сарк» и яхта «Джипси-Мот IV», на которой капитан-одиночка Френсис Чичестер обогнул земной шар. Весной прошлого года одному из авторов этого очерка посчастливилось говорить здесь, в Гринвиче, на борту «Джипси-Мота IV», с семидесятилетним капитаном. На вопрос, что потребовало от него наибольшей выдержки и душевных сил, Чичестер ответил:

— Одиночество!

Неслучайность ответа сэра Френсиса подтвердилась в тот же день, когда автор увидел в одном из холлов Морского музея выставку, посвященную 250-летию со дня выхода в свет знаменитой книги Даниеля Дефо о преодолении одиночества.

Целый зал, от пола до потолка, был заставлен ее изданиями. Крохотные томики и роскошно иллюстрированные альбо-

мы. Гравюры по дереву, меди и стали, рисунки и тиснения, вышивки и статуэтки. Бесчисленные переводы, пересказы, подражания, «продолжения». Наверное, не будет преувеличением сказать, что за эти два с половиной столетия с книгой о Робинзоне Крузо познакомилось все знающее грамоту человечество.

В чем причина такого неослабного интереса? Были ли реальные прототипы у персонажей книги? Как развивалась ее тема? Этими вопросами задалась авторы, начав свой поиск в море книг советских и зарубежных библиотек. Часть фактов, возможно, уже известна читателю. О других он прочтет впервые. Но так или иначе разговор стоит начать.

СТРОПТИВЫЙ БОЦМАН

Сентябрьские волглые лучи висли над мачтами английского корабля «Пять портов», а тяжелые, словно литые, валы заставляли его то и дело кланяться берегу — заросшему лесом базальтовому клочку суши. После утренней молитвы и подъема флага команда была выстроена вдоль борта и теперь внимательно следила за действиями судового барабанщика. На сей раз тот выступал во второй своей роли — экзекутора. Не торопясь, обстоятельно, он кончил привязывать к вантам высокого рыжеволосого человека в холщовых брюках и сделал несколько шагов к шканцам — возвышению на корме, где стоял капитан, единственный, казалось бы, не заинтересованный в происходящем, ибо взгляд его рассеянно скользил по морю.

— Можно начинать, сэр? — осведомился один из офицеров.

— Начинайте, — сухо бросил капитан.

Старший офицер махнул рукой барабанщику. Тот разобрал линьки — тонкие куски манильского троса, привязанные к рукоятке, примерился и обрушил первый удар на спину наказываемого. Второй пришелся по плечу, третий зацепил шею... Потом пятый, шестой... На спине человека появились красные полосы... На десятом ударе он стал мотать головой, выцедив стон. На пятнадцатом капитан, продолжавший все это время рассеянно переводить взгляд с моря на берег, обронил:

— На этот раз хватит!..

Барабанщик отвязал наказанного и мимо строя, поддерживая за локоть, повел его к шканцам.

— Надеюсь, впредь вы уясните себе, Селькирк, что дело боцмана — управлять экипажем, а не перечить капитану, — сказал, прикоснувшись крахмальным платком к бакенбардам, командир фрегата «Пять портов» Генри Страдлинг.

Наказанный помолчал мгновенье, набрал в легкие воздуха и хрипло ответил:

— Если я не подхожу вам, разрешите мне оставить ваше судно, сэр!

Все замерли.

Капитан Страдлинг медленно опустил руку с зажатым платком, лоб его налился медью.

— Берите свои пожитки и гребите к берегу! И разрази ме-

ня гром, если вас на выстрел допустят когда-нибудь к кораблю ее величества!

Селькирк молча повернул к кубрику. И не было, наверное, на борту матроса, в котором не шевельнулось бы сочувствие к боцману. Своей распорядительностью он не раз выручал экипаж, а во время бури, сильно потрепавшей «Пять портов» у тихоокеанского побережья Испанской Америки, чудом успел убрать паруса до того, как налетел шквал. Если бы не это, не добрались бы они до этих пустых клочков суши, называемых Хуан-Фернандесом.

Словно какое-то проклятие тяготело над кораблями «Святой Георгий» и «Пять портов», вышедшими под началом старого морского волка капитана Вильяма Дэмпера из Англии для «раскрытия новых путей в Тихом океане», как говорилось в королевском рескрипте. Эта зыбкая формула означала очень широкие полномочия, в том числе и грабеж испанских владений, и нападение при случае на испанские корабли. Плавание сулило немалую добычу, и матросы с нетерпением ждали прибытия в далекие воды. Сам Дэмпер находился на «Георгии»; «Пять портов» вел капитан Страдлинг, известный своим крутым нравом. С самого отхода, едва скрылись за кормой дрожавшие в ночи огни Бристоля, у капитана возникли нелады с боцманом. Селькирк, который из своих двадцати семи лет двенадцать провел на море, счел для себя обидным смолчать в ответ на ругань капитана.

Недельный шторм, нагнавший их после того, как эскадра Дэмпера счастливо обогнула мыс Горн, окончательно вымотал экипаж. К тому же корабли потеряли из виду друг друга, и «Пять портов», давший течь, с трудом доплелся до Хуан-Фернандеса. Команда радостно приготовилась ощутить твердь под подошвами своих башмаков, но капитан Страдлинг приказал всем оставаться на борту. Это было уже слишком! Столько времени мотаться на волне, и сейчас, когда вот она, земля, — ласковая, заросшая влажным лесом, — видеть ее, дразнящую, только издали!

Боцман снарядил шлюпку и с частью команды отправился, несмотря на запрет капитана, за водой. С собой они взяли мушкеты пострелять коз и корзины для раков. Поход прошел отлично — проведя два дня на острове, моряки вернулись с добычей.

Наутро капитан Страдлинг велел всыпать строптивому шотландцу пятнадцать линьков за непослушание и теперь вот ссаживает его в тысяче километров от ближайшего большого берега.

С борта «Пяти портов» уже спущен плотик, куда полетел узел с постелью, суконная куртка и штаны из синей грубой фланели, кремневое ружье, мешочек пуль, отдельно — кожаный кошель с порохом, кремень, медный котелок, компас, кирка, кожаный пояс с широким морским ножом, библия. Гневная обида и суматоха высадки не лишили разума и деловой сметки боцмана Александра Селькирка — ведь он знал, что ему придется остаться на острове одному, а значит, надо запастись всем необходимым...

...Пассажиры не верят своим глазам: что происходит? Не наваждение ли это? Или просто в глазах еще не остыло солнце, хотя их туристский лайнер порядком уже спустился ниже тропика Козерога? От маленького островка в архипелаге Хуан-Фернандес отвалил плот, самый настоящий деревянный плот, а на нем двое людей, каких можно увидеть разве что на иллюстрациях в старых книгах. Один — в куртке из козьей шкуры и высокой шапке, напоминающей кивер. Второй — бронзовотелый, в одной набедренной повязке. Который сейчас год?.. Который век?..

Этот маскарад входит в стоимость билета и предусмотрен программой туристского круиза вокруг Южной Америки. А имя, произнесенное на палубе белого теплохода, развеивает разом недоумение...

Все происходило именно так сентябрьским утром 1704 года. Только человек на плоту был одет в форму матроса британского королевского флота, и греб он в одиночку в противоположном направлении — от корабля к острову.

...Весла в руки — боцман Селькирк оттолкнулся от борта «Пяти портов». Он не беспокоится: он ненадолго задержится на Мас-а-Тьерра. Корабли частенько заходят сюда за свежей водой, команде представляется возможность половить раков или пострелять одичавших коз. Ничего, следующий же корабль подберет его — и тогда прощай, ненавистный капитан Страдлинг! Сколько он перевидал капитанов с той поры, как оставил родную шотландскую деревушку Ларго! Седьмой по счету сын сапожника, он бежал на корабль, не снеся позора, после того как пастор с амвона сурово выбрал его за «дурное поведение». С тех пор он скитался по морям.

В двух кабельтовых от берега он вдруг останавливается и после минутного колебания поворачивает назад. Этот чертов Страдлинг — с него станется обвинить боцмана в дезертирстве. И тогда, по возвращении в Англию, у боцмана есть все шансы провести лет пятнадцать на каторге. Нет, так просто, за здорово живешь, он его не купит!..

Селькирк подгребает к высокому почернелому борту судна. Наверху показывается шляпа капитана.

— Что ты забыл здесь?

— Я хотел бы подняться на борт, сэр...

— Убирайся к дьяволам и забудь о моей палубе!

Шляпа исчезла. Может, попытаться еще? Но ведь боцман знает, что Страдлинг никогда не отменит своего решения, проси его об этом хоть сам господь. Будь что будет... Да разве первый он, Селькирк остающийся одиночкой на острове Мас-а-Тьерра! Именно здесь прожил более трех лет матрос-индеец из племени москито, историю которого описал тот самый Вильям Дэм্পер, командующий эскадрой, состоящей из кораблей «Святой Георгий» и «Пять портов». Судьба свела Селькирка с Дэмпером в этом несчастливом рейсе и сведет еще не однажды.

...Пока боцман с «Пяти портов» гребет к Мас-а-Тьерра, одному из трех островков в архипелаге Хуан-Фернандес, чтобы начать, сам того не ведая, путь в бессмертие, у нас есть

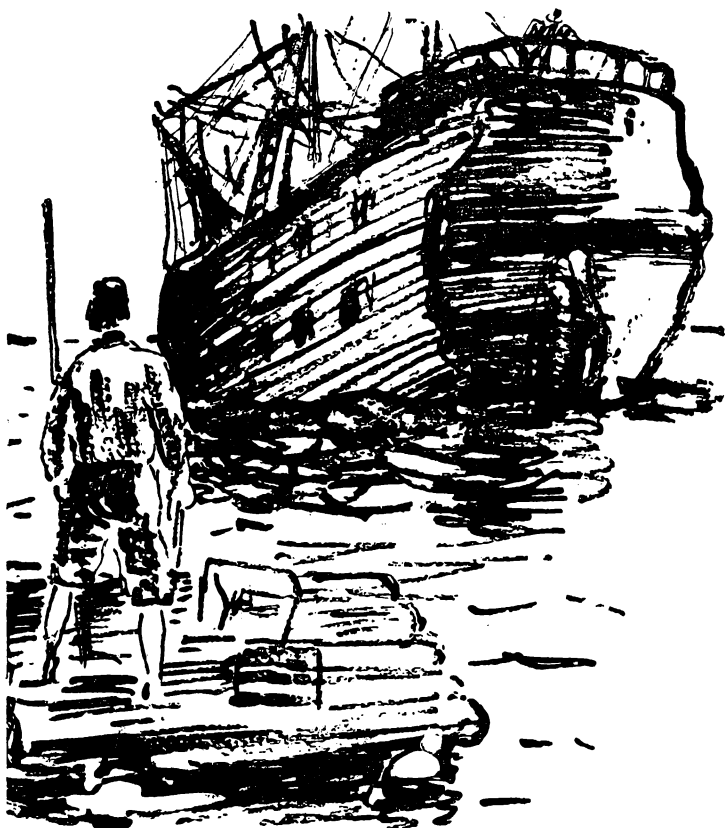
время рассказать об одиночке, обитавшем до него на этом же самом клочке суши. Цитируем по старинной книге «Рассказы о кораблекрушениях» француза А. Плюшара, изданной в переводе В. М. Строева в типографии Императорской Академии наук в 1854 году с дозволения цензора А. Фрейганга:

«Капитан Дэмпьер упоминает в своем журнале, веденном во время экспедиции в Южном море в 1680 и 1681 годах, об индейском моските Уиле, который был брошен на этом острове в 1681 году.

26 декабря, говорит он, корабль наш стал на якорь у восточного берега острова Хуан-Фернандеса¹, чтобы запастись

¹ На самом деле это не остров, а название группы из трех островов: Мас-а-Тьерра («Возле земли»), Мас-а-Фуэра («Дальше в сторону») и Санта-Клара. — *Прим. авторов.*

Рисунки С. ПРУСОВА

водой и наловить коз. Дело это было почти кончено, как 12 января 1681 года мы увидели три испанские корабля; они обходили кругом острова. Не будучи в состоянии держаться против такой силы, мы сели на свой корабль, все, кроме Уиля, который пошел на охоту. Испанцы тщетно преследовали англичан.

В августе 1683 года семьдесят англичан, искателей приключений и морских разбойников, вместе с Дэм্পером отправились из Виргинии, из города Ачанака, под начальством Кука для крейсерства около берегов Чили и Перу. Долго двигаясь против неблагоприятного ветра, морские разбойники 23 марта 1684 года бросили якорь в заливе на юге острова Фернандеса. Они тотчас же спустили шлюпку и отправились на берег посмотреть на москита, которого оставили тут в 1681 году.

Он жил на всем острове один, и испанцы не взяли его в плен, потому что не нашли. У него было только ружье и нож, немного пороха и дрови. Когда он истощил весь запас дрови и пороха, то превратил нож свой в пилу и распилил дуло ружья на кусочки, из которых сделал крючья, крючки и длинный нож. Он раскалял железо на огне и потом бил его камнями, давая ему форму, какую хотел. Потом он пилил куски свои ножом и оттачивал. Это кажется удивительным тому, кто не знает ловкости индийцев¹. Тут нет ничего необыкновенного: они всегда так делают на родине и приготавливают орудия для рыбной ловли без наковальни и молота; правда, дело у них идет не скоро.

Уиль рассказывал, что сначала принужден был есть сивучей, пищу очень невкусную, но потом бил их только для того, чтобы вырезать ремни из кожи, которую сдирал с них же. В полумиле от моря стояла его хижина, крытая козьими шкурами; кровать покоилась на двух кольях в два фута вышиною; покрывалась она такими же кожами.

Он увидел, продолжает Дэмпьер, корабль наш накануне того дня, когда мы отправили лодку на остров, и, не сомневаясь, что мы — англичане, убил утром трех коз и сварил их с капустой, чтобы угостить нас. Эти факты замечательны в человеке, который мог бы сделаться дикарем в продолжение трехлетнего безмолвия.

Потом он вышел на песчаный берег, чтобы поздравить нас с приездом. Когда мы вышли на берег, индейский москит по имени Робин первый выскочил из лодки и, подбежав к Уилю, бросился перед ним на колени и коснулся головою до земли, Уиль поднял его, поцеловал, потом сам стал на колени и поклонился в ноги товарищу. Наш москит поднял его. Мы с умилением смотрели на такое трогательное свидание, полное взаимной любви и искренности. Когда эти соотечественники кончили изъявления дружбы, мы подошли и поцеловали Уиля, которого против чаяния нашего нашли целым и невредимым. Он был в восторге, что видит старых друзей. Через несколько времени мы взяли его на корабль».

Селькирк, без сомнения, знал о злоключениях индейца Уиля от самого автора записок — капитана Вильяма Дэмпера.

¹ В тексте явная ошибка. Автор, конечно, имел в виду индейцев.

Без малого три с половиной года провел Уиль на острове без людей. Но ведь это было за двадцать лет до Селькирка! Сейчас корабли подходят куда чаще к Мас-а-Тьерра. Да и снаряжен шотландец куда лучше и обстоятельней предшественника. Однако, если бы Селькирку сказали, какой ему уготовлен срок одиночества, он — кто знает! — может быть, немедленно повернул обратно к «Пяти портам» и стал молить Страдлинга взять его на борт хотя бы штрафным матросом.

Все же приветливый песчаный берег Мас-а-Тьерра, где журчали ручьи, ползали черепахи и лениво шевелились крабы, в горах бегали козы, а в чаще не было хищных зверей, сулил не такое уж несчастное существование. Тем более что следующий корабль, как свято верил Селькирк, должен был вот-вот подойти к архипелагу.

На самом же деле лишь два корабля за все годы пристали к острову, и оба были испанские. Заметив огонь на берегу, испанцы подошли ближе, но, увидев странно одетого человека, стали стрелять по нему, а затем долго преследовали по лесу. Впоследствии Селькирк скажет, что «скорее посягнул бы на свою жизнь, чем отдался бы испанцам, которые, верно, убили бы меня или сослали в рудники, чтобы я не мог сообщить иностранцам известий о Южном море».

Но не будем торопить время, тем более что для шотландца, оставшегося на пустынном острове, оно остановило свой бег.

Первые восемь месяцев были ужасны. Селькирк «едва мог восторжествовать над грустью в таком страшном уединении, с трудом удерживаясь, чтобы не наложить на себя руки». И дело было не в лишениях и голоде — матроса, ставшего сухопутным отшельником, снедала тревога неизвестности. Тревога, которая точит душу почище иной болезни. Изю дня в день, с утра до вечера сидел он на берегу, не отрывая глаз от моря, пока наступающие сумерки не скрывали от него горизонт. Ночью он лежал без сна, прислушиваясь к вою чудовищ на берегу, а при первых бликах рассвета его вновь начинало мучить сознание своей одинокой, жалкой судьбы. Целые недели кряду он бродил по острову, всматривался, прислушивался, плакал, разговаривал сам с собой.

Но с течением времени моряк стал обретать здоровье духа, главным образом потому, что работал все больше и больше. Боцман сколотил из стволов перечного дерева две хижины — большую («спальню») и маленькую («кладовую»). Перечное же дерево служило ему для тепла и освещения, а «его ароматический запах благотворительно действовал на усталые чувства моряка».

Правда, ночами его пугали раздававшиеся на острове какие-то жуткие, душераздирающие крики. Казалось, это обитатели преисподней, находившейся, очевидно, неподалеку, оглашали мир своими стонами. Но к концу первого года жизни на Мас-а-Тьерра эта страшная загадка разрешилась просто: то ревели безобидные морские львы!

Постепенно моряк все больше обживал свой маленький, однако, бесконечно разнообразный мир. Постепенно, «ощупью»,

он пришел к мысли, что при умелом подходе природа перестает быть враждебной человеку, а, напротив, охотно отдает себя в распоряжение ему. И еще: работа позволяла ему как бы ощущать свою соединенность с судьбами остальных людей, в этот самый час и миг противостоящих стихиям.

«Когда вышел у него весь порох, он бегал за зверями и таким образом ловил их. Постоянным упражнением достиг он того, что мог бегать по лесам, равнинам, утесам с неимоверною быстротою. Он ловил коз и на спине своей приносил их к дому. Раз он безостановочно преследовал козу и схватил ее на краю пропасти, куда и упал вместе с нею. Падение так оглушило его, что он лишился чувств от страха и боли. Когда пришел в себя, то увидел, что коза лежит под ним мертвая. Он пролежал более суток на одном месте и едва мог дотащить до своей хижины, которая находилась на расстоянии целой мили. Из нее не выходил он десять дней...

Вследствие долгой привычки начал он находить вкус в говядине¹ без соли и без хлеба; летом нашел он много превосходной репы, которая была, вероятно, посеяна давно экипажем какого-нибудь корабля. Также добывал он хорошую капусту с деревьев². Он приправлял еду так называемым английским перцем, которого на острове было много. Там же нашел он черный перец, назвал его малагита и узнал, что перец очень полезен при желудочных болезнях.

Наконец, перестав скучать, он развлекал себя тем, что вырезывал имя свое на деревьях, с означением дня и года, или пел и учил кошек и коз плясать с ним. Сначала кошки и крысы вместе были против него; они расплодились на острове, вероятно, с кораблей, которые заходили сюда за водой и дровами. Крысы грызли ему ноги и платье. Чтобы избавиться от них, он приручил к себе кошек, давая им куски

¹ Наверное, козлятине.

² Это странное растение оставляем на совести автора.

мяса; они сотнями ночевали около его хижины и скоро избавили Селькирка от крыс. Так победил он затруднения в печальном уединении и наконец жил в нем довольно удобно».

Эти несколько отрывков взяты из книги капитана королевского флота Вудса Роджерса, в последний день января 1709 года во главе двух кораблей ставшего на якорь возле островов Хуан-Фернандес. Под его началом были два капера из Бристоля. Капитаном одного из них — «Герцога», тридцатипушечного судна при 117 человеках команды — был Вильям Дэм্পьер. Да-да, тот самый!

...Вечером 1 февраля на острове Мас-а-Тьерра вспыхнули огни. На кораблях Роджерса их приняли за огни французских судов, стоявших в отдалении на якоре. На самом же деле то были костры Селькирка.

Утром лодка доставила его, одетого в козьи шкуры, на борт одного из судов. «Он почти забыл говорить за время четырех лет, произносил полуслова. Сначала мы понимали его с большим трудом». Еще одна деталь, свидетельствующая о силе воли шотландца: «Мы сразу предложили ему рома, но он отказался, боясь, чтобы он не повредил ему, потому что он на острове привык пить одну воду».

Итак, затворничество Александра Селькирка кончилось 2 февраля 1709 года, 1580 дней спустя после ссоры с капитаном «Пяти портов».

— Поблагодарите провидение за то, что Страдлинг ссадил вас здесь, — сказал ему капитан Роджерс, после того как Селькирк, спустя несколько дней обретя все-таки дар речи, поведал ему вкратце свою историю.

— Почему же?!

— Отойдя от Хуан-Фернандеса, «Пять портов» вскоре попал в бурю и пошел ко дну...

Дэмпьер отрекомендовал Селькирка как отличного моряка, и капитан Роджерс взял его с собой дальше в кругосветное плавание подшкипером. Лишь в 1711 году, не видав родных берегов почти восемь лет, Александр Селькирк прибыл на борту «Герцога» в Англию.

Буквально на другой же день боцман-отшельник стал самой популярной фигурой в порту. Стало модным съездить побеседовать с человеком, общавшимся в течение стольких лет только с козами. Правда, справедливости ради, отметим, что островитянин не стал за это время Цицероном, а похвальное воздержание от крепких напитков, отмеченное Роджерсом, сменилось злоупотреблением ими.

Как бы то ни было, но интерес к матросу-островитянину вырос еще пуще после того, как капитан Вудс Роджерс выпустил свою книгу «Путешествие вокруг света с 1708 по 1711 год» (в те времена в ходу были бесхитростные заглавия).

Центральной главой в книге был «Рассказ о том, каким способом Александр Селькирк прожил четыре года на острове».

Публика изумлялась, узнав, что «когда Селькирк пошел с нами на охоту, то обогнал лучших наших бегунов и превосходную собаку, которую мы держали на корабле». Восхищались сметкой и распорядительностью одиночки: «Когда одежда свалилась с его плеч, он сшил себе панталоны из козьей шкуры; нитками ему служили козьи жилы, а иголкой — гвоздь». Читатели того времени, сами многие познавшие и дальние походы, и долгие отсутствия, жаждали подробностей. 1 декабря 1713 года один из самых громких журналистов тех лет, Ричард Стил, напечатал в журнале «Инглишмен» большую статью со слов Селькирка (сейчас бы это называли «литературной записью»).

Но куда более важным событием следует признать встречу Селькирка в Бристоле с другим известным журналистом того времени — Даниелем Дефо. Без сомнений, при иных обстоятельствах приключение Селькирка в конце концов так бы и кануло в хронике бурных событий последующих веков.

Но имя его осталось в истории, ибо в результате этой встречи появилась книга. Вот ее полное название:

«Жизнь и необыкновенные, поразительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

Именно поэтому вспоминаем мы сейчас о шотландце, умершем в звании лейтенанта королевского флота на борту клипера «Веймут» четыре года спустя после выхода книги и похороненного по давней традиции в волнах зашитым в парус.

Как выглядел боцман-отшельник, знают те, кому довелось видеть в Шотландии, в местечке Ларго, отлитую из бронзы фигуру, обращенную лицом в сторону моря над входом в старинный дом Селькирков. А на клочке суши, называемом

Мас-а-Тьерра, у входа в пещеру сейчас привинчена медная доска, установленная в 1863 году экипажем одного американского судна «в память об Александре Селькирке, прожившем на этом острове в полном одиночестве четыре года и четыре месяца». Как писал русский просветитель Новиков, «приятно видеть, из чего взял Даниил де Фе свое сочинение, которое все мы читали в детстве и которое будут читать наши потомки с наслаждением. Надобно сказать, что воображение английского романиста создало превосходнейшие узоры на этой простой, безыскусственной канве. Фе, вероятно, знал, кроме истории Селькирка, и похождение несчастного москита. Впрочем, лучшие и превосходнейшие сцены в Робинзоне принадлежат самому автору, а не рассказам о похождениях несчастных мореходов, которым случалось оставаться без всякой помощи на необитаемых и бесплодных островах».

К моменту сенсационного возвращения Селькирка и выхода книги капитана Вудса Роджерса с главой о приключениях боцмана на острове Мас-а-Тьерра знаменитому журналисту Даниелю Дефо исполнилось шестьдесят лет. Прекрасный сюжет — одиссея этого шотландца. Превосходный! Ведь это была, по сути, нарисованная жизнью иллюстрация к мыслям Дефо о том, что человек, не стесненный тесными рамками законоположений, ведет наиболее естественный для себя образ жизни. Превосходный сюжет!..

Дефо почти закончил к этому времени трактат по мореплаванию, где писал, что англичанам необходимо контролировать выход в океан реки Ориноко, магистрали, по которой удобнее всего будет проникнуть на Южноамериканский континент. Решено! Он переделает трактат в роман о жизни на острове в этих широтах героя по имени Робинзон Крузо. Робинзон — это чуть переправленное имя индейца Робина — помните? — о котором упоминал Вильям Дэм্পер. А Крузо — фамилия товарища Дефо по школе, фамилия редкая, а значит, запоминающаяся.

Дефо садится за работу. словно кто-то другой, молодой, неутомимый, водит его рукой. Шестидесятилетний писатель работает по двенадцать-четырнадцать часов в сутки и, забывшись сном, наутро свежий, трудится вновь и вновь. Увлекала и новизна жанра — ведь это был первый его роман.

Дефо перенес действие из одного океана в другой: с архипелага Хуан-Фернандес в Тихом океане на Тобаго, в Атлантику. Он оставил там своего героя не на четыре года и четыре месяца, а на двадцать восемь лет. И главное — Робинзон не только моряк, но еще и купец, человек, по убеждению Дефо, наделенный всеми добродетелями. Недаром же первая британская компания по заморской торговле называлась «Обществом купцов-авантюристов»!

Книга — 350 страниц, в коричневом переплете — вышла в субботу 25 апреля 1719 года. На ней не было имени автора. Был лишь обозначен кораблик — фирменный знак издателя Тейлора из лондонского Сити. Читатели восприняли книгу как подлинные записки моряка из Йорка.

«Робинзон» был встречен с триумфом. Сейчас бы сказали, что сочинение сразу возглавило список бестселлеров. В салонах и «кофейных домах» (Европа недавно узнала вкус этого напитка, что, впрочем, не мешало подавать в «коффи-хаузах» и напитки покрепче) люди беседовали, припоминая подробности приключений славного негодянта Робинзона и его друга Пятницы, точно так же как беседуют и сейчас, два с половиной столетия спустя.

Этот непреходящий читательский интерес дает повод для размышлений. Собственно говоря, приключенческая литература в широком смысле слова существовала задолго до романа Даниеля Дефо. Шумерский миф о Гильгамеше, вавилонские и древнеегипетские предания, дилогия Гомера — все это прекрасные образцы «остросюжетной литературы». «Робинзон» стал новаторской книгой вот почему: до него герои «литературы противостояния» всегда могли рассчитывать на чью-нибудь помощь, в том числе (герои древних греков) и на самую «действенную» — на помощь богов. Моряк из Йорка, выброшенный бурей на остров, мог надеяться только на себя. Он стал, таким образом, провозвестником нового, нарождавшегося метода мышления. А отсюда следует очень ценная мысль, стержневая идея Дефо — человек может все.

И еще: изо всех положений, описанных в приключенческой литературе, нам, как и читателям того времени, всего легче представить себе одиночество. Это чувство в той или иной степени знакомо каждому. Поэтому, как это ни странно, но ситуацию «человек на необитаемом острове» нам легче всего вообразить и пережить. Нам радостно читать, как Робинзон, представитель рода человеческого, по-хозяйски обживает доставшийся ему «универсум». Именно в работе он чувствует свою соединенность с судьбой, с уделом всех остальных людей. Именно это заставляет его преодолеть одиночество.

Но Дефо сознавал, что погрешил бы против истины, если бы смог провести своего героя сквозь четвертьвековое одиночество. Конечно, действовать в одиночку — еще не значит быть одиноким. Моряк, уходя в плавание, оставляет за спиной гавань, куда, он знает, верит, рано или поздно вернется. Ведь ради дома он пускается в опасное плавание. Человек без своей гавани, без родины становится скитальцем, и жалок тогда его удел. Его обволакивает вязкое одиночество, тем более страшное, что это одиночество среди людей.

Робинзон не скиталец. Он знает, что рано или поздно вернется в дом. Дефо провел его сквозь тяготы будничной жизни, из которых моряк вышел еще более закаленным. Но заставить его прожить полжизни без людского контакта писатель не смог — он посылает на остров Пятницу.

Это было, пожалуй, главной писательской выдумкой Дефо. Все остальное написано на основе точного знания фактов и правды ситуаций. В деталях его повествования, в дотошности бесконечных перечислений кроется большая убедительная сила.

Юрий Олеша записывает в своей книге «Ни дня без строчки»: «Я вдруг замечаю: мне безумно интересно читать перечисление частей одежды. Читательски интересно... В «Робинзоне» увлекательнейшими страницами мне кажутся те, где описывается, как Робинзон перевозил с погибшего корабля на остров провиант, вещи, всякие запасы; причем автор дает точный список продуктов с указанием веса, количества штук и т. д.».

Книга о Робинзоне предвосхищает документально-художественно-

ственный жанр, ставший столь популярным впоследствии. Ученый, правда, заметит в книге немало несообразностей. Дефо ничтоже сумняшеся переносит флору и фауну острова Мас-а-Тьерра к экватору — на Тобаго. Морские львы, пугавшие Селькирка, режут и в «Робинзоне», хотя эти звери не водятся в теплых морях. Растения тихоокеанских островов благополучно цветут у Дефо в другой части света. Досадно, конечно... Но в конечном счете «детали» можно отнести к литературной условности — все-таки роман...

НЕОБЖИТЫЕ ОСТРОВА

Ну, а что же реальные острова — Мас-а-Тьерра, на котором прожил Селькирк, и Тобаго, куда фантазия Дефо поселила отважного моряка из Йорка? Как и следовало ожидать, с течением времени разгорелся спор о праве называться «островом Робинзона Крузо». Выгоды этого титула стали особенно ощутимыми с развитием массового туризма.

Крохотный, убежавший от больших магистралей кусочек суши в архипелаге Хуан-Фернандес не смог составить конкуренцию райской зелени Тобаго. Там открыто с полдюжины отелей под незатейливой вывеской «Робинзон Крузо» и даже оборудована пещера, где «первое время жил Робинзон». Желающие могут облачиться в козью шкуру и шапку в форме кивера, чтобы запечатлеть себя в одежде Робинзона перед объективом.

На Мас-а-Тьерра же мало что изменилось с той поры, когда капитан Вудс Роджерс заметил с борта своего корабля огни боцмана-шотландца. Разве что теперь остров обитаем. Первые жители — чилийцы — прибыли сюда два столетия спустя после отъезда Селькирка. Их сейчас около трехсот человек — рыбаки, ловцы крабов, лангуст и креветок. Раз в неделю на острове приземляется маленький самолет, чтобы отвезти улов на продажу в Вальпараисо, что лежит в 383 морских милях, или еще дальше, по ту сторону Анд — в Буэнос-Айрес или Монтевидео. Суда избегают крутых берегов и редко причаливают здесь. Над бухтой, куда вошли корабли, освободившие Селькирка от плена одиночества, видна седловина, тот самый «наблюдательный пункт» Селькирка-Робинзона, откуда он обозревал горизонт в надежде увидеть парус. Можно представить себе, как тяжело ему было забираться туда, — ведь путь проходит по застывшему потоку вулканического пепла, во время дождей превращающегося в жирный слой грязи.

Местные рыбаки знают, что когда-то, давным-давно, здесь жил один-единешенек моряк. Но книги о нем они не читали по той простой причине, что в большинстве своем не знают грамоты. Зато рядом с пещерой, где скрывался первое время от непогоды Селькирк, живет теперь один чилиец — бизнесмен-неудачник. Прогорев в коммерции, он поселился на Мас-а-Тьерра лет двадцать назад. При нем компаньон и слуга, которого он зовет... Пятница. Все, как видите, выдержано в лучших традициях. Эти двое теперь изображают для редких

туристов героя знаменитого романа и спасенного им «дикаря», зарабатывая на хлеб...

Недавно было принято решение переименовать остров Мас-а-Тьерра в остров Селькирка, а Мас-а-Фуэра в остров Робинзона Крузо. Пожалуй, это единственный случай, когда географию вдохновил герой литературного произведения.

Вот, пожалуй, и все. Хотя нет — в Эдинбурге, в музее, на почетном месте выставлены вещи, принадлежавшие моряку-шотландцу: нож, сундучок, пистолет. Над каждым — аккуратная табличка: «Личная вещь Александра Селькирка (Робинзона Крузо), уроженца Ларго, графство Файф...»

...Прекрасен аромат старинных книг, вобравших в себя запахи кожи, пошедшей на переплет, и сгоревших свечей, при свете которых их читали: запах Времени. В старинных изданиях истории парусного флота находим мы упоминания об островах, ставших прибежищем других робинзонов. Вот свидетельство испанского матроса Педро Серрано, добравшегося после кораблекрушения до клочка суши у берегов Перу и сумевшего прожить на почти бесплодной скале семь лет — с 1540 по 1547 год. Само по себе это кажется невероятным, но хроника утверждает: да, это было. Чтобы спасти тело от ожогов полуденного солнца, Педро забирался по шею в воду и часами сидел там. Огонь он добывал, как пещерный человек, — трением.

В XVIII веке много говорили об эпосе португальца Фернана Лопеша. Он прожил на пустынном тогда острове Святой Елены тридцать четыре года. Правда, Лопеш не однажды мог сесть на подходивший к берегу корабль. Но дело в том, что капитан, высадивший Лопеша за какой-то проступок на остров, наказал его по жестоким законам того времени: приказал отрезать ему нос и оба уха. Так что Фернан предпочел уединение на Святой Елене насмешкам уличных бездельников в Лиссабоне. Постепенно Лопеш завел хозяйство, стал сажать овощи и собирать фрукты, которые он давал матросам пристававшим к берегу кораблей, мучившимся от скорбута, как тогда называли цингу.

Но с XIX века остров Святой Елены стали связывать с именем сосланного сюда другого, куда более знаменитого отшельника.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «АННЫ ФОБС»

Робинзонады — мы имеем в виду реальные, а не книжные — с годами множились, расширяя свою географию, переносясь все в новые и новые моря. Однако почти во всех случаях приходились на острова в теплом или умеренном поясе.

Следующую историю, говоря словами Ле Руа, французского мореплавателя на русской службе, «трудно числить между вероятными». Впервые один из авторов услышал ее в Шотландии. Записанная со слов рассказчика в Глазго, она ока-

залась очень лаконичной: человек не помнил многих подробностей и обстоятельств. Помнил лишь имя героя этой истории — Брюс Гордон. Через несколько лет в Ленинграде, в Центральной военно-морской библиотеке, нам попала в руки старинная английская книга под названием «Хроника морей, или Собрание невероятных происшествий в морских просторах», и там одна из глав была посвящена шотландскому моряку Брюсу Гордону.

Вот эта история.

В 1757 году из шотландского порта Абердин в море вышло небольшое парусное судно «Анна Фобс». Оно отправилось на промысел китов к берегам Гренландии.

Поначалу плавание шло благополучно: погода была отличной и море спокойным. У берегов Исландии «Анна Фобс» встретила ледяное поле шириной в 30 морских миль. Пришлось его огигать. При подходе к 70-й параллели наблюдатель заорал, что видит огромное стадо китов. Но загарпунить моряки смогли только одного — остальные ушли на север. Капитан парусника Эммеи Хьюз, несмотря на уговоры старшего штурмана, решил преследовать китов. И действительно, вскоре расчет капитана оправдался: «Анна Фобс» догнала стадо. Закипела работа — охота велась и днем и ночью.

Редкие смельчаки отваживались в те годы заходить так далеко на север: если корабль окажется зажатым среди льда, морякам грозила мучительная смерть.

«Анна Фобс» уже почти наполнила свои трюмы ворванью, и экипаж думал возвращаться. Однако капитан китобойца, окрыленный успехом, решил идти за зверем дальше. Никакие уговоры не помогали. Молотя кулаком по столу, пьяный от радости и рома капитан Хьюз гремел:

— Я ничего не боюсь! Если мне понадобится, «Анна Фобс» пойдет на Северный полюс и оттуда возьмет курс на Испанию или Китай!

Подхваченное сильным течением, судно медленно двигалось на север. Когда капитан протрезвел и смог сам взять высоту солнца, его охватил ужас: он не слышал, чтобы кто-нибудь забирался до этой параллели. Хьюз отдал команду поднять все паруса и поворачивать на юг.

Но было уже поздно: льды густо окружали парусник со всех сторон, а на море опускался туман...

На следующий день, когда появилось солнце, капитан приказал матросу Брюсу Гордону подняться на мачту и посмотреть, с какой стороны видна чистая вода. Не успел матрос взобраться до верха стеньги, как «Анну Фобс» сдавили два ледяных поля. Мачты корабля дрогнули, корпус накренился, и парусник стал валиться на левый борт. Матрос Гордон очутился на льду. Он вскочил на ноги и с ужасом огляделся. «Анны Фобс» не было, она исчезла, как призрак. Моряк остался один на льдине. Без теплой одежды, без воды и пищи...

Однако случилось так, что раздавленный корабль из-за перемещения льдин на следующий день выдавило вверх килем на поверхность.

Гордон понял, что единственный шанс на спасение — это

добраться до перевернутого парусника. Дорогу ему преграждали вспученные острые торосы. Надо было еще суметь перебраться через них.

На льдине моряк нашел кусок от шлюпочной мачты. С этим посохом он и добрался до корабля. Но, обойдя его вдоль корпуса, он увидел, что попасть внутрь невозможно. Обессиленный, он опустился на снег. Нестерпимая жажда мучила Гордона. Он стал сосать лед, но тот был соленым...

Вокруг судна валялось множество самых различных предметов: разбитые шлюпки, сломанные весла, крюки, обломки дерева. Невдалеке находился большой айсберг. Гордон принял его сначала за гору. Край айсберга нависал над льдиной и, казалось, был другого цвета. Так и есть: лед айсберга был пресным, моряк утолил жажду.

Снова вернувшись к кораблю, Гордон нашел среди обломков крюк и гарпун. С помощью этих нехитрых инструментов теперь он попал через окно кормовой каюты внутрь «Анны Фобс». Кювета была наполовину забита льдом; все в ней перевернуто вверх дном. Первое, что увидел Гордон в каюте, — это галеты, твердые как камень корабельные галеты. Никогда в жизни еще они не казались ему такими вкусными, как сейчас. Поев немного, он начал по одной перебирать вещи. Больше всего в капитанской каюте было бутылок со спиртным, но все оказались пустыми или разбитыми, так что найденный штопор моряку не пригодился. Кроме штопора, его достоянием стали ножи, вилки, ложки.

Холод постепенно пробирал его до костей. Чтобы согреться, он разломал переборку и влез в соседний отсек. Здесь, на его счастье, оказался большой бочонок, в котором содержалась смесь спирта с ромом. Просверлив отверстие в бочонке, он припал к нему и пил, пил, пока не заснул мертвецким сном. Когда моряк проснулся и попытался перевернуться на другой бок, он понял, что тело его очоленело. Еще несколько часов — и он наверняка бы замерз. С большим трудом Гордон снял с себя стоявшую колом одежду и растер тело спиртом.

В это время снаружи слышались какие-то странные звуки. Сначала он принял их за человеческие голоса. Ослабевший от голода, еще не придя в себя от принятой дозы содержимого бочонка, Гордон закричал что-то в ответ, с трудом открыл дверь кладовой, где он уснул, и... застыл от ужаса. У разбитого окна кормовой каюты стоял большой белый медведь.

Когда глаза моряка немного привыкли к слепящему свету, он увидел поблизости еще нескольких медведей. Чужая запах китовой ворвани, они лапами раскапывали снег под палубой, прижатой к льдине. В четырех метрах от лаза два зверя обглаживали труп капитана «Анны Фобс». В ужасе матрос закричал: «Прочь, твари!» Медведи все, как один, в удивлении встали на задние лапы. Это были страшные, огромные звери. Постояв примерно с минуту в такой позе, медведи как ни в чем не бывало вернулись к своим занятиям.

Дальнейшие попытки Гордона спугнуть хищников голосом лишь усложнили дело: медведи кинулись на него самого.

Чтобы спастись, моряку пришлось забаррикадироваться в своем убежище. Чтобы придать себе бодрости, он вернулся в кладовую хлебнуть из бочонка. После этого, сделав себе из одеял, взятых с коек, подобие ложа, Гордон снова погрузился в забытие...

...Над льдиной с вмерзшей в нее «Анной Фобс» опустилась длинная арктическая ночь. Гордон прикинул, что имеющихся запасов пищи хватит, чтобы дотянуть до лета. Вместо воды можно использовать иней, намерзающий на полу и стенах перевернутого корабля, — соскабливать его, оттаивать и пить. Гордон тщательно обследовал помещения, собрав в одну кучу все запасы съестного. Приятной находкой был еще один маленький бочонок с бренди. Этот напиток был лучше на вкус, чем адская смесь спирта с ромом. Правда, от последнего Гордона сразу же клонило ко сну, а сон для него был спасением. Иногда он спал сутками: организм пользовался этим инстинктом самосохранения.

Где теперь находится его дрейфующая льдина, он не знал. Ему казалось, что скорее всего где-то посередине между Гренландией и Нордкапом. Моряк решил подготовиться как следует к длинной зиме. Гордон нашел в шкафу капитанской каюты много одежды. Это был настоящий клад, хотя каждая вещь превратилась в кусок соленого льда. Теперь непременно нужно было проникнуть в главный трюм корабля и в кладовую на баке: там должны были найтись уголь и, конечно, другие полезные вещи. На это у Брюса Гордона ушло несколько дней. Сначала никак не удавалось пробиться в трюм: груз разлившейся и смерзшейся ворвани закрывал вход, и матрос расчистил себе дорогу лишь с огромным трудом.

Первой, самой ценной находкой в трюме были кресало и кремь. Потом Гордону удалось добраться до мешков с углем. Топором он разрубил уголь на мелкие куски и потащил в жилой отсек. Огонь — это была вода, пища, тепло, сухая одежда... Жизнь!

Но разжечь огонь внутри деревянной «Анны Фобс» он не решался, нужно было сперва сделать дымоход и очаг. Перепробовав несколько вариантов, Гордон остановился на самом простом: железный лист посередине палубы, где он разводил костер; при этом дым вытягивало через пробитое окошко кила отверстие наружу.

Тянулись месяцы и месяцы арктической зимы... Иногда к кораблю подходили медведи, но они уже не представляли опасности для полярного Робинзона: он почти не выходил из своего убежища наружу, а вход был хорошенько забаррикадирован.

Однажды ночью, во время снежной метели, Гордон проснулся от шума. Какие-то загадочные звуки слышались за дверью, в помещении, где хранились продукты. Потом кто-то подошел к двери и стал царапаться. Брюс затаил дыхание. Словно бы кто-то безрезультатно пытался выдавить дверь. Брюс Гордон встал, взял большой острый нож, который всегда лежал у него под рукой, и стал ждать. Шум и царапание прекратились. Послышались новые звуки — хруст галет. Моряк понял, что это медведь.

Гордон разжег огонь, взял в другую руку фонарь и ударом ноги распахнул дверь. Зверь, испугавшись, стремглав кинулся к дыре в корпусе и застрял в ней. Моряк подскочил к медведю сзади и дважды ударил ножом под лопатку. Хлынула кровь — зверь тут же подох.

Брюс втянул его за заднюю лапу в помещение. Здесь он внимательно осмотрел тушу. Это была кормящая медведица. Гордон содрал с нее шкуру и разрезал тушу на ровные куски. Когда они замерзнут, подсчитал он, у него будет почти 500 килограммов отличного мяса. Потом он прибрал помещение, вытер кровь, выскоблил шкуру и постелил ее себе вместо ковра. Теперь спать будет совсем удобно.

Но, проснувшись, он снова услышал за дверью какие-то непонятные звуки — теперь за ней оказался маленький медвежонок; он жалобно скулил от голода. Гордон впустил его к себе. Медвежонок, увидя шкуру, с радостью бросился на нее, стал обнюхивать и лизать. Моряку стало жаль зверька. Он дал ему галет. Медвежонок понюхал и стал с жадностью грызть, но тут же подавился: к такой пище он не привык. Гордон взял тогда фонарь, топор и полез в трюм, где хранилось китовое мясо. Он отрубил небольшой кусок и принес его медвежонку.

Моряк решил приручить медвежонка и назвал его Нэнси, по имени своей невесты, которая осталась в Шотландии и, как он надеялся, ждала его.

Сначала медвежонок боялся Гордона, но скоро привык. Кормил тот его часто, но очень маленькими порциями.

Нэнси спала часто и подолгу. В это время моряк занимался хозяйством, а проще говоря — исследовал корабль, ставший его домом. На палубе он нашел небольшой люк, ведущий в форпик. Такая же дверь вела в носовую каюту. С форпика Гордон мог попасть в носовой трюм, где нашел еще запас угля и несколько бочек с водой. Ворвань он решил использовать для освещения, а также кормить ею Нэнси. В носовом трюме он обнаружил бочонок соленой говядины и большой окорок. День, когда он нашел несколько пачек неиспорченного табака, был для него настоящим праздником.

Теперь, когда ему не удавалось разбудить Нэнси для очередной кормежки, он раскуривал трубку и пускал дым ей в нос — медвежонок чихал, открывал глаза и снова чихал.

Со временем Гордон стал брать Нэнси с собой на прогулки по льдине. Медвежонок катался по снегу и скреб когтями лед. Скоро Нэнси окрепла, подросла и стала величиной с телку. Моряку было уже тяжело ее носить на руках. Зверь быстро привык к Гордону и неотступно следовал за ним. Позже Нэнси стала откликаться на свое имя.

Гордон не мог удержаться от смеха, представляя, как он выглядит со стороны, одетый в капитанский сюртук и держащий медведицу за лапу!

Тем временем начинало появляться солнце. Оно все чаще и чаще выглядывало с южной стороны льдины. Когда оно светило, Гордон ходил к айсбергу и топором прорубал в нем

ступеньки: он решил сделать на его вершине наблюдательный пункт. Начиналась полярная весна. Над головой спасшегося моряка пролетали стаи птиц; их крики мучительно напоминали о доме...

Гордон боялся, что льды вместе с его жилищем может унести течением еще дальше на север, где уж наверняка нет людей. У него оставалось еще довольно много пищи. Он высушил ящик пороху... Надо было попытаться что-то предпринять.

Опасаясь, как бы его льдина не раскололась (корабль, не поддерживаемый льдом, ушел бы на дно), он решил оборудовать себе второе жилище на айсберге. Для этого он вырубил в нем несколько пещер и перенес туда часть своих запасов, включая бренди и порох. В одной из пещер он даже сделал печь, которую выложил чугунами чушками балласта, найденными в трюме корабля. Около двух месяцев Брюс Гордон провел на вершине айсберга. Когда темнело, он возвращался к кораблю. Нэнси следовала за ним, как собачонка.

Как-то утром по высоте солнца Гордон определил, что на-

ступила середина полярного лета. Как всегда, он отправился на свой наблюдательный пост и с вершины его увидел, что к северу море примерно на одну милю было полностью чисто от льда.

Несколько дней матрос с медведицей оставался на айсберге в одной из пещер. Как-то ночью он проснулся от громкого треска. Айсберг с «его» льдиной откололся от большого ледяного поля, началось полярное плавание шотландца.

Иногда на край плывущей льдины вылезали ленивые моржи. Тюлени не осмеливались это делать, потому что Нэнси была начеку.

Брюс Гордон дрейфовал на льдине шесть месяцев, не зная при этом, где он находится и в какую сторону он плывет. Однажды он заметил айсберг, материк или, возможно, большой остров. И действительно, вскоре его настолько близко подогнало к земле, что он видел людей на берегу. Гордон сложил руки рупором и во всю силу легких стал кричать. Но в это время Нэнси, научившаяся ему подражать, тоже подошла к краю айсберга и громко зарычала. Люди на берегу скрылись за камнями. Редкий шанс на спасение был потерян. Айсберг с льдиной, в которую врос корпус «Анны Фобс», уносило течением в Полярное море...

Видимый мир вновь начали заволакивать туманы, солнце не поднималось выше горизонта. Опять началось плавание в никуда. Время тянулось медленно и монотонно. Гордон готовил себе пищу, дремал, читал лоцию, которую он выучил наизусть (это была единственная книга на корабле), или разговаривал с медведицей.

Однажды в начале второй зимы (айсберг и льдина с кораблем вновь вмерзли в ледяное поле) до слуха моряка донесся выстрел. Пушка? В самом деле, как будто ударила корабельная пушка. Но откуда могло взяться здесь судно? Гордон стремглав бросился по ледяным ступеням вниз, схватил приготовленный на этот случай пистоль и тоже пальнул. Потом еще раз. Еще... После третьего выстрела вновь раздался ответный удар пушки. Он подумал, что это могли стрелять не с кораблей, а с земли.

Гордон решил не терять времени. Он сложил порох, пули, немного пищи и бутылку спирта в мешок и по льду направился в сторону, где, по его расчету, должны быть люди.

Он шел долго. Сколько точно, он бы затруднился сказать. Неожиданно Нэнси, шедшая рядом, начала беспокоиться. Она часто останавливалась и нюхала снег с правой стороны. Брюс Гордон повернул вправо и, к своему удивлению, увидел следы, много следов. Здесь прошло человек тридцать с собаками. Воодушевленный надеждой, Гордон ускорил шаг. Нэнси иногда обгоняла его, бежала по следу и вновь возвращалась. Потом вдруг побежала назад. Оглянувшись, Гордон заметил белого медведя.

Бежать было бесполезно: медведь все равно настиг бы его. Человек пригнулся, надеясь остаться незамеченным на снегу. Но зверь уже почуял его запах и подходил все ближе. Гор-

дон вскочил на ноги и бросился бежать без оглядки. По звуку он определил, что его догоняют. В ужасе он бросил мешок и, держа длинный нож, продолжал бег. Обернувшись еще раз, он увидел, что двое медведей остановились над его узлом и стали рвать его зубами. Вглядевшись, Гордон узнал в одном из медведей свою Нэнси. Большой медведь, видимо заинтересовавшись спутницей, стал ласково ворчать...

Моряк же пошел дальше, стараясь в полусумраке не потерять следы. Он шел, стиснув зубы, часто падая в снег. Он шел, уже механически переставляя ноги, пока не услышал впереди лай собак. Потом кто-то прикрикнул на них.

Услышав голоса, Гордон выглянул из-за камня и увидел людей. Их было трое. С удивлением смотрели они на невесть откуда взявшуюся из «белого безмолвия» фигуру...

Люди отвели его к старосте, который, по-видимому, был также священником небольшого селения, в которое судьба привела Гордона.

В колонии насчитывалось тридцать женщин и десять мужчин. Остальные мужчины погибли в море или на охоте.

Гордон понял, что попал в Гренландию, к норвежскому роду, предки которого давно переселились на эти пустынные берега.

С ними Гордон прожил четыре года. Однажды в селение дошел слух, что к югу, милях в ста тридцати, видели китобоев и охотников на тюленей. Гордон решил добраться до них. Ему предложили выбрать лучший из челнов. Тепло попрощавшись с норвежцами, он отправился в путь.

Моряк плыл вдоль берега, останавливаясь на ночь. Однажды утром он отчетливо увидел в бухте несколько кораблей, которые поднимали паруса, готовясь уйти на юг.

Он перетаскил по берегу свой челн, снова сел в него и стал грести к кораблям. Но угнаться за ними он не смог.

Гордону ничего не оставалось, как вновь грести к берегу. Утром моряк забрался на скалу. К великой своей радости, он увидел еще один корабль, стоявший за мысом. Через полчаса он уже был на палубе.

Это был «Бриель» из Амстердама, который возвращался после промысла в Голландию. От капитана Брюс Гордон узнал, что с момента гибели «Анны Фобс» прошло почти семь лет.

Четыре недели спустя «Бриель» встретил шедшее навстречу рыболовное судно. На нем Брюс Гордон добрался до своей родной Шотландии.

Нельзя сказать, чтобы рассказы Гордона встретили дома с доверием. Правда, сам факт его возвращения говорил за себя. Но все остальное... За ним закрепилось прозвище Мюнхгаузена.

Шли годы... Шотландцы ходили на промысел в Арктику, и капитаны подтверждали все топографические особенности берегов, о которых упоминал Гордон. Полярного Робинзона уже наперебой упрасивали рассказать о пережитом, а лучше — написать о своем приключении, но писать моряк был не мастер. Осталась лишь запись рассказа Брюса Гордона, сделанная кем-то из тех, кто его слышал.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Последняя робинзонада, о которой мы хотим повести речь, собственно, не окончена и по сей день. В эстафету добровольного одиночества на этом клочке суши включаются все новые люди.

Для начала приведем несколько цифр. Остров Кокос у берегов Коста-Рики имеет 6500 метров в длину и 3200 метров в ширину; его обрывистые берега поднимаются из воды на высоту 150—180 метров. И последняя цифра — 100 миллионов долларов. Или около того. Такова, по примерным прикидкам, стоимость сокровищ, захороненных на острове.

На протяжении двух с половиной веков остров был своеобразным «сейфом» многих судов почти всех морских держав. Приставали к его берегам и корабли под черным вымпелом «Веселого Роджерса», украшенные черепом и двумя скрещенными костями.

И вполне понятно, почему за последние сто лет посетило его более пятисот экспедиций робинзонов наживы.

Самой последней была высадка трех французов в 1963 году. Жан Портель, Клод Шальес и Робер Вернь отправились не столько за сокровищами, в существование которых они, откровенно говоря, верили не очень, сколько за материалом для серии радиорепортажей и книги.

Главным для них была встреча с Приключением — без этого вся затея выглядела бессмыслицей.

Но приключение, это капризное дитя судьбы, чаще всего неожиданно-негаданно сваливается на долю человека, когда он не подготовлен к свиданию с ним, и, наоборот, долго играет в прятки с теми, кто специально отправился на его поиски. Трое французов решили «затеряться» на острове и потому не взяли радиопередатчика — чтобы не было соблазна дать о себе знать в эфир. Зато у них был магнитофон со множеством кассет, фото- и киноаппаратура. Впрочем, говорить о снаряжении экспедиции нет надобности, ибо подготовлена она была из рук вон плохо. Второпях французы забыли, скажем, взять сахар, зато погрузили запас дрожжей, которого хватило бы на выпечку хлеба для всего Сан-Хосе. Все это было непростительно, особенно для старшего из них, Робера Верня, опытного путешественника, ходившего несколько раз в группе отважного вулканолога Гаруна Тазиева.

Правда, все-таки надо отдать ему и должное. Приехав в Сан-Хосе, группа раскололась. Вернь настаивал, что надо как следует подготовиться, а двое молодых его спутников торопили с немедленной высадкой. Вернь колебался. Уж очень несерьезно выглядело это предприятие. Вскоре он заявил французскому консулу, что с первым же пароходом возвращается домой. В тот же вечер Портель и Шальес подошли к нему в бере.

— Робер, — сказали они, — если ты не едешь с нами завтра на остров, мы шлем телеграмму в Париж нашему адвокату с требованием начать против тебя дело о возмещении убытков.

Довод возымел свое действие. Так французы оказались на Кокосе.

Ровно месяц спустя после высадки, в пятницу 21 декабря 1963 года, искатели приключений решили обогнуть остров на резиновой лодке и высадиться в труднодоступной бухте. Внезапно налетевший шквал подхватил суденышко и с маху ударил его о скалу. Жан Портель и Клод Шальес тут же утонули. Вернь, по его словам, не услышал даже их криков. Ему самому удалось ухватиться за лодку и кое-как выбраться на берег.

Вот при каких обстоятельствах 42-летний француз начал свою робинзонаду.

Но, строго говоря, можно ли назвать робинзонадой 51-дневное пребывание Верня на Кокосе?

Вернь не страдал от голода; у него была одежда. Но над ним тяжким камнем довлел страх — гнетущий страх одиночества. Он не пытался занять деятельностью однообразие дней. Он пассивно ждал, с каждым днем все глубже впадая в депрессию. Под конец у него начались галлюцинации. До боли всматриваясь в горизонт, он видел корабли, много кораблей... Вот они один за другим проходят чередой мимо... Вернь кидался к драной автопокрышке, плескал на нее из канистры бензином и поджигал, поднимая к небу черный султан дыма. Ничего. Ах, как он клял себя сейчас за то, что они не взяли рацию!..

Незадолго до несчастья на Кокосе другой француз, телевизионный репортер Жорж Декон, отправился на необитаемый остров в Полинезии, чтобы провести там полгода. Но спустя четыре месяца он не выдержал и дал в эфир отчаянный «SOS». А его, Верня, так скоро никто не услышит... Чудовищно!

«Я боюсь...», «Мне страшно...», «Если я заболею...», «Один...» — мелькает в его дневнике.

Через два месяца коста-риканский сейнер, шедший на лов тунца, заметил случайно сигнал на острове и взял на борт Робера Верня.

История эта получила большую огласку. Не только потому, что случилась беда, не только потому, что было назначено полицейское расследование обстоятельств гибели двух молодых французов. «Дело Верня» показало, что и для представителя современной цивилизации одиночество — тема, которую толкуют в самых разных аспектах философы, социологи, психологи, — остается в конечном счете самым тяжелым испытанием.

срочная командировка

Повесть

ОФИЦИАНТКА

Было душно. Солнце застыло перезрелым персиком. Такое же багровое до черноты, оно неподвижно висело в самом центре побледневшего от жары неба свода. Из него, казалось, вот-вот брызнет сок. Тенты ресторана на крыше гостиницы прокалились и провисли, как листья городских тополей. Город медленно плыл в раскаленных потоках воздуха.

Официантка Лида лениво подошла к столику. Олег попросил воду со льдом. Лида немножко оживилась.

— Есть коньяк, вино. Воды нет.

— Мне простой воды, из крана, — Олег чувствовал, как подступает к сердцу злость.

— Есть шашлык, тушеная баранина, — Лида торжествующе посмотрела на Олега, — воды нет.

Похоже, она развлекалась.

— В холодильнике у вас есть лимонад, — уверенно сказал Олег.

Лида обиделась.

— Я честный работник общественного питания, — отве-

тила она с достоинством. — Чего нет, того нет. А вы бы, гражданин журналист, попросили зеленый чай, в такую жару в самый раз.

— Сидела? — раздражение Олега против его воли вырвалось наружу. В гостинице он жил уже давно, и ежедневная грубость официантки наконец-то вывела его из себя. Определить, что официантка побывала в местах не столь отдаленных, было не так уж и сложно: на пальцах правой руки у нее было едко-сине вытатуировано: «Л-И-Д-А».

Лида усмехнулась:

— Не сидела, а отбывала срок наказания. И как видите, посчитали, что снова могу работать в торговой сети.

— Все-таки поищи бутылку воды, — уже остывая, попросил Олег.

— Ладно уж, принесу вам лимонад. Для себя берегла.

Лида неторопливо прошествовала к холодильнику. Обернулась:

— Тут, кстати, вам записку оставили.

В записке — четыре строки. Ровные строчки, каллиграфический почерк: «Журналист! Не лезь не в свои дела. Пиши очерки о передовиках труда — для тебя же лучше. Если в двадцать четыре часа не покинешь город, будем принимать меры». Подписи не было.

— Кто оставил?

— Лежала на столике. Народу прошла за обед уйма. Всех не упомянуть. А на бумажке надпись: «Журналисту в собственные руки». Вы у нас один из работников печати.

Официантка Лида объясняла снисходительно. С посетителями она держалась строго, в разговоры не вступала. «Потому что не может быть содержательного разговора с командированными: думают, раз я официантка...» Олег так не думал — это она точно видела, глаз наметанный. И даже немного огорчилась — журналист ей казался «интересным». Записку она, конечно, прочитала.

— Так вам и на завтра лимонад приберечь, раз вы такой любитель воды? — Она выясняла, как долго пробудет журналист в городе.

— Угу, — пробормотал Олег.

— А то уезжайте, — посоветовала сочувственно. — Не ровен час...

— Нехорошо читать чужие письма, — равнодушно говорил Олег. — Особенно честному работнику общественного питания.

На тентах можно было печь блины — так они нагрелись. Официантка Лида пренебрежительно повела бровью:

— Так не запечатано...

Олег возвратился в номер и позвонил Тахирову. Следователь ответил сразу же.

— Мостовой? Ну как ты там? — бодро спросил он. — Испекло тебя солнышко?

Тахиров, очевидно, улыбался. Слова выскакивали из трубки бодро и звонко.

— Письмо получил интересное, — вяло сообщил Олег. — Предлагают покинуть ваш гостеприимный город...

— Очень любопытно. Догадываюсь, что тебе там написали, — Тахиров говорил серьезно. — Видно, ты был прав. Это письмо — подтверждение, что теперь мы действительно ухватились за какую-то ниточку.

— А можно выяснить, кто это почтил меня своим вниманием?

— Попробуем. Каким путем записка попала к тебе?

— В кафе при гостинице работает официантка Лида... — Олег ясно представил невысокую тоненькую девушку. — Красивая, но уже основательно потрепанная жизнью, на лице толстый слой косметики, всегда взвинченная и раздраженная. Так вот она и взяла на себя труд вручить мне сие послание.

— Знаю такую. Работала раньше в «Гастрономе». Три года за растрату. Освобождена досрочно, — голос Тахирова был сух и официален. — Она?

— Кажется, да. Меня именует «гражданин журналист».

— Прошу, будь с нею осторожнее. Особа приметная. У нее вполне могут быть темные связи.

— Учту. Красивые у нее глаза, у Лиды.

— Шутить?

— А что остается? Уезжать не собираюсь.

Олег аккуратно положил трубку. Присел к столу. Вот уже который день находится он в этом городе, окутанном жарой, такой густой и осязаемой, что, казалось, до нее можно дотронуться рукой.

Вспомнилось, как все это начиналось...

ПРЕСТУПНИК?

Очерк был уже написан. Как-то само собой нашлось заглавие: «Соучастие». Олег обычно долго бился над заголовками, а тут слова сразу легли в верхнюю строку — слишком обнажена была главная тема материала.

Мостовому хотелось, чтобы очерк получился гневным, резким, и потому он начал его с обращения к будущим читателям:

«Девушки, если он вам скажет, что любит, — не верьте, гоните прочь.

Парни, когда он протянет вам руку, отвернитесь.

Матери, сделайте все, чтобы ваши сыновья не были похожими на него...

Его вскоре будут судить за безмерные предательство и трусость. И какую бы меру наказания ни определил ему суд, его приговор будет подкреплён нашим с тобой, читатель, моим и твоим, общим отношением к этому человеку — презрением».

Несколько дней назад Олега вызвал редактор. У редактора, обычно весьма сдержанного, от ярости подрагивали губы.

— Посмотри. По-моему, ты сможешь написать об этом.

В толстой канцелярской папке были собраны письма, жало-

Рисунки Н. ГРИШИНА

бы, характеристики, запросы. Олег просидел над документами всю ночь. Когда была перевернута последняя страница, он подумал: «Да могло ли быть такое? Каким же негодяем должен быть человек, чтобы совершить такую подлость?»

Моральный облик тех, кто убил девушку, Сычова и Рюмкина, достаточно выразителен: хулиганье, драки, воровство, пьянство, приводы в милицию, судимости.

Но в документах, собранных редакцией, называлась фамилия еще одного человека. Именно к нему, молодому парню, своему ровеснику, девушка шла на свидание. И если бы не его трусость, она могла бы остаться в живых.

Парень и девушка были знакомы очень давно. Ровно столько, сколько помнили себя. Жили на одной улице, вместе ходили в детский садик, в школу. В какой-то вечер не побежали после уроков сразу по домам, задержались у калитки. И тогда он ей сказал: «Давай дружить». Так на школьном языке во все времена начинались объяснения в любви. Они любили друг друга. И хотя жили по соседству, иногда он писал ей записки, светлые, теплые.

А в тот день они поссорились — так, из-за пустяка, как это часто бывает у влюбленных. Но мелочная размолвка вдруг обернулась трагедией. Парень написал своей подруге странную записку: «Я, конечно, не верю, что существуют какие-то «тени». И время на проверку такой чепухи тратить не стал бы. Но если

тебе это очень уж надо — хорошо. Только заодно проверю, как крепко ты меня любишь. Не побоишься прийти на дальний холм в полночь?»

Записка была написана на клочке бумаги, вырванном из школьной тетрадки. Ее нашли в карманчике плаща погибшей. В тот же день приятель девушки был арестован. А на следующее утро на вопрос: «Вы ее убили?» — безразлично ответил: «Да».

Он был милым, скромным и добрым юношей. Так единодушно утверждали все родственники и знакомые. Соседи писали о нем в отзывах: первым всегда здоровался, никому не сказал грубого слова. Родственники рассказывали, что много читает.

При встречах они часто говорили о прочитанном. И девушку всегда восхищали в нем умение увидеть в книгах многое, зрелость суждений и широта мысли. Старшие ставили его в пример своим детям. Учится и работает, обеспечивает себя и семье помогает — после восьмилетки парень ушел работать на завод токарем. Добросовестно относился ко всему, что ему поручали на заводе.

Она еще училась, и его мир — мир заводского труда, рабочих смен и производственных заданий — казался ей очень важным, достойным уважения. Часто расспрашивала, как дела на заводе, и гордилась его успехами так же, как своими пятерками в школе. А он не только работал, тоже учился в вечернем техникуме.

Секретарь комсомольской организации завода сказал о нем следователю: «Черт знает что такое — никогда бы не поверил, что он способен на такую мерзость. Парень всем нам казался хорошим...»

В последний раз свидание они назначили на старом, заброшенном кладбище, расположенном в самом конце городского парка и, по существу, ставшем его частью.

Он путал следствие. Сознавшись в убийстве, парень в то же время категорически отрицал, что виделся с подругой в тот вечер. И его мама подтверждала: да, пришел домой рано, лег спать. Как выглядел? Как всегда.

И когда на следующее утро к нему прибежала ее мать, он встревоженно сказал:

— Мы не виделись вечером. Понимаете, поссорились... Так, из-за пустяка. Я как раз хотел идти к ней, чтобы помириться...

Только после ареста настоящих убийц девушки были восстановлены подлинные обстоятельства преступления.

Собираясь на свидание, девушка надела свитер, взяла старенький прорезиненный плащ, накинула на плечи красный пуховый платок, положила в сумку бутылку лимонада и конфеты.

Она села в автобус и отправилась к парку.

В 12.37 на следующий день ее нашли во рву мертвой. Дождь, прошедший над городом ночью, смыл все следы.

Один из убийц, Сычов, под давлением неопровержимых улик рассказал, как все произошло: «В тот вечер мы здорово набрались. А потом поехали к старому кладбищу — там часто собирается наша компания. Что было дальше? Примите во внимание: показания даю добровольно... Значит, добыли еще бутылку водки и решили распить ее на дальнем холме — туда редко кто забредает, и не помешают, значит. Пошли... А там парочка сидит

на холме. Парня прогнали, а ее, значит... Вот так все и было. Если бы не водка, значит...»

Да, именно так все и случилось. Убийц иногда сравнивают с животными, называют зверями. Для зверей такое сравнение оскорбительно. Но с кем сравнить предателя? Он не убивал Розу — он ее выдал на растерзание убийцам. На официальном языке это называется «оставление в опасности».

Двое отвели его в сторону: «Убирайся, а то хуже будет». Его даже вроде бы ударили по лицу. Он убежал по склонам холма, сел на велосипед и уехал домой. Сбежал, хотя девушка звала его и просила защитить, умоляла спасти. Она боролась за жизнь до последних секунд. Ей заткнули рот, чтобы никто не услышал...

А он пробежал мимо милицейского поста у входа в парк, мимо людей, пришедших сюда погулять. Еще можно было ее спасти, предотвратить преступление.

Преступление было гнусное, из тех, которые потом еще долго будоражат весь город, обрастают слухами.

Олег закончил очерк словами:

«Предстоит суд. Уверен, если бы на судебном заседании могла присутствовать девушка, вместе с которой он ходил в детский сад, в школу, гулял по тенистым городским улицам, которой он объяснялся в любви, — она судила бы его сурово и безжалостно. Она сказала бы ему: «Ты подлец и трус». За свою любовь к нему, за веру в него, друга, мужчину, защитника, она заплатила жизнью.

Имя человека, который помог свершиться преступлению, — Александр Рыжков».

ЖУРНАЛИСТ

Олег словно бы воочию видел, как все произошло. И он писал о преступлении лаконично и отрывисто, перенимая стиль деловых следственных документов, только иногда вдруг взрываясь гневной фразой.

Он упорно пытался разобраться в обстоятельствах преступления.

Стоило ему закрыть на мгновение глаза, как вырванным из нереального фильма кадром пронеслась картина: ров, убитая девушка — еще вчера пела, смеялась, любила.

Очерк был готов, каждое слово его сверено с документами. Редактор быстро прочитал его, убрал наиболее резкие выражения, пометил в углу листа красным: «Секретариат — срочно!»

Редактор встал из-за стола, пошагал по комнате:

— Даже не верится, что такое могло случиться.

— Настолько не верится, что в первые минуты я подумал: «А надо ли писать об этом?» Такое ощущение, будто выметаешь из закоулков нечистоты, — поделился сомнениями Олег.

— Каждый бы предпочел иметь дело с розами, — нахмурился редактор. — Но нам, журналистам, приходится порой общаться и с человеческими отбросами. Писать нуж-

но. И кажется, ты нашел верный тон — очерк направлен против трусости, беспечности, равнодушия.

Он посмотрел на осунувшееся за ночь лицо Олега:

— Иди отоспись. Гранки будут завтра к обеду, тогда и являйся.

Редактор улыбнулся.

— Алке привет.

Он любил иногда ошеломлять сотрудников своей осведомленностью. Олег познакомился с Алкой месяца два назад и еще не представлял ее товарищам по работе. Все как-то не было подходящего случая. Но теперь он и в самом деле хотел бы встретиться с Алкой и потому из редакции поехал в научно-исследовательский институт, где она работала, уговорил отпроситься пораньше. Пока Алка бегала по этажам в поисках начальства, которое бы разрешило ей отсутствовать «по срочным семейным делам», Олег пристроился в вестибюле на подоконнике, ждал, а в памяти снова возникали написанные строчки очерка. Он как бы заново их клал на бумагу и холодно вато прикидывал, что получается. Профессионально получалось неплохо — очерк, несомненно, вызовет реакцию читателей, будут письма, много писем — гневных, едких («как могло такое случиться в наше время?»), суровых. «Надо будет потом подобрать письма и съездить к тому типу, — решил Олег, — пусть почитает, что о нем люди думают».

Прибежала запыхавшаяся, возбужденная Алка, и они отправились в кино. Шли «Неуловимые мстители». Олег молчал, и Алка уловила его настроение, ничего не стала спрашивать, наоборот, сама не умолкала ни на минуту. На экране лихо стреляли из маузеров красные дьяволы, и Олег подумал, что, наверное, скоро этот фильм посмотрит и Александр Рыжков — в колониях ведь тоже проводится культурно-массовая работа. Интересно, что он будет чувствовать при виде чужой смелости и верности? Покажется ли самому себе ничтожеством?

Алка смеялась, охала, прислонилась к плечу Олега. А ему в голову лезли разные невеселые мысли. Он вдруг подумал о том, смог ли бы бросить этого веселого, заливающегося смехом человека на растерзание убийцам, и от этой мысли его прошиб холодный пот. Да нет, глупости, ни один нормальный человек не поступил бы так... Но ведь тот, Александр Рыжков, тоже был нормальным? Черт возьми, посмотреть бы ему в глаза...

— Что с тобой? — все-таки не удержалась Алка.

— Как ты думаешь, способен я на подлость?

— Нет, — убежденно сказала Алка.

Наверное, и та девушка верила своему парню так же безоговорочно. Так почему же он ее предал? Все — тот короткий путь, который он успел прожить, отзвонив товарищей по работе, знакомых, соседей, людей, которые его знали, — все говорило о том, что он должен был бы заслонить ее собой, но не бежать сломя голову, слепо натываясь на кусты и заброшенные могилы — в ту ночь было темно, и

только вдали цепочка фонарей резала душную темноту. Банальный случай: не верь характеристикам.

Олег нащупал в темноте Алкину руку, тихонько ее сжал: «Ничего, старуха, все в порядке».

«Старухе» было двадцать три, и она не любила, когда ее так называл Олег, следуя нелепой редакционной привычке, но на этот раз милостиво простила.

Олег почти наизусть помнил страницы характеристик: хорошие, добрые слова о том парне.

Алка самозабвенно переживала за красных дьяволят, отстреливающихся от бандитов. Вставало на экране багровое солнце, и на фоне огромного шара маленькие всадники скакали к далекому горизонту.

Александр Рыжков был чуть постарше «дьяволят». И отец его, старый рабочий, говорил следователю: «Мой Саша не трус. Я видел трусов, знаю, какими бывают трусы. Мой Саша не трус, я солдат, в этом разбираюсь».

Хорошая семья у этого Александра: отец потомственный металлист, на заводе о нем отзываются с большим уважением, мать ткачиха, младший брат — школьник. Дружная семья, очень порядочная, как написал один из соседей.

Потом они шли по шумной улице. Был вечер, и улицу заполнила молодежь, шумная, немножко крикливая и бесцеремонная. На Алку засматривались. Какой-то подвыпивший парень оказался у них на дороге — случайно или нарочно. Олег сжал кулаки и пошел прямо на него. Парень торопливо свернул в сторону.

— Ради бога, что у тебя приключилось? — не на шутку встревожилась Алка. — Ты какой-то странный сегодня...

Олег уже понял, как нелепо выглядел его неожиданный жест, и виновато проговорил:

— Извини, пожалуйста. Видно, я действительно дописал до чертиков.

Они остановились на перекрестке, и Олег подумал, как удачно подобрано это слово — «перекресток», — два встречных потока людей как бы образовывали гигантский крест.

— Скажи: если ехать на велосипеде вечером, в будний день спешить на свидание к девушке — скорость будет одна, а в праздник — другая?..

— Не говори загадками, Олег Дмитриевич, — бодро сказала Алка. — Излей душу, разрешаю: кто она, пленившая твою журналистскую фантазию так сильно, что даже в моем присутствии думаешь только о ней? Роковая любовь?

— Я ее никогда не видел, Алла. И не увижу. Ее нет в живых. Она погибла.

— Извини...

Олег наспех попрощался с притихшей Алкой. Он неторопливо шел по бульвару. Мысленно, лист за листом, перелистывал пухлое «Дело №...».

Имеет ли он право писать о человеке, — не просто писать, а так, что это решительно повлияет на его судьбу, — не поговорив, не встретившись?

Уже дома Олег снова перечитал свой очерк. Он теперь читал его как бы со стороны, глазами постороннего человека, обычного подписчика их газеты. И снова признал: материал получился, это подсказывал опыт.

Он положил перед собой лист чистой бумаги и сказал себе: «Ты член редколлегии. Читаешь материал не после публикации, а «до». Знаешь историю его появления в газете. Какие у тебя возникнут вопросы?»

Мостовой действительно был членом редакционной коллегии — одним из самых придирчивых.

На листе пункт за пунктом появлялись вопросы, которые могли бы быть заданы автору, если бы материал обсуждался в обычном порядке:

«1. Выезжал ли в город, где произошло преступление?

2. Встретился ли с человеком, о котором пишешь? Встречу организовать нетрудно.

3. Встретился ли с товарищами того, кто совершил преступление? Возможно, они помогли бы более четко выписать его психологический портрет?

4. Есть ли убежденность в точности написанного? Речь идет о судьбе человека...»

Против первых трех вопросов Олег написал: «нет».

Над четвертым долго думал и колебался. Ответ на первые три предопределил и то, что следовало написать здесь. В город, где произошло преступление, не выезжал, с человеком, совершившим преступление, не виделся, личность преступника не изучил. Документы, поступившие в редакцию? Они могли быть неполными, неточными, односторонними. У меня нет оснований им не верить.

На листке появился новый вопрос: «Можно ли на несколько дней отложить публикацию для того, чтобы убедиться на месте в точном соответствии очерка с событиями?»

Рядом был записан ответ: «Можно». Даже необходимо. Особенно учитывая, что речь идет о добром имени человека... Чувства чувствами, но публикация очерка до суда может оказать влияние на судебный приговор.

Он позвонил редактору.

— Ты чего? — удивился тот. — Гранки будут завтра. Не волнуйся, твой очерк заслали в набор.

— Можно отозвать материал? — тихо спросил Олег.

— То есть как? — не понял редактор. — Боишься остроты? Беспокоиться нечего, твой очерк показывал членам редколлегии, они «за». Выступление нужное.

— Не обижайся, — попросил Олег. — Но все-таки лучше его пока не печатать.

— Ну это уж совсем ни на что не похоже, — начал раздражаться редактор. — Автор выступает против публикации своего материала! К сожалению, такое бывает очень редко, — съязвил он.

— Мне надо побывать в том городе, — настойчиво сказал Олег. — У меня такое ощущение, что я в чем-то ошибся.

— Не говори ерунды... — редактор бросил трубку. Звонко щелкнуло отключение, заняли короткие гудки.

Казалось: конец сомнениям. Олег так и сказал себе: «Все. Больше об этом не думаю». Но сказать — просто. Гораздо сложнее — действительно не думать о трагической судьбе девочки и подлости ее возлюбленного.

Олег сунул экземпляр своего очерка в самый дальний ящик стола: с глаз долой.

И снова взялся за трубку.

— Ну, давай выкладывай свои сомнения, -- не спрашивая, кто звонит, сказал редактор. За несколько лет совместной работы он достаточно хорошо изучил настойчивый характер своего сотрудника.

— Я поеду туда, хотя бы ты уволил меня с работы, — сказал Олег.

— Пока так вопрос не стоит, — иронически бросил редактор. — Кстати, я уже позвонил в цех, чтобы очерк не набирали.

— Я могу лететь? — спросил Олег.

— Посмотри на часы: двадцать четыре ноль-ноль. Насколько мне помнится, в такое время у нас бухгалтерия не работает...

Олег не принял шутку.

— Так я полечу, есть ночной рейс, знаю.

— Без командировочного удостоверения? Да и деньги у тебя есть?

— Денег нет. Придумаю что-нибудь. А командировку вполне заменит редакционное удостоверение. Позвони только в горком комсомола, пусть в случае чего помогут...

— Сделаю. Ладно, старик, ни пуха...

Олег позвонил Алле:

— Слушай, у тебя есть сколько-нибудь денег? У меня всего три рубля...

Алка спросонья никак не могла разобрать, о каких деньгах идет речь.

— Я улетаю. Срочно и далеко. Нужны деньги хотя бы на билет «туда».

Алка усвоила только, что Олег куда-то улетаает, и это повергло ее в панику.

— А как же я? Значит, я тебя завтра не увижу? — Казалось, она расплachtetся, в трубке слышалось подозрительное сопение.

— Алк, мне надо.

Она поняла. Даже пошутила:

— Деньги есть. Откладывала на свадьбу, хотя ты пока и не сделал предложения. Приезжай, возьми... Можно, я тебя провожу в аэропорт?

По пути она сказала Олегу:

— Теперь я тебя закабалила. Как плохо, что ты улетаешь. Это у тебя такой злой редактор?

— Нет, просто у меня такой характер. Закабалий дальше, только смотри, чтоб не прогадала.

Он, отшучиваясь, думал о том, с чего начнет завтра работу в командировке.

Объявили посадку. Алка, притихшая и растерянная, осталась под стеклянным колпаком аэропорта.

В 9.00 он уже встретился с Тахировым, следователем, который вел дело убийц Розы Умаровой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Собственно, Тахиров уже заканчивал следствие.

Журналист из республиканской молодежной газеты прилетел незванным. Тахиров не хотел, чтобы его отвлекали от прямых обязанностей в дни, оставшиеся до окончания следствия. Формально он мог не отвечать на вопросы журналиста и уклониться от дальнейших встреч с ним. Это право давал ему закон, требующий полной объективности при ведении следствия. Но вполне логично было предположить, что журналиста привело сюда также желание помочь именно объективному рассмотрению дела, а не повредить ему.

— К вашим услугам, — сухо сказал Тахиров, когда Мостовой ему представился.

— В нашу редакцию поступили материалы по делу, которое вы ведете. Родители Рыжкова жалуются на предвзятость...

Тахиров пожал плечами:

— Они опережают события. Следствие еще идет...

— Родителей можно понять: речь идет об их сыне.

Следователь упрямо склонил голову:

— А вы видели девочку? Да, да, девочку, которая в наших документах именуется сухо и протокольно: «жертва»?

— Нет, — ответил Олег. — Такой возможности у меня не было.

— Тогда смотрите. Вот фотографии. Роза Умарова. Такой она была. Вот снимок, сделанный для комсомольского билета. А это она на экскурсии вместе со своим классом. Видите, в центре маленький крестик? Да, да, это она. Роза была комсоргом класса, верховодила среди ребят, вот они и ставили ее всегда в центр. И здесь она тоже на экскурсии: десятый «Б» на подшефной фабрике. А этот снимок — семейный: отец, мать, братишка, бабушка...

Роза была очень красивой. Даже фотографии передавали эту красоту: огромные глаза, чистый высокий лоб, на плечи легли послушные косы, а взгляд радостный, прямой.

— Очень привлекательная девушка, — будто угадал его мысли Тахиров. Он тихо сказал: — Вот эти фотографии сделаны на месте преступления...

— Убийство всегда отвратительно. А здесь речь шла еще и об убийстве тупом, жестоком.

— Не сомневаюсь, что суд в полной мере воздаст убийцам, — сказал Тахиров. — Судебное заседание будет открытым. И уверен, что общественность одобрит приговор.

— Очевидно, — подтвердил Олег.

— Тогда с чем вы не согласны? — вежливо осведомился Тахиров. Он тщательно подбирал слова, говорил ровно, не-

множко бесстрастно. Корреспондент свалился как снег на голову. Когда к нему в комнату вошел невысокий парень в очках и представился: «Олег Мостовой, журналист», Тахиров вспомнил острые очерки в молодежных изданиях, которые были подписаны этой же фамилией, и, еще не узнав о цели визита, уже внутренне настроился на сопротивление. Тахиров только недавно стал следователем, это было его первое серьезное дело. И провел он его быстро. Конечно, Тахиров предполагал, что родственники подсудимых, возможно и адвокат, будут жаловаться во все инстанции, но то, что процессом заинтересуется республиканская молодежная газета, было неожиданностью.

— Я так же, как и вы, за самое суровое наказание преступников, — ровно ответил Тахинову Мостовой. — Пусть они понесут то, что заслужили. Но по делу проходит еще один человек. Именно он меня и интересует.

Мостовой снял очки, протер стекла. Без очков он выглядел совсем мальчишкой-студентом: добрые глаза, молодые и очень глубокие. Он тоже не предполагал, что его вмешательство в уже законченное дело будет встречено с восторгом. Опыт подсказывал, что придется преодолевать много препятствий — объективных и субъективных, — которые почти всегда возникают в тех случаях, когда представители прессы просят следователя вновь возвратиться к уже проделанной работе.

— Александр Рыжков, — догадался Тахиров. — Не хочу опережать окончательные выводы следствия, но, по-моему, он тоже должен ответить перед законом. Во-первых, Рыжков мог предотвратить преступление: в пятистах метрах находился наряд милиции. Во-вторых, он оставил близкого человека в смертельной опасности. В-третьих, он дал мне, следователю, заведомо ложные показания. Наконец, есть еще и нравственная ответственность... А вы, извините, будете писать о нем?

— Извиняю. Буду.

Тахирова раздражала манера Мостового говорить отрывистыми фразами, глядя в упор на собеседника. Казалось, что в тоне проскальзывает пренебрежение.

— Материалы у прокурора.

Олег умел быть напористым, когда этого требовали обстоятельства. Он не стал ходить по многочисленным кабинетам, чтобы добыть разрешение на ознакомление с материалами следствия.

— Идемте к прокурору, — предложил он Тахинову.

— Если примет, — улыбнулся тот иронически. — Впрочем, попытайтесь.

Пока шли по длинному коридору — направо и налево одинаковые прямоугольные проемы дверей, — молчали.

Олег попросил у секретаря листок бумаги, написал: «Прошу принять на три минуты по интересующему нашу редакцию делу», подписался, вложил записку в редакционное удостоверение и требовательно предложил молоденькой секретарше «положить это на стол товарищу прокурору».

К удивлению Тахирова, прокурор принял их быстро. В течение двух минут Мостовой излагал суть своей просьбы, минута

потребовалась на то, чтобы прокурор позвонил кому-то по телефону и сказал:

— Познакомьте журналиста Мостового с материалом по убийству Розы Умаровой.

Предложил Тахирову:

— Очевидно, вы поможете товарищу Мостовому разобраться в этом сложном деле. В любом случае полезно услышать мнение человека, который посмотрит его как бы со стороны.

В конце краткой беседы прокурор спросил Олега:

— Почему вас интересует именно это дело?

— Погибла комсомолка. Член союза, в газете которого я работаю. Еще одно: разрешите встретиться с Рыжковым.

— Хорошо. Если возникнут затруднения, позвоните.

Тахиров, когда вышли от прокурора, одобрительно оценил:

— Оперативно работаете, Олег Дмитриевич. — Следовательно все-таки не удержался от шпильки.

— По принципу: за каждой строчкой очерка — люди, — сердито отрезал Мостовой.

— На сколько дней командировка? Извините, дорогой товарищ корреспондент, за такой вопрос, но мне хотелось бы знать, как планировать время. Мне хотелось бы, чтобы ваше пребывание у нас было приятным, — Тахиров сыпал длинными вежливыми фразами.

— Вам бы хотелось, чтобы я убрался поскорее, — добродушно прокомментировал его вопрос Мостовой. — Не выйдет. Буду вашим гостем ровно столько, сколько понадобится. Не взыщите.

Тахиров засмеялся.

— Олег Дмитриевич, мне действительно хочется, чтобы вы с пользой провели у нас время. Я, например, прямо заинтересован в этом...

— Извините, — чуть смущенно сказал Мостовой. — Я, кажется, ответил на ваше предложение гостеприимства не совсем тактично.

Тахирову понравилось, что журналист не из тех самовлюбленных репортеров, которые раз и навсегда уверовали в свою непогрешимость.

— А вы хорошо ответили прокурору, — сказал следователь. И совсем неожиданно: — Я член бюро горкома комсомола.

— Чего же молчал? Пошли в горком, надо мне представиться товарищам.

ПРЕСТУПНИК?

— Прежде всего я посоветовал бы вам познакомиться с Рыжковым, — предложил следователь Мостовому. — Это нетрудно устроить...

В тюрьму они поехали вместе. Начальник тюрьмы провел их в комнату, чем-то отдаленно напоминающую приемную врачебного кабинета. Олег осмотрелся. В углу косо стоял стол, дубовый, массивный, накрепко вросший в дощатый пол. Стул был почти таким же массивным, основательным. Он стоял точно там, где ему положено было стоять: на полметра от

среза стола, даже двигать не надо — садись, руки на шероховатую, отполированную локтями крышку и начинай разговор. Рядом стоял еще один такой же стул. Что же было в этой комнате от приемной медицинского учреждения? Олег наконец понял: идеальная чистота, ничего лишнего.

— Располагайтесь, — пригласил начальник тюрьмы. — Сейчас пришло Рыжкова.

Он ушел, и Олег попытался «настроить» себя на предстоящую беседу. Он вспомнил заранее подготовленные вопросы, прикинул ритм и последовательность, в которых будет их задавать. Сосредоточиться было трудно: все время перед глазами стояли фотографии Розы, показанные следователем. Теперь в душе снова росла злость. Емкая, густая, она путала мысли, была ненужной, могла помешать объективно разобраться — это Олег понимал, но поделать с собой ничего не мог.

Он так задумался, что не услышал, как тихо хлопнула дверь, и удивился, услышав, как Тахиров сказал:

— Рыжков, с вами хотел бы побеседовать журналист из молодежной газеты.

— Здравствуйте, гражданин начальник...

Голос был тусклый и бесцветный. И парень оказался под стать своему голосу: равнодушный, поникший, весь какой-то пришибленный. От него, от каждого его движения, веяло безысходностью. Олег подумал, что так, наверно, выглядят те, кто потерял всякую надежду.

Они проговорили два часа. Собственно, говорил, спрашивал Олег, а парень, Рыжков, или молчал, или тоскливо, коротко произносил: «Да». В конце концов Олег не выдержал, почти закричал:

— Очнись ты... Ведь речь идет о твоей судьбе!

— Да, — сказал Рыжков. Опять угрюмо и безразлично.

Олег стал расспрашивать о том, как ему живется здесь, в тюрьме.

- Хорошо, — пожал плечами Рыжков.
- Есть ли у тебя какие-либо просьбы ко мне?
- На этот раз Рыжков выдал из себя несколько слов:
- А зачем? Розе ведь все равно...
- Но ты-то еще жить должен...
- Совсем не обязательно, — тихо ответил Рыжков.

Олег приезжал в тюрьму в течение нескольких дней. Он пытался любыми путями проникнуть в тот мир мыслей Рыжкова, который парень наглухо захлопнул для посторонних.

— Парень закрылся, как улитка в раковине, — сказал Мостовой Тахирову при встрече.

Тахиров внимательно присматривался к Мостовому. Он искренне пытался преодолеть то невольное предубеждение, которое возникло при первой встрече с журналистом. А основание быть недовольным у него имелось. Расследование было проведено в кратчайшие сроки — убийцы попали за решетку через двое суток после совершения преступления. У Розы не было врагов, товарищи любили ее за веселый, открытый характер. Одноклассники Розы говорили, что у нее есть друг, Александр Рыжков. Об этой дружбе знали и ее родители. Александр им нравился: спокойный, работающий парень из хорошей семьи. Братишка Розы вспомнил, что в тот день Александр под вечер разговаривал с Розой у калитки их дома. Рыжков в чем-то убеждал его сестру, а та не соглашалась. О чем они говорили? И тон записки, полученной Розой, и эти показания приводили следователя к выводу, что преступлению предшествовала ссора. Из-за чего? Что за таинственные «тени» упоминаются в записке? Роза не могла ответить на этот вопрос. Рыжков отвечать на него не захотел. Он упорно молчал, и было не совсем понятно: то ли пришиблен неожиданным горем, то ли боится. Сидел, уставившись в одну точку, отказался от свидания с родными.

— Ну, убил я ее, — уже на втором допросе сказал он. — Вы же узнали мою записку... А теперь оставьте меня в покое.

Тахиров со злостью посмотрел на парня. Ему хотелось как следует тряхнуть его, чтобы не напоминал восковой манекен.

— Не ври, — сказал он и устало прикрыл глаза ладонью. — Ты не убивал. Но видел убийц... Понимаешь, видел и можешь помочь нам схватить их.

— Розе теперь все равно... — угрюмо процедил Рыжков.

— Завтра они могут убить другую девушку. Вообще, первого встречного. Тебя, например.

К этому времени Тахиров уже знал, что убийц через несколько часов арестуют. Но предстояло выяснить роль Рыжкова в преступлении. Записка, найденная у убитой, была неопровержимой уликой. Не будь ее, возможно, и не было бы трагедии на заброшенном кладбище.

— Почему ты написал Розе такую записку? С чего вдруг решил проверять, любит она тебя или нет? Кто еще мог знать о записке?

Вопросов у следователя было много, но Рыжков, безразлично уставившись в одну точку, молчал.

Школьная подруга Розы подтвердила, что в тот день Роза и Александр поссорились, однако причин ссоры не знала.

Другой свидетель заявил, что видел, как Рыжков где-то около полуночи (время точно не заметил) ехал на велосипеде по направлению к парку. Приметили его и у входа в парк, где в тот вечер было много людей. А судя по записке, он в это время должен был быть на дальнем холме. Как очутился у входа? И насколько правдивы показания родителей, которые упорно твердят, что сын в одиннадцать уже был в постели.

Тахиров провел десятки экспертиз и следственных экспериментов. Он по минутам рассчитал время. Потом Рыжкова опознал один из убийц: «Ну да, вот этот длинный был с девушкой. Я его ударил, велел молчать и убираться. Он побежал к выходу с кладбища. Его догнал Рюмкин Виктор, тоже ударил и сказал, чтоб ни звука, а то прикончим, пока до нас доберутся. Мол, нам теперь будет все равно».

«Неужели молчит из страха? — Тахирову такая мысль показалась нелепой. — Но ведь он знает, что преступники арестованы. Даже если раньше и трусил, то сейчас должен был бы заговорить».

Тахиров буквально по минутам рассчитал, что происходило в тот вечер.

17.00 — Рыжков поссорился с Розой. По свидетельству подруги Умаровой, они разговаривали минут пятнадцать-двадцать.

17.20 — 18.00 — Встретился с однокурсником по заочному техникуму. Обменялся с ним учебниками, поговорил о предстоящей сессии.

18.00 — 19.00 — Брат Розы видел, как сестра и Александр Рыжков о чем-то спорили у калитки дома. Он показывает, что Роза была очень взволнована и ушла в дом «не в себе». Время определяется достаточно точно: когда Роза и Александр встретились, мальчик торопился домой, так как в 18.00 начинался по телевизору фильм «Джудльбарс».

19.00—20.20 — Рыжков был дома, помогал по хозяйству, чинил велосипед.

20.20 — 21.00 — Ужинал вместе с семьей.

21.00 — 21.45 — Гулял, прошел несколько раз возле дома Умаровых.

21.45 — Встретил одноклассницу Умаровой, попросил ее вызвать Розу на улицу. Было еще светло. Одноклассница зашла в дом Умаровых. Роза читала и велела передать Рыжкову, что на улицу не выйдет.

Рыжков очень расстроился и попросил девочку немного подождать, зашел к себе, написал записку и велел ее передать Розе. Когда однокласснице предъявили записку, найденную в плаще Розы, она показала: «Да, та тоже была написана на такой же бумаге. Но я ее не разворачивала, так что точно сказать не могу».

21.55 — 23.00 — Был дома, готовил работу по физике, читал.

23.00 — Пожелал родителям спокойной ночи и ушел в свою комнату спать. До этого времени следователь мог установить развитие событий почти с абсолютной точностью. Дальше этот «временной график» приходилось строить на основании косвенных улик, свидетельских показаний, в которых часто встреча-

лись «кажется», «точно не заметил» и т. д. При этом следователь исходил из того, что Роза и Рыжков должны были бы быть на дальнем холме ровно в полночь — он уже выяснил, о каких «тенях» шла речь в записке.

23.20 — У входа в парк видели Умарову. Она кого-то ждала.

23.40 — Рыжков на велосипеде подъехал к входу в парк. Следственным экспериментом установлено: расстояние от дома Рыжковых до парка можно преодолеть за тридцать пять минут.

23.00 — Сычов и Рюмкин пытались ограбить парочку в темной аллее. Кто-то из находившихся неподалеку граждан громко позвал милицию, и грабители убежали.

23.40 — Рыжков и Умарова встретились у парка. Встреча свидетельскими показаниями не зафиксирована, но нет сомнений в том, что она состоялась: Умарова приехала к входу раньше, Рыжков около полуночи приехал на велосипеде.

23.40 — 23.50 — Эти десять минут Рыжков потратил на то, чтобы отвести велосипед в сарай своего дедушки, который жил неподалеку, и возвратиться.

23.50—24.00 — Десять минут Рыжков и Умарова шли по кладбищу к дальнему холму. Проверено следственным экспериментом. Позже им идти на холм уже было ни к чему — миновала бы полночь.

В 24.00 Сычова и Рюмкина видели у парка их приятели. Оба были очень пьяны и искали, где бы еще выпить. У приятеля Сычова была бутылка водки, и Рюмкин купил ее.

00.15 — Сычов и Рюмкин расстались с друзьями и вновь ушли в парк.

00.40 — Они встретили Розу и Рыжкова. Сычов ударил Рыжкова и крикнул ему: «Убирайся!» Рыжков побежал по склону холма к выходу...

Рыжков безразлично прочитал записи следователя и проормотал:

— Значит, это случилось около часа ночи... Надо что-нибудь подписать?

И Мостовой познакомился с этим «расчетом времени». Долго всматривался в ровненький столбик цифр, сосал потухшую сигарету. Неожиданно спросил Тахирова:

— Помнишь беседы доктора Ватсона и Шерлока Холмса?

— Хочешь на практике испробовать дедуктивный метод? — скептически прищурился следователь.

— Нет, скорее в какой-то мере использовать методику своих бесед. Мне полезно было бы выяснить некоторые детали.

— Хорошо, — согласился Тахиров.

Журналист начал задавать вопросы. Тахиров отвечал на них и после каждого ответа чертил палочку. Всего вопросов было двадцать семь. Это был быстрый и точный разговор двух деловых людей, и был он сухим — только факты.

— Как установили время попытки ограбления?

— В протоколе, составленном на месте происшествия, указано время.

— Уверены, что Умарова появилась у ворот парка в 23.20?

— Да. Ее увидела из окна автобуса подруга. Роза подходила к парку, а автобус отправлялся к центру. Это был рейсовый № 17, в 23.20. Роза тоже увидела подругу и махнула ей рукой.

— Неубедительно, что Роза и Александр вошли на кладбище в 23.50. Логика в таких случаях иногда подводит...

— В это время Розы уже не было у входа — в этом мнение свидетелей единодушно.

— Как установлено время преступления?

— Сычов показал, что, когда они увидели парочку на холме у старых могил, как раз вдаль проходил пассажирский поезд. Это был московский экспресс. С холма его видно в 00.37. Три минуты ушло на то, чтобы подняться по склону.

Мостовой задавал вопросы вразброс, не придерживался никакой системы. Он не пользовался при этом блокнотом, не делал пометок, и Тахиров, который привык фиксировать во время своей работы каждую деталь на бумаге, удивился, что журналист обходится без карандаша — символа его профессии.

— Когда была убита Умарова?

— Рюмкин показывает, что, когда они уходили с кладбища, начал накрапывать мелкий дождь. В деле есть справка метеорологической станции — дождь над городом пошел в 1 час 15 минут. Примерно такое же время гибели установлено экспертами.

— Чем занимались Рюмкин и Сычов до того, как пошли на кладбище?

— Выпивали, затеяли драку у кинотеатра и так далее — каждый шаг их известен.

— Чем подтверждается, что Рыжков оставлял велосипед в сарае у дедушки?

— Показаниями свидетелей, анализом почвы земляного пола сарая и на шинах велосипеда.

— Занимался ли Рыжков велосипедным спортом?

— Нет, — голос Тахирова немного дрогнул. Он понял, какой вопрос последует дальше, и ругнул себя, что упустил эту важную деталь во время следствия.

— Следовательно, Рыжков ездил на велосипеде не хуже и не лучше обычного. А когда проводился следственный эксперимент, за рулем был мастер спорта...

Мостовой сделал первую пометку в блокноте.

— В какой день проводился эксперимент? — наседал журналист.

— В обычный день недели. Это была среда.

— А Рыжков ехал на кладбище вечером в праздник. Следовательно, на улицах было много людей, движение транспорта интенсивнее обычного. Насколько я понимаю, невозможно абсолютно точно установить и время, когда он двинулся в путь от своего дома. А это имеет огромное значение. Я видел в деле результаты следственного экс-

перимента с велосипедом: тридцать пять минут. Действительно, если бы Рыжков был мастером велосипедного спорта, если бы он выехал из дома в 23.05, если бы на улицах в тот день не было интенсивного движения, он бы на свидание к Розе успел... Не много ли этих «если»? Значит, по этому пункту «расчета» возможны неточности, — без всякой радости отметил Мостовой.

— На этот вопрос я смогу ответить вам через два часа, — Тахиров хмурился все больше.

Мостовой ушел из кабинета Тахирова. Предстояло «убить» сто двадцать минут. Олег бродил по улицам и думал о том, что вот мимо него, обгоняя, отставая, совсем рядом, идут люди, много людей. У каждого свои радости и горести, свои планы на будущее. Они идут с работы или на заводскую смену, в библиотеки, школы, на городской стадион, где сегодня местные футболисты сражаются со своими соперниками из столицы соседней республики. На скамейке бульвара старики играют в нарды, у них позы восточных мудрецов и словно резанные из красного дерева, в глубоких морщинах лица. Бабушка гуляет с внуком — малыш смешно семенит ножками, старушка что-то ласково говорит ему. На улицах много молодежи — стройные, красивые парни и девушки: подросло хорошее мирное поколение. Где-то Мостовой читал, что дети, родившиеся после войны, крепче здоровьем, выше, ладнее своих военных предшественников. Наверное, так оно и есть: жизнь улучшилась, матери не знают военных невзгод.

Былолюдно, в этом городе любили нарядные яркие ткани, броские цвета, и Олегу казалось, будто это радуга расщедрилась и плеснула на город многоцветье своих лучей.

Олег зашел на почтамт и послал две телеграммы. Одну редактору: «Прошу оформить командировку». Вторую Алке: «Я тебя люблю. Мостовой». Девчонка-телеграфистка прочитала текст и, покраснев, неожиданно посоветовала:

— Товарищ Мостовой, подпишите по-другому.

Олег взял бланк, пробежал глазами короткую строку и рассмеялся: он подписал ее так, как подписывал свои очерки и статьи.

— Спасибо, девушка, — поблагодарил он телеграфистку. — Пошлите «срочной».

Девчонка понимающе кивнула, выписала привычно квитанцию, а сама, наверное, думала, что вот и ей когда-нибудь придет такая же телеграмма. Лучше, если «срочная». Она с симпатией посмотрела вслед парню в очках, который решил так смешно объяснить в любви.

А Олег уже снова зашагал по городским улицам. Предстояла большая работа. Он изучил за прошедшие дни тщательнейшим образом все многотомное дело Сычова, Рюмкина и Рыжкова, все его документы, пронумерованные, подшитые в серые папки. Отметил скрупулезное отношение Тахирова к расследованию. Это он, Тахиров, в конце концов доказал, что Рыжков не убивал Умарову, хотя тот давал самые противоречивые показания и твердил на каждом допросе: «Я ее убил. Давайте подпишу, и оставьте ме-

ня в покое». Тахиров отыскал среди тысяч людей двух преступников, выхватил из толпы и скоро поставит их перед судом. Казалось, он сделал все, что в его силах. И все-таки...

Надо спросить, чьи фотографии предъявляли Рюмкин и Рыжкову для опознания.

У Олега кончились сигареты. Рядом был большой, с огромными витринами «Гастроном». Олег обратил внимание, что у многих прилавков пусто, почти нет покупателей. Симпатичная молоденькая девчонка с огненно-рыжими волосами, неторопливо оформлявшая витрину отдела бакалеи, глянула на него с интересом, и Олег подметил в ее взгляде какой-то затаенный испуг. «С чего бы?» — подумал Мостовой. У винного отдела была давка. Продавец — небритая, помятая личность в щеголеватом, явно с чужого плеча пиджаке спортивного покроя, озлобленно орал на покупателей. Со всех сторон ему протягивали трешки и пятерки. Казалось, горстка помятых, небритых мужчин оцетинилась денежными знаками. Среди взрослых толкалось несколько подростков.

— Дай десять копеек, Зимин, — подскочил один к Олегу.

— Обознался, — хмуро бросил Мостовой.

— Очень похож, — оценивающе осмотрел Мостового паренек. — Дай десять копеек...

«Психология, — подумал невесело Олег. — Рассчитывает, что я болельщик, а болельщику лестно сравнение с прославленным спартаковцем, вот и расщедрится...»

Он протолкался к стойке, попросил пачку «Шипки».

— Не бывает, — продавец кричал уже на всех без разбора, — с луны свалился!..

— Почему продаете спиртное несовершеннолетним? — Олег ткнул пальцем в одну из многочисленных синих табличек: «запрещено...», «...после 20 часов...»

— Твое какое дело? — взвизгнул продавец.

— Вам нужна «Шипка»? — к Олегу подошел плотный невысокий мужчина. — Пойдемте ко мне, у меня есть из личных, неприкосновенных запасов. Понимаю, как трудно курильщику перейти на другой сорт сигарет.

Мужчина толкнул дверь с надписью «Директор», извлек из ящика стола несколько пачек сигарет.

— А там, у винного отдела, сейчас наведут порядок. Не беспокойтесь. Забота о покупателе прежде всего. Заходите почаще, товарищ журналист. — Он, бережно придерживая под локоть, повел Олега к выходу.

У прилавка с надписью «Вино — табак» за те несколько минут, что Олег провел в кабинете директора, обстановка резко изменилась. Исчезли подвыпившие подростки. К улыбающемуся продавцу чинно тянулась очередь. В сторонке, у окна, стояли два плечистых парня с нарукавными повязками дежурных. «Подсобные рабочие, — сообразил Олег. — Грузчики. Таким вытолкать пьяниц труда не составит». Действительно, рубашки на плечах у парней трещали от каждого движения. «Странно, почему директор так старается?..»

...Тахиров встретил Олега мрачно. Он, сосредоточенно

посापывая, выписывал что-то из следственных документов.

— Скажите, вы юрист? — неожиданно спросил он.

— Нет. По образованию я историк, — Олег не удивился. Он привык по роду своей работы отвечать на самые неожиданные вопросы. Но понял суть того, что действительно хотел спросить Тахиров, и объяснил:

— Юриспруденцию не изучал. И сейчас не собираюсь, как некоторые мои неопытные коллеги, самостоятельно вести следствие. Роль доморощенного пинкертона меня не прельщает.

Тахиров вежливо улыбнулся:

— И тем не менее вы смогли найти некоторые противоречия...

— Это потому, что я читал документы под другим углом зрения, нежели вы. По роду моей профессии я обязан хорошо знать психологию. А опыт подсказывает, что бывают такие ситуации, когда любое железно аргументированное, логично обоснованное построение вдруг начинает трещать по всем швам.

Мостовой говорил все это, глядя прямо в глаза следователю, и тот опять с неприязнью подумал, что такая манера вести разговор не из лучших: тебя будто изучают, прощупывают лучом-взглядом. А Олег уже приготовился к атаке: он твердо решил просить прокурора провести новое расследование обстоятельств гибели Умаровой.

— Вот седьмой том, — Тахиров ткнул пальцем в один из томов дела. — Он весь из жалоб и заявлений подследственных и их родственников. И все они рассматривались. Но суд еще не сказал свое слово... — Тахиров предугадал, о чем думает Мостовой.

— Там нет просьбы, жалобы, заявления — как это у вас официально называется — Рыжкова.

— Рыжков... Рыжков, — наконец, не сдержал раздражения Тахиров. — Дался вам этот тип! Убили его любимую, а он, вместо того чтобы помочь следствию, начал плести околесицу. Сколько сил потратили, прежде чем удалось выяснить его подлинную роль!

— Согласен, судя по материалам, парень не лучшего сорта. Но... Закон есть закон. Вам не приходило в голову, что человек, струсивший в такой ситуации, как на кладбище, должен был бы и на следствии вести себя иначе?

— Я человек дела, — Тахиров каменно глянул на Мостового. — Меня интересуют прежде всего факты. Они против Рыжкова.

— Извините, некоторые из них и против вас, — Олег смотрел в упор на Тахирова. — Рыжков должен был бы или все отрицать, или сразу же рассказать, что там произошло. А он твердит: «Я ее убил». Странно... Что, если, — журналист остановился, — что, если девушка была на кладбище не с ним?..

Следователь поднял глаза:

— Что, если кто-нибудь другой ждал ее у кладбища? Не исключено, что с этим другим она могла приехать и на автобусе...

Следователь помолчал. В кабинете было очень тихо.

— Знаете что? — сказал Тахиров. — Согласен на дознание. В то, что она была не с Рыжковым, я не слишком верю, но в чем-то вы правы...

Тахиров в тот вечер надолго задержался в своем кабинете. Завтра предстояло идти к прокурору, объяснять, с какой стати он будет заниматься уже законченным делом. Представил недоуменные взгляды коллег, неизбежные разговоры «в кулуарах». Оставалось надеяться, что его поймут. А еще было жаль, что ломаются все планы на лето: Тахиров днями собирался в отпуск.

СТАРУХА

Два дня подряд они допрашивали водителей рейсовых автобусов № 17 и 19. Собственно, разговор с ними вел Тахиров, а Олег Мостовой устроился в уголке, уничтожал сигарету за сигаретой. Сизый дым вначале плавал под потолком, потом густо заполнил всю комнату. Тахиров, некурящий, морщился, но терпел.

— Скажите, вы работали Первого мая? — задавал следователь вопросы парню в клетчатой рубашке, неуютно пристроившемуся на краешке стула.

— Да.

— До которого часа?

— В половине второго смена закончилась, погнал машину в гараж, сдал выручку, потопал домой...

— Не обратили внимания на девушку — вот ее фотография — и парня, который был с нею? Возможно, вашим рейсом они ехали примерно между одиннадцатью и половиной двенадцатого ночи.

Шофер всматривался в фото, напряженно морщил лоб.

— Да нет... День тот особенный — праздник. И пассажиров много за вечер перевезли. Если и замечаем которого, так все больше хулигана или алкаша, пьяного то есть. Морока с ними... А то вот еще одна тетка хотела поросенка перевезти — тоже обратил внимание.

— Значит, нет?

— Не припоминаю, извините.

— Вы свободны, давайте пропуск, подпишу.

Когда шофер ушел, Тахиров пошагал по кабинету, круто остановился против Мостового.

— Это последний. Всех опросил — и безрезультатно.

— Есть у меня мысль.

— Провозглашай, если ценная...

Тахиров с самого начала их совместной работы настроился на насмешливый тон. Видно, считал, что с журналистами только так и надо разговаривать. Олег охотно ему подыгрывал. Совместная работа за последние дни сблизила их, и они перешли на «ты».

— Можно было бы опросить пассажиров этих рейсов.

Пауза затянулась. Тахиров взвешивал «за» и «против».

— Кто это сделает? В этот вечер проехали десятки людей. Как их разыскать?

— Пусть шоферы помогут. Этих автобусов. В каждом из них есть микрофон. — Олег удивлялся, что Тахиров его не понимает.

— М-да... — тянул неопределенно следователь. — Значит, так и будут кричать в микрофон: «Ищем преступника»? И преступник, если он существует, тоже услышит и примет меры, уйдет, скроется, может, уедет в другой город?

Глаза у Тахирова стали темными и непроницаемыми.

Олег досадливо поморщился:

— Если вы будете знать, кто совершил преступление, он далеко не уйдет.

— Не забывай, объявления в автобусах всплошат весь город. Этого еще не хватало. Начальство не пойдет на такое.

— Начальство обычно бывает умнее, чем мы предполагаем.

Мостовой уже привык к манере Тахирова во всем сомневаться. Он видел, что идея пришлась следователю по душе — сейчас только он уточняет ее смысл и пути реализации.

— А что будем объявлять?

— Вот, я здесь набросал, — Мостовой протянул листик бумаги из блокнота: — «Товарищи пассажиры! Разыскивается человек, участвовавший в тяжелом преступлении, совершенном в нашем родном городе. Он гнусно предал девушку, помог ее убийцам...»

Тахиров насмешливо улыбнулся, отчего его скуластое лицо неожиданно стало добрым. Он взял ручку и набросал несколько строк.

— Такие объявления, может, и хороши в газете, но не у нас. Эмоций много. Надо проще и понятнее. Вот хотя бы это... Пойду согласую с руководством.

Через час шоферы рейсовых автобусов № 17 и 19 уже обращались к пассажирам: «Граждане пассажиры! В ночь с первого на второе мая из центра к старому кладбищу ехали парень и девушка. Приметы девушки: семнадцать лет, невысокого роста, смуглая, темноволосая, над правой бровью маленькая родинка, одета в красный свитер грубой вязки, в руках были плащ и хозяйственная сумочка. Приметы парня неизвестны. Просим всех, кто обратил на них внимание, сообщить об этом в городское управление Министерства внутренних дел».

Микрофоны простуженно шипели, глотали окончания слов, но пассажиры слушали внимательно, возбужденно обменивались мнениями.

Вскоре Мостовой получил письмо, в котором ему советовали уехать, а еще в тот же день после обеда, когда немного спала жара, Тахирову позвонил дежурный.

— Пришел человек, который вас интересуется.

Это оказалась женщина лет шестидесяти. Она в тот вечер ехала в церковь, что стоит у входа на кладбище. Старушка торопилась ко всенощной. Но тем не менее она заметила молодую пару.

— Почему? — спросил Тахиров.

— Понимаешь, — старушка, очевидно в силу своего преклонного возраста, считала, что имеет право говорить с этими молодыми людьми на «ты». — Он все цеплялся к девчонке. А она молчала и будто стыдилась перед пассажирами. Он мне место не захотел уступить. Девушка скромная такая, в красном свитерочке, ну прямо ангел, встала и приглашает: «Садитесь, бабушка». А тот ее, значит, приятель как зыркнет на меня: «Постоит, старая карга». Девушка очень даже покраснела, прямо вспыхнула вся и робко так говорит: «Она старенькая, ей тяжело». Спасибо, пожалела меня голубица. А плащ у нее через руку перекинут был, темный такой, я еще подумала: теплень на улице, а она на непогоду оделась. Тогда он ей и говорит: «Наконец-то вы обратили на меня свое внимание. Ладно, оставим бабку в покое. Далеко ли путь держите?» Мне еще показалось, что они не шибко-то знакомы. Но потом вроде бы разговорились...

— Кто из них? — следовательно протянул старухе несколько фотографий. — Есть здесь попутчик девушки?

От ответа бабушки зависело многое. Что она скажет? На одной из фотографий был парень, который предстанет перед народным судом как соучастник преступления.

— Узнаете этого человека?

КОМАНДИР ОПЕРАТИВНОГО ОТРЯДА

Равиль Каримов, морщась как от невыносимой зубной боли, горячо говорил Тахинову:

— Конечно, честь тебе и хвала, быстро нашел преступников. Молодец, ой какой молодец! Но почему ты не посадил на скамью подсудимых и меня?

Такой неожиданный поворот озадачил следователя. Тахиров остро глянул на Равиля: может, шутит?

Но Каримов был серьезен как никогда. Он весьма мрачно сверкал стеклами очков, нервно крутил в руках карандаш.

Каримов вот уже два года возглавлял оперативный отряд при горьком комсомоле. Люди, которые плохо его знали, только плечами пожимали: Каримов и ночные рейды, патрули?

И в самом деле, Равиль был меньше всего похож на лихого дружинника, какими обычно изображают этих ребят в журналистских очерках. Невысокого роста, узкоплечий, с застенчивым взглядом, Каримов не так давно успешно защитил кандидатскую диссертацию, и некий маститый ученый говорил о нем как о надежде фитопатологии.

— Слушай, прости мое невежество, но что это за штука — фитопатология? — спросил как-то Равиля Тахиров.

— Наука о болезнях растений, — неохотно ответил Равиль и покраснел. Ему было неловко, что такой интеллигентный человек, как Тахиров, ничего не слышал о его любимой науке.

Одевался Равиль всегда очень тщательно, даже в жару носил галстук. Эта его привычка была предметом постоянных шуток друзей, но шуток не обидных, скорее очень добродушных — Равиля любили.

В детстве Равиль тяжело заболел, и врачи предрекали ему постельный режим до конца жизни. Что этот конец не за горами, они не сомневались.

Равиль поднялся.

Тогда врачи рекомендовали малоподвижный образ жизни — избегать лишних движений, не волноваться, занятия спортом противопоказаны.

Равиль занялся охотой и рыбалкой, несколько позже увлекся туризмом и, наконец, стал перворазрядником по боксу.

В оперативный отряд вступил, несмотря на протесты всех же докторов («хотите заниматься общественной работой — выпускайте стенгазету»), и вскоре стал его командиром.

Участвовал во многих рейдах, лично задержал рецидивиста.

Среди городской шпаны, мелкого хулиганья был известен под кличкой Ученый. Знакомые девушки, узнав, что Равиль собирается вечером в кино, тоже старались попасть на тот же сеанс: где появлялся Каримов, там нарушения общественного порядка исключались.

А еще Каримов любил танцевать шейк и в неофициальном конкурсе, устроенном на танцплощадке в городском парке, занял первое место. Это было любопытное зрелище. Какой-то восторженный почитатель Каримова под шумок одобрения долго жал ему руку и пространно благодарил за «доставленное удовольствие». Равиль начал излагать ему свои взгляды на современный танец, и вскоре вокруг них образовалась толпа, потом кто-то крикнул оркестрантам, чтобы «не мешали». Танцы прекратили, расторопный администратор притащил столик и впоследствии записал в плане работы, что была прочитана лекция на тему «Эстетика танца» (лектор — кандидат биологических наук Р. Каримов).

Об этом маленьком эпизоде сам Равиль забыл на следующий день, но другие помнили, и, когда однажды ему пришлось столкнуться на этой же танцплощадке с пьяными хулиганами, на помощь пришли очень многие.

А сейчас Равиль сидел против Тахирова и угрюмо говорил:

— Меня тоже надо бы судить! Ведь мы давно знали, что эти подонки способны на самое мерзкое преступление, и все чего-то ждали, не предприняли ничего, чтобы предотвратить убийство.

— А что бы ты мог сделать? — резонно спросил Тахиров. — Ты и твои ребята очень нам помогли. Разве не твои оперативники быстро нащупали преступников? Разве не они помогли их задержать?

— Они! Они! Но преступление было совершено! Нет больше хорошего человека — вот главное.

Равиль страдальчески смотрел на Тахирова. Тот по-мрачнел:

— Если бы можно было предотвратить все преступления...

У них начался длинный и немного абстрактный спор о том, когда наконец слова «преступление», «преступник» будут вычеркнуты из практических словарей.

— Кстати, — неожиданно сказал Каримов, — я пришел к тебе по делу.

— Вот у тебя всегда так, — добродушно улыбнулся следователь.

— Я был на заводе, где работал Рыжков. Разговаривал с ребятами. Не верят они, чтобы Рыжков струсил.

— Вы что, сговорились? — возразил Тахиров.

— С кем?

— У меня в «гостях» журналист. Так он тоже, кажется, не верит...

— Умный человек...

— А я, выходит, дурак? — Тахиров совсем по-детски обиделся.

— И ты умный, — думая о чем-то своем, сказал Каримов.

— Какие доводы, аргументы у твоих ребят?

— В том-то и дело, что никаких. Они считают, что ты все железно доказал. А... не верят в виновность.

— Шестое чувство?

— Совсем нет. Просто Рыжкова они знают лучше, чем мы с тобой.

— Это не доказательство.

— И все-таки, — Равиль в упор посмотрел на следователя, — дело еще не кончено...

ОФИЦИАНТКА

Все эти дни Олег регулярно приходил ужинать в кафе. Официантка Лида, с которой он иногда перебрасывался полуплутивыми-полуироническими фразами, к нему явно полюбила: оставляла лимонад, не ворчала больше, если он приходил почти к закрытию, когда ей надо было сдавать деньги в кассу. Однажды журналист стал свидетелем небольшого происшествия в кафе. Официантке принесли записку. В этом городе, наверное, объясняться с помощью записок было модно. Лида небрежно сунула клочок бумаги за кружевную, туго накрахмаленный передник.

— Прочитай, — хмуро посоветовал посыльный, парнишка лет пятнадцати. — Старший писал и велел, чтобы ты при мне ознакомилась. И чтоб в парк пришла, а то худо будет.

Разговор шел вполголоса, но Олег сидел недалеко за столиком и ясно слышал каждое слово.

— Нет, — сказала Лида, пробежав глазами записку. —

Не могу. И плевать я хотела на вашего Старшего. — Хотя слова были и грубые, но в голосе явно слышался страх.

— Так и передать? — насмешливо спросил паренек.

Официантка совсем сникла, спросила:

— Может, завтра?

— Сегодня.

— Ладно, что-нибудь придумаю...

— Уже лучше, — одобрил посыльный. — Сообщу Старшему: просьба его принята во внимание...

Олег как-то интуитивно понял, что записку Лида получила не простую. Тем более что она уж очень внимательно посматривала в его сторону, будто хотела о чем-то спросить.

— У меня сегодня свободный вечер, — сказал он Лиде, когда та подошла к его столику.

— Ну и что? — Официантка охотно вступила в разговор.

— Давайте проведем его вместе, — предложил Олег и неожиданно даже для себя добавил: — В парке. Я там еще не был.

Вначале Лида отказалась наотрез и, кажется, испугалась.

— Я вас приглашаю в городской парк, просто погулять, — сделав ударение на местоимении «я», сказал Мостовой.

Пришла она точно в назначенное время. Очевидно, желая поразить заезжего журналиста, надела яркое, с огромными розами шелковое платье, в ушах у нее были массивные клипсы с длинными подвесками. Цыганские темные глаза ее искрились.

Парк был густой и старый. Только в центре его неугодные коммунальные руководители поставили киоски, лотки, гипсовые статуи: печальная в своем каменном уродстве девушка обнимает уродца лебедя. А окраины парка остались нетронутыми: там было тихо, остро пахла свежестью листва, яркими пятнами угадывались в темноте розы.

Олег заказал в парковом павильоне шашлыки, запили их густым, тягучим вином.

А потом ходили по аллеям и разговаривали. Собственно, говорила в основном Лида.

— Думаете, я из-за чаевых стала официанткой? И совсем не потому. От официантки знаете сколько много зависит? Придет, например, семья — муж, жена, дите — отдохнуть, поужинать, а ты им: «Граждане, с ребенком не положено». Вот и испорчено настроение на весь вечер. А им и невдомек, что это я сама придумала, будто в восемь вечера с детьми уже нельзя.

— Зачем же так?

— Пусть получают что заслужили. Вот пишут в газетах про хороших, добрых людей. А где они? Иной придет — бумажник карман оттопыривает — и думает, что все ему можно.

— Разные бывают люди, и добрые, и злые. Но честных, порядочных людей гораздо больше.

— Ой ли? Не потому ли вас принесло за тридцать земель искать, кто убил Умарову?

— Знаешь?

— Про это уже многие говорят. Город у нас небольшой, сразу все становится известным.

Они неторопливо шли по аллеям. Лида тихо, заметно волнуясь, сказала:

— Вы ведь сразу заметили, что побывала в колонии...

— Я человек опытный.

— Не только поэтому. На таких, как я, тюрьмы да колонии свою печать накладывают. Бывают такие дурочки зеленые, что хорохорятся: подумаешь, «пятерку» дадут, полсрока отбуду и выйду, зато сейчас погуляю. И не понимают, что это на всю жизнь остается с человеком, даже если и судимость с него спишут...

— Растрата?

— В общем, да. Если скажу, что ни за что сидела, — не поверите.

— Не поверю.

— Конечно, есть вот такие, как вы, — чистенькие да аккуратные. Все вам ясно и понятно: не воруй, работай честно, повышай свой идейный уровень. Можешь в драмкружок записаться или в хоре петь... А если притопает девочка из техникума — и сразу в лапы к опытному жулику? Ворюга такой — еще к копейке не притронулась, а уже на тебе тысяча рублей висит...

— Где он сейчас?

— Сухим из воды выполз, а мне — «пятерку» сбоку, и ваших нет.

— Здорово это у тебя получается!

— Что? — не поняла Лида. Она шла рядом с Олегом, под каблучками тихо поскрипывал гравий. Дорожки легли перед ними прямые и тихие — в это время парк уже опустел. Только однажды Олегу почудилось, будто в темноте мелькнула тень. Лида тоже насторожилась, обеспокоенно ускорила шаг.

— Жаргонными словечками так и сыплешь.

— Это я для смелости, — невесело улыбнулась девушка. — Иногда начнет подкатываться к тебе какой-нибудь типчик, а ты его как шуганешь словечком — отскакивает.

— Так что все-таки с твоим жуликом произошло?

— А ровно ничего. До сих пор ворует. В том «Гастрономе», что рядом с прокуратурой.

Олег вспомнил директора, так доброжелательно выделившего из своих «личных» запасов сигареты.

— Может, ты и продавщицу из бакалейного отдела знаешь? — спросил Олег, вспомнив молоденькую девушку, которая с испугом разглядывала его.

— Танька рыжая... Так мы ее зовем. Танечка Сорокина — очередная жертва. Один для нее выход — или, как я, годика на три в тюрьму, или воровать для директора. Уже прибегала, жаловалась, что растрата, а откуда, не поймет. Попалась, пташечка...

— И ты спокойно говоришь об этом? Почему не кричишь так, чтобы услышали, свели концы с концами? Или не веришь, что сила на стороне правды?

В голосе Олега ясно послышались злые, раздраженные нотки. Он, не замечая этого, ускорил шаг, пошел быстро и решительно. Теперь Лида почти бежала за ним. Она не обиделась на резкий тон, наоборот, доверчиво тронула за плечо.

— Погоди. Хороший ты парень, журналист. Потому и советую — уезжай. Не знаешь, с кем связался.

— Откуда взяла, что хороший? — все еще не остыв, спросил насмешливо Олег.

— Вижу. Ты ведь уже какой день в мое кафе ходишь. Срок вполне достаточный

— А теперь давай начистоту. Чувствую, ты кое-что знаешь из того, что меня интересует. Почему молчишь?

— Потому, что хочу жить спокойно. Теперь я учена — на голенький крючок не поймают.

— Ох, Лида, Лида! Косо как-то тебя обучили. Односторонне.

Олег замолчал надолго. Почему-то вспомнилась фотография Розы Умаровой — веселая, смешливая девочка-десятиклассница. Ей бы жить и жить. И тут же, наплывом, затеснились в памяти другие фотографии, из следственного дела: ров, искаженное от боли лицо.

Олег начал говорить о них, этих фотографиях, и уже не мог остановиться — они стояли перед глазами.

Он не думал о том, слушает его или нет Лида, ему это надо было рассказать: может быть, стало бы легче.

Лида слушала.

— Кем могла бы стать эта девочка? Учительницей, врачом, ткачихой, поэтессой? Может быть, просто хорошим человеком? Я читал ее школьное сочинение. Задали им такую тему: «Кем быть или каким быть?» Роза писала о том, что самое главное в жизни — это быть честным, порядочным человеком. Сочинение восторженное и наивное, все в восклицательных знаках. Знаете, что в нем было

главное? За каждой строчкой угадывалось ожидание счастья...

— Когда-то и я была такой, — как о чем-то далеком, давно ушедшем, сказала Лида.

— А потом попала в сети к ворюге? И смолчала? Или испугалась? — Олег не скрывал пренебрежения.

— С волком судиться...

— А ты подумала о том, что он еще чью-то молодость губит? Ведь и сегодня трудится на ниве торговли...

— Процветает...

— Вот-вот. Представляешь, сколько бы человеческих трагедий можно было бы предупредить, если бы исчезло из нашей жизни равнодушные, удалось выкорчевать эту дурацкую психологию: «моя хата с краю»?

— Так не бывает. В жизни ведь все проще: кого с ног сбили, тому уже не встать. — Лида сказала это так убежденно, что Олег остановился, всмотрелся в ее лицо.

— Ну, что смотрите? Или не так?

— Но ведь ты же встала?

— Нет...

Тускло мерцали дальние фонари. Они повисли над неподвижной зеленью парка матовыми шарами, и свет их — бледный, безжизненный — резко оттенял тишину и безлюдность. В дальнем конце аллеи показались трое.

— Нет! — почти крикнула Лида. — Ты меня, журналист, не так понял. Не ворую, хотя могла бы. Но нет у меня уверенности в себе, и боюсь, что жизнь опять меня ломает. А теперь скажу самое главное. Я знаю, кто тебе записку написал...

Краем глаза Олег заметил, как раздвинулся ближний куст и оттуда кто-то выглянул...

— Продаешь? — сипло спросили совсем рядом, и Олег увидел, как через аллею к ним метнулись три тени. Он успел чуть двинуть корпус вперед и встретить первую «тень» прямым ударом левой, когда почувствовал, что земля вырвалась из-под ног и скользнула в сторону. Еще услышал, как громко крикнула Лида и кто-то сказал: «Время поспело...»

КОМАНДИР ОПЕРАТИВНОГО ОТРЯДА

Равиль танцевал самозабвенно. В строгом темном костюме, гибкий, темпераментный, он, как сказала Танечка Славина, был неотразим. За много дней впервые у Равиля выдался свободный вечер — ни рейдов, ни патрулирования. И впервые Танечка Славина согласилась пойти с ним на танцы.

Плыли над парком томные вальсы, звонко гремели фоксы — Равиль был в своей стихии.

Танечка работала лаборанткой в том же институте, что и Равиль. Старшие и младшие научные сотрудники заваливали ее стол букетами роз и шоколадными наборами за три двадцать. Но пока еще никто не мог небрежно, в мимо-

летном разговоре, сказать толпе соискателей прелестной ручьи Тани, что был с нею на танцах.

Каримов не поверил своему счастью, когда она сказала: «хорошо». Надежда фитопатологии робко уточнил:

— Значит, мне брать билеты?

— При одном условии: ты весь вечер будешь со мной. Забудешь про свои рейды, не будешь вязываться в драки, наводишь порядок и митинговать на танцплощадке, если тебе не понравится, как кто-то танцует.

— Клянусь! — торжественно пообещал Равиль и заторопился в горком комсомола, чтобы проинструктировать своего заместителя по отряду: любовь любовью, а дело делом.

Он нарушил свое обещание только один раз. Когда объявили дамский вальс, робкая девочка из вчерашних десятиклассниц опередила Танечку и, заикаясь, пригласила: «Если не возражаете, товарищ Каримов...» Танечка фыркнула и милостиво разрешила: «Потанцуй, Равиль, я устала».

Танцплощадка была обнесена высокой решеткой, за ней толпились любопытствующие и те, кому не достались билеты. Когда Равиль кружил свою партнершу в вальсе, он увидел за решеткой парня, показавшегося знакомым. Каримов присмотрелся: так и есть, Сяня Коза, приходилось встречаться в штабе отряда. Вряд ли эти встречи оставили у Козы приятные воспоминания. Козлов, он же Сяня Коза, был доставлен комсомольским патрулем за драку у кинотеатра. Сейчас Козлов делал Равилю какие-то таинственные знаки.

— Выдь на минутку, дело есть.

Равиль извинился перед вчерашней десятиклассницей и, лавируя между парами, протиснулся к выходу. Он надеялся, что успеет переговорить с Сяней Козой до конца танца и Танечка не заметит его исчезновения.

Против ожидания встретились как старые приятели.

— Спасибо тебе, — мрачновато пробасил Козлов.

— За что? — искренне удивился Равиль.

— Ну, помнишь, после того случая ты звонил на завод, чтобы на работу меня взяли? Думал, дело тухлое, с моей автобиографией только на таком передовом предприятии и трудиться... А они взяли... Слесарь я, — с гордостью сообщил он Каримову.

Так оно и было. На следующий день после «привода» Козлова в штаб отряда Каримов вызвал его снова, при нем звонил на завод и уговорил начальника отдела кадров принять на работу — «под мою личную ответственность» — Семена Ивановича Козлова, ранее не работавшего «по семейным обстоятельствам». Чисто интуитивно он тогда угадал, что парню надо помочь делом, а не «индивидуальной беседой».

— Рад за тебя, — Равиль отыскивал взглядом Танечку.

— Слушай, Ученый, тут такой случай. Значит, подходит ко мне один и чешет: «Хочешь червонец оторвать?» А я ему: «Кто не хочет?»

Сяня Козлов изъяснялся медленно, цедил слова так, будто воз тащил в гору.

— Ну и что? — Каримов не особенно вдумывался в то, что говорил Козлов. Вальс заканчивался, пары неторопливо освобождали середину площадки, рассредоточивались по углам. Танечка обеспокоенно посматривала по сторонам.

— Значит, показывает он мне их: парень в очках и девчонка, как раз по аллее проходили. Вот их, значит, говорит, и надо обработать по первое число.

— Давай сначала, — насторожился Равиль. — Что за парень?

— Не знаю я его. Тот, который предлагал, значит, объяснил, что журналист приезжий, дружков у него нету, и червонец можно поэтому получить без особого шума. А девчонку знаю. Лидка — официантка из кафе, что в гостинице... Записку ей прислали, чтоб пришла, потому как поговорить надо. А очкарик за ней увязался. Тот мужик, который «дело» предлагает, обрадовался, говорит, и не ожидал, что так подфартит — сразу двое приперлись.

— Любопытно, — Равиль теперь уже внимательно слушал Козлова.

— Отказался я, значит, а он мне говорит: «Идиот, тот человек, который за это дело платит, может, еще бы по червонцу отвалил. Уж очень ему приспичило».

Равиль с тоской подумал, что вот был свободный вечер — и нет его. Танечка, конечно, смертельно обидится и будет, безусловно, права. Все-таки надо было по совету докторов взяться за выпуск стенгазет — все спокойнее...

— Тебе известно, кто подговаривает избить журналиста и для чего?

— Нет. Раз, значит, не сговорились, тот и отвалил.

— А с какой стати он обратился именно к тебе?

— Были у нас кое-какие совместные дела. В далеком прошлом, — неохотно уточнил Сяня.

Равиль озабоченно улыбнулся: очень хорошо, что Сяня считает свои недавние стычки с общественным порядком «далеким прошлым».

Танечка направилась к выходу. Даже отсюда, издали, Равиль угадывал, что она всерьез осерчала и его шансы равны нулю. «Ваши акции упали», — так сказал бы его близкий приятель старший научный сотрудник Игорь Тропинин.

Сяня выжидающе уставился на Равиля. Он долго размышлял, прежде чем решился изложить Ученому неожиданное предложение. По всем статьям выходило, что он «закладывает своих». Этого Сяня не любил. Но с другой стороны, чего они взъелись на журналиста? Добро бы из-за девчонки или из-за «неуважения», а то за червонец... Этого Сяня тоже не любил. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что парень, обратившийся к Сяне с «делом», был из той мелкой, пестрой накипи, которая портит людям настроение на танцплощадках и у отдаленных от центра домов культуры. Таких Сяня презирал. И вообще, ему очень нравилось, что теперь, когда он приходил с работы, мать встречала его ласково: «Устал небось, Сенечка?», а отец за ужином уважительно уступал место рядом с собой

во главе стола. А все Ученый — не нудил, не зудел, а взял да и помог. Равиля Сяня уважал. Весь этот сложный комплекс чувств в конце концов и побудил Семёна Козлова рассказать Равилю о готовящемся избиении.

— Ты видел, куда они пошли? — спросил Равиль.

Сяня махнул рукой в сторону дальней, затемненной части парка.

— Как думаешь, найдет твой приятель «чернорабочих», чтобы выколлотить свои червонцы?

— Угу. Я видел, он уже сторговался с двумя из местной шпаны.

— Черт, и никого из наших нет. Как назло, решили сегодня здесь не патрулировать. — Равиль торопливо шарил взглядом по толпе, надеясь, что кто-нибудь из дружинников все-таки пришел в парк.

— Считаю меня на сегодня своим, — мрачно пробасил Сяня. — Если, конечно, доверяешь. — Парень стеснительно топтался рядом с Каримовым. Он понимал, что наступает еще один решительный поворот в его жизни, хотел его и в то же время опасался: такое чувство у него уже было однажды, когда на спор с приятелями взялся переплывать озеро, не зная, дотянет ли до далекого берега.

— Спасибо, — просто сказал Равиль. — Но двое — мало.

— Где двое, третий найдется, — повеселел Сяня. — У меня здесь дружок с завода. Значит, не думай ничего такого — его фотопортрет красуется на Доске почета. Пусть помашет кулаками...

— Пошли, — скомандовал Равиль.

Дружок оказался под стать Козлову — такой же широкоплечий и мрачноватый. Каримов предупредил парней, что ввязываться в драку можно только в крайнем случае — когда не будет иного выхода. А так желательно обойтись, как он деликатно выразился, профилактическими мерами.

— Значит, бить не очень сильно, — по-своему истолковал непонятное слово Сяня.

Однако все получилось по-иному. Им пришлось поблуждать по темным аллеям, прежде чем разыскали журналиста и Лиду. И когда наконец, наткнулись на мирно беседующую парочку, сразу увидели — к ним бегут трое. Они тоже побежали, и Сяня, бывавший в драках и почище этой, на ходу предупредил Равиля: «У длинного — нож!» Равиль тоже увидел узкую полоску стали в правой руке длинного парня и бросился к нему. Журналист, успевший сбить одного из нападавших прямым ударом в челюсть, оседал на землю, нелепо хватая воздух руками — видимо, его оглушили. Девушка рванулась к журналисту и на мгновение оказалась между Равилем и длинным парнем — Равилю пришлось резко толкнуть ее в сторону, чтобы добраться до длинного, уже поднявшего руку. Счет шел на секунды, Каримов это понимал и потому не стал готовиться к удару, а просто с ходу протаранил корпусом длинного. Они покатались по земле, и уже тогда Равиль, изловчившись, зажал руку с ножом четким, отработанным приемом. У Сяни и его дружка обстановка была поспокойнее, они легко, не без левого изящества, заставили «своих» хулиганов — один из них едва успел прийти в себя после удара Олега — растянуться на дорожке аллеи. Сяня подскочил к Равилю и вывал нож у длинного.

Против ожидания девчонка не хныкала, она весьма деловито помогала журналисту, пришедшему в себя, подняться на ноги.

— Спасибо, Каримов, — растерянно поблагодарил Олег командира оперативного отряда, с которым встречался в горькоме и у Тахирова. — Уж очень неожиданно они налетели — сам бы не справился. — Он кивнул на Сяню и его дружка: — Твои ребята, из отряда?

— Ага... — Равиль пытался хоть немного привести в порядок одежду. Необходимость появиться на людях в мятом, испачканном землей костюме его очень смущала. — Мои. Новички, сегодня только вступили в отряд.

Сяня смущенно хмыкнул и деловито посоветовал Лиде:

— Глянь, кажется, твоего приятеля по черепушке зацепили.

Равиль повернулся к хулиганам.

— Комсомольский патруль, — представился вежливо. — Прошу следовать за нами.

— А иди ты... — грязно выругался длинный.

— Вставай, ханурик, — грозно помрачнел Сяня. — И топай, иначе будешь иметь дело с рабочим классом, — он гордо ткнул пальцем в себя и своего друга.

СЛЕДОВАТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ

— Какого дьявола они к тебе прицепились? — Тахиров был явно расстроен тем, что произошло в парке.

— Не представляю, — Олег пожал плечами. — Может, просто авторы анонимки решили осуществить свою угрозу?

— Не знаю, — Тахиров нервно расхаживал по кабинету. — Думаю, и записка, и драка в парке как-то связаны с делом Умаровой. Случайности такого рода исключены. Буду докладывать по начальству.

— Надо ли? — засомневался Олег. — Мало ли бывает обычных, заурядных драк? Честно говоря, мне совсем не хочется привлекать внимание к своей персоне.

— Началось, — безнадежно махнул рукой Тахиров. — Пойми, если у нас будут избивать представителей прессы, что тогда получится? Нет, дорогой товарищ. Я займусь этим делом и выведу подлецов на чистую воду. А то заладили: «Девчонку не поделили... Лидка, мол, и нашим и вашим...» И правда, репутация у этой официантки не очень чтоб очень...

— Признались, кто им червонцы совал?

— Что ты... Строят невинные глазки и врут, что все дело в официантке: мол, она обещала свою благосклонность им, а пришла с тобой...

— А что Лида?

— Утверждает, что не знает причины драки.

— Ну-ну... — неопределенно пробормотал Олег.

— Значит, решено. — Тахиров степенно сел в свое кресло у письменного стола, как бы подчеркивая официальность того, что будет сказано дальше. — Этим делом я займусь параллельно с нашим основным. А теперь вот почитай эти две телеграммы, они пришли на твое имя в горком комсомола.

Послание редактора газеты было весьма категоричным: «Связи неотложными делами просьба немедленно возвратиться редакцию».

Олег с досадой вспомнил, что так и не удосужился сообщить в редакцию, как идут дела.

Он так и сяк повертел в руках телеграфный бланк, потом сунул его в карман пиджака.

Текст второй телеграммы он перечитал несколько раз: «Люблю, целую, жду, приезжай поскорее. Алла».

— Жена? — спросил Тахиров.

— Невеста, — ответил Олег и вдруг понял, что невестой Аллу назвал в первый раз. — Невеста, — повторил тихо.

— Счастливый, — завистливо вздохнул Тахиров. — А мне, наверное, за всем этим, — он кивнул на серые папки с броским словом «Дело №...» — и жениться будет некогда.

Он мгновение помолчал и напрямик поинтересовался:

— Уезжаешь?

— Нет.

— Упрямый. Это хорошо. А то, чего скрывать, многие считают, что журналисты — народ поверхностный: приехал, повертелся, фактики накопал, статейку настрочил, и хоть трава не расти...

— Бывают, к сожалению, и такие, — нехотя признал Мостовой. Телеграмму Алки он все еще держал в руках — спрятать ее было жаль. — Что же, перейдем к делу.

Оказалось, что Тахиров времени не терял. Он еще раз критически-беспоощадно проанализировал все материалы следствия. Вчера вечером, когда Олег был в парке, повторил следственный эксперимент с велосипедным маршрутом. На этот раз за рулем сидел парень одного возраста с Рыжковым и примерно одинакового умения в обращении с этим видом транспорта. Расстояние от дома Рыжковых до парка он одолел за пятьдесят минут. Работники ОРУДа помогли следователю создать на улицах, по которым ехал велосипедист, такое же интенсивное движение, какое было в ночь на второе мая.

— Получается разница в пятнадцать минут. И то если Рыжков вовремя выехал из дому. В любом случае он очень сильно опоздал на свидание. Роза его могла не дожидаться. А ей необходимо было быть на кладбище в полночь, помнишь, я тебе говорил, что выяснил, о каких «теньях» идет речь?

— Извини, не обратил внимания...

— Другая подруга Розы, не та, которую Рыжков просил вызвать Умарову на улицу, назвала причину ссоры. Дело в том, что в их классе была девочка из верующей семьи. Дома ей говорили, что в пасхальную ночь (а первого мая, заметь, в этом году была пасха) ровно в двенадцать часов из могил поднимаются тени умерших. Девочка это рассказала в классе. Конечно, над ней посмеялись и сказали, что все это чепуха. Но девочка твердила свое, начала рассказывать «жуткие» истории, слышанные от богомольных родителей. Особенно азартно спорила с нею Роза, комсорг класса. И в доказательство своей правоты заявила, что ровно в полночь она будет на старом кладбище — пусть, мол, все убедятся, что никаких «теней» не существует. Можно предположить, что было дальше. Естественно, родители не отпустили бы Розу в такой «поход», и она скрыла от них, что надумала провести рискованный опыт, сделала вид, что легла спать, а когда в доме все успокоилось, тихонько ушла. Наверное, она боялась идти на кладбище и просила, чтобы Рыжков был с нею. Вначале тот наотрез отказался. А потом написал свою записку. Только решил попугать девчушку и назначил свидание в самом дальнем глухом углу кладбища. А ей вдобавок ко всему обязательно требовался свидетель...

— Все это доказано? — спросил Мостовой. Он чертил на листке бумаги — чисто машинально — кресты: один, два, пять, семь — много крестов, они черными пауками ползли по белому листу.

— Во всяком случае, то, что такой разговор был и Роза пообещала поехать на кладбище. Это подтверждают и другие одноклассники Умаровой.

— Так встретился Рыжков с Розой или нет? Был ли он рядом в те минуты, когда совершалось преступление?

— Теперь не знаю. Ясно только, что он опоздал. — Тахиров тяжело вздохнул. — Она могла его не ждать так долго.

— И это при условии, что девочке нужен был обязательно свидетель ее полуночной экскурсии? Да и вряд ли она сама рискнула бы отправиться на кладбище...

— Я тоже так думаю. Но именно в это время что-то произошло такое, чего мы не знаем.

Тахиров с досадой поморщился:

— Понимаешь, третий все-таки был. Рюмкин и Сычов могли, конечно, толкнуть следствие на неправильный путь, подсунуть липовую версию. Но и для нее должен был бы быть какой-то толчок, зацепка.

Олег не торопил следователя, видел: тот не просто с ним разговаривает — размышляет вслух, вновь и вновь проверяет какие-то свои мысли, неясные пока выводы. Спросил:

— Откуда мог взяться этот третий?

— Ну, здесь вариантов много. Встретила знакомого, когда не дождалась Рыжкова... С кем-то заранее уговорилась об этом, чтобы его позлить... Кто-то за ней увязался... Мало ли что могло там произойти.

— Но в записке Рыжкова ясно говорится о том, что свидание состоится на дальнем холме...

— Да. Но факт остается фактом: Умарова пришла к входу.

Тахиров сосредоточенно просматривал записи в толстом потрепанном блокноте. Он, видимо, хотел еще что-то сказать, но сомневался, стоит ли. Наконец решился.

— Я установил, что совершил непростительную ошибку...

— Ты? — искренне удивился Мостовой.

— Что поделаешь... — Тахиров был очень огорчен, это было видно по тому, как опустил он глаза, чуть расслабленно положил руки на стол. Олег хорошо понимал, что для такого признания требовались и мужество и принципиальность. Тем более что сделано оно было журналисту, приехавшему специально по этому делу.

— Если не секрет, в чем состояла эта ошибка? — Олег спросил мягко, стараясь хотя бы тоном подчеркнуть, что ценит доверие.

— Когда арестовали Рюмкина и Сычова, было проведено опознание предполагаемого соучастника преступления — Рыжкова. Ты знаешь, как это делается: из нескольких человек, которые предъявляются для опознания, они должны указать на того, кого знают, и сообщить о нем все, что им известно. Мы предъявили Рюмкину и Сычову десяток фотографий, среди них и Рыжкова. Оба указали именно на него...

— Я видел в деле эти фотографии, читал протокол, он меня, признаться, убедил.

— Потому что ты не знаешь главного. Эти фотографии мы взяли из нашей картотеки: мелкие кражи, хулиганство и так далее. И вот только вчера я сообразил, что вся эта публика могла быть знакома Рюмкину и Сычову по каким-нибудь прошлым мелким делишкам. Ведь оба ранее привлекались к судебной ответственности. Понимаешь?

— Кажется, да, — протянул Олег. — Они указали на единственного неизвестного им парня...

Тахиров промолчал. Да и о чем, собственно, было говорить? Его признание ставило под сомнение одну из самых веских улик, которыми оперировало следствие, доказательство, которое раньше не вызывало никаких сомнений

— Одним словом, кое-что придется начинать сначала, — заключил следователь.

— Только не пори горячку. Можно впасть в другую крайность, — предостерег Мостовой.

Тахиров порывисто встал, протянул руку Олегу.

— Спасибо.

— Ты чего? — удивился журналист.

— Я думал, ты будешь злорадствовать. Ты ведь приехал доказать, что я, следователь, ошибся...

— Чепуха, — рассердился Олег. — Я приехал, чтобы узнать, кто действительно виноват в происшедшей трагедии. И если хочешь знать мое мнение, то скажу: еще не все виновные признаны к ответу.

— То есть? — пришла очередь удивляться следователю.

— Сычов учился в профтехучилище. У него был мастер, воспитатель, в училище есть комсомольская организация. Что, Сычов был пай-мальчиком, а преступление совершил вдруг, внезапно? Ничего подобного. Ты сам доказал, что он уже давно вращался в такой среде, которая исподволь, всяма последовательно «воспитывала» у него готовность к преступлению. Как-то мне пришлось в связи с одним материалом для газеты познакомиться с тем, как уголовники занимаются воспитанием себе подобных. Я даже ввел в очерк такой термин: «уголовная педагогика». И если парень пошел по скользкой тропе, значит уголовная педагогика оказалась сильнее тех усилий, которые прилагали мы.

Теперь дальше. Рюмкин работал каменщиком в строительном-монтажном управлении. Что, там не знали его склонностей, не замечали, что пьет, лодырничает, прогуливает, тащит все, что под руку попадет? А СМУ, между прочим, передовое, знамя за квартал им вручили... А отсюда за этот же квартал, — Олег заглянул в блокнот, — уволилось сто двадцать шесть молодых рабочих. Как же так получилось, что за кирпичами людей не увидели?

Тахиров знал, что последние два дня Мостовой провел в профтехучилище и на площадках строительного-монтажного управления. Из этих двух организаций в горком комсомола раздались обеспокоенные звонки. Руководители выражали свое удивление по поводу методов, которыми работает молодежный журналист. Всегда было так: приходит, к примеру, в СМУ журналист, первым делом — к начальнику. Ему быстренько готовят «фактический материал» — цифры по плану, фамилии передовиков, перечень мероприятий, итоги соревнования. Потом, если он выражает такое пожелание, приглашают в управление лучших людей. А этот, Мостовой,

миновал руководство, бродит по стройке, о чем-то беседует с рабочими. И не только с лучшими. Забрел в общежитие, присидел весь вечер в одной из комнат, комендант сообщает, что о чем-то там спорили, но конкретно сказать ничего не может, так как его туда жильцы не допустили. «Печать — наша опора, — восклицал руководитель СМУ, — но почему печать поворачивается к нам боком?»

Тахиров вспомнил эти звонки, о которых ему рассказал секретарь горкома, и внутренне улыбнулся: беспокойно, наверное, спится в эти дни темпераментному начальнику СМУ: с таким парнем, как этот Мостовой, не заскучаешь.

— Мне казалось, — говорил между тем Олег, — что совершенное в городе преступление должно было бы послужить тревожным сигналом: все ли в порядке с воспитательной работой среди молодежи? Где узкие места, которые необходимо немедленно ликвидировать? Почему в данном конкретном случае восторжествовала не наша, комсомольская, а уголовная педагогика? Слишком остро ставлю вопрос? Может быть, но меня заставляют именно так его ставить конкретные обстоятельства...

Следователь не мог не согласиться с Мостовым. Он в свое время предлагал и сам, чтобы бюро горкома сделало решительные выводы из скрупулезно подобранных им материалов о тех предпосылках, которые привели к преступлению. Но секретарь горкома засомневался: стоит ли поднимать шум в связи с одним фактом, пусть чрезвычайным? И Тахиров отступил, не настоял на своем мнении. А теперь жалел об этом. Он решительно поддержал Олега: выводы будут сделаны.

Тахиров посмотрел на часы:

— А сейчас, если хочешь, можешь присутствовать при одном разговоре.

Олег согласился, и Тахиров подумал, что не такая уж это плохая привычка — во время разговора смотреть прямо в глаза собеседнику.

ЭКСПЕРТ

В кабинет следователя вошел чистенький, аккуратный старичок. Был он невысокого роста, очень бодрый, подвижный. Когда-то голубые глаза его выцвели от времени и напоминали две светлые капли. Годы густо посеребрили коротко стриженную голову. Старик напоминал провинциального учителя, и первые слова, которые он произнес, усиливали это сходство.

— Здравствуйте, здравствуйте, уважаемые! Не вставайте, сегодня очень жарко, обойдемся без церемоний.

— Мне, право, страшно неудобно, что вам самому пришлось сюда приезжать, — Тахиров явно радовался этому визиту. — Стоило только позвонить...

— Мне приятно побывать у вас, — энергично запротестовал старичок, — тем более что дело вы ведете по-настоящему интересное.

Следователь представил старика и журналиста друг другу:

— Профессор Ниязов. А это товарищ Мостовой, о нем я вам рассказывал.

— Помню, как же, помню, — кивнул профессор. — Весьма рад познакомиться с наблюдательным молодым человеком. Ну-с, не будем терять время, уважаемые, сегодня очень жарко, и лучше всего сейчас быть не в этой раскаленной печке, именуемой городом, а на даче.

Профессор раскрыл потертую кожаную папку, извлек оттуда вдоль и поперек исчерканные листки бумаги.

— Очень сожалею, уважаемый товарищ Тахиров, что во время следствия меня не было в городе. Тогда бы моя помощь была более своевременной. Дело вам попало трудное и каверзное. Не привык лукавить и потому сразу скажу, что местами вы вели его, как бы это выразиться поделикатнее, не блестяще. Хотя, несомненно, кое в чем и преуспели. Как ваш учитель, второму обстоятельству рад, в связи с первым — скорблю и тревожусь...

Теперь Мостовой знал, кто нанес визит следователю. Профессор Ниязов был известным психологом, профессором института.

— Но надо признать, что вам попался такой орешек, который трудно было бы разгрызть даже более опытному человеку. Если не ошибаюсь, это ваше первое самостоятельное дело?

Профессор сыпал словами и в то же время успевал бегло просматривать свои записи, чтобы перейти к деловой части разговора. Мостовому он определенно понравился: была в старике та уверенность, которая покоится на огромных знаниях, опыте, многолетней практике.

— Я внимательно изучил протоколы допросов вашего подследственного и другие документы, приобщенные к делу. Пока могу высказать только первые впечатления и предварительные выводы. То, что я скажу, уважаемые, необходимо будет еще подтверждать, да, да, подтверждать — ра-

бота предстоит большая. Но уже сейчас могу высказать мнение, что, э-э-э... — профессор заглянул в листок... — Рыжков в момент ареста и первоначальной экспертизы был психически здоров и мог предстать перед судом. То есть отклонений от нормы у него не было. Но...

Тахиров и Мостовой слушали профессора. То, что он собирался сказать, имело необычайно важное значение. Авторитет Ниязова был непререкаем, и вряд ли бы нашелся специалист, который стал бы оспаривать его выводы.

— ...Но молодой человек, о котором идет речь, был под сильнейшим впечатлением происшедших событий. Если судить по данным экспертиз, произведенных в ходе следствия моими коллегами, он не относится к числу сильных, волевых натур. Скорее наоборот. Смерть любимой девушки — внезапная и трагическая — потрясла его, ослабила волю. Я убежден, что, будь у него под руками нож, веревка, пистолет или что-нибудь в этом роде, он попытался бы покончить с собой

— Угрызения совести? — спросил тихо следователь.

— Не уверен, не уверен, — профессор скептически пожевал губами. — Возможно, было и это. Когда я еще встречусь с этим, э-э...

— Рыжковым, — подсказал Мостовой.

— Вот именно, Рыжковым, — профессор легким наклоном головы поблагодарил журналиста, — я смогу сказать более точно. Нужны обследования, наблюдения, ну и все остальное, что в таких случаях полагается. Но тем не менее могу с уверенностью утверждать, что Рыжков находится в депрессивном состоянии. Вспомните то, чему вас учили в университете... В основе депрессивного состояния лежит длительное преобладание тормозного процесса над процессом возбуждения, нарушение равновесия между ними. Очевидно, при тяжелых депрессивных состояниях речь идет о преобладании торможения, которое может распространяться на первую и вторую сигнальные системы, захватывая и подкорковые области, связанные с инстинктивной деятельностью...

Профессор говорил увлеченно, темпераментно, и Мостовой подумал, что студенты должны очень его любить, — вкладывает душу в свои лекции. Из его слов выходило, что люди, находящиеся в депрессивном состоянии, убеждены, что жизнь их бесполезна, что они виноваты перед близкими, что совершили тяжелые проступки и навлекли горе на других. Приступы тоски часто перерастают в стремление к самоубийству.

— У депрессивных больных, — продолжал профессор, — могут быть самооговоры, которые часто встречаются при наличии идей самообвинения. Иногда депрессивные больные склонны к диссимуляции своего состояния, чтобы отвлечь внимание окружающих лиц и совершить самоубийство. Указанные явления в значительной степени затрудняют оценку психического состояния больных.

Олег дал себе слово по возвращении домой серьезно заняться изучением психологии.

Ниязов назидательно поднял палец:

— Восемнадцать — опасный возраст. Некоторые мои коллеги всерьез убеждены, что перелом наступает где-то между детством и отрочеством. Ошибаются, очень ошибаются, уверяю вас. Тринадцать-пятнадцать — счастливая пора... — Профессор все более увлекался. — Подросток уверен в своих силах, мир ему кажется простым и ясным, серьезных поводов для разочарований пока не было. Зато время вступления в самостоятельную жизнь связано с коренной ломкой, с углубленным самоанализом, с трудностями, с ревизией своего «я». Повышенная возбудимость, эмоциональная восприимчивость...

— И Рыжков... — не очень вежливо перебил профессора Тахиров.

— Да, да, он, уважаемый, находился именно в такой стадии физиологического и психического развития. А тут еще сильнейший, всеограшающий удар...

— И вы думаете...

— Именно, уважаемый, именно! Я предполагаю, что он пытается покончить с собой вашими руками. Но поскольку вы не вели к этому дело, он стал упорно себя оговаривать.

И профессор Ниязов, оперируя специальной терминологией, ссылаясь на данные экспертиз, на авторитеты и прецеденты в судебно-медицинской практике, начал подробно объяснять.

Тахиров время от времени задавал вопросы, уточнял детали, сомневался, приводил контраргументы. Мостовому не все было ясно в этой профессиональной дискуссии. Однако главное, то, что профессор ставил под сомнение виновность Рыжкова, — это главное было очевидно.

Совместная работа сблизила Мостового с Тахировым. То внутреннее, невысказанное предубеждение против следователя, с которым журналист впервые зашел в этот кабинет, почти исчезло. Теперь, пожалуй, пора было думать о материале для газеты. Вдруг Мостовой насторожился: Ниязов в разговоре коснулся еще одной стороны следственного дела.

— Вы обратили внимание, уважаемый, на поведение Рюмкина и Сычова? Да, да, они были уличены, но опыт подсказывает, что преступники обычно яростно встают и против очевидного, сопротивляются, когда и сами понимают, что это бесполезно. Заметили ли, как они упорно выпячивали те детали, которые свидетельствовали, что они были только вдвоем?

Мостовому стало жаль Тахирова. Глаза следователя как зеркало отразили смятение, охватившее его.

— Я думал об этом, — сказал Тахиров.

— В таком случае подумайте еще раз, — посоветовал профессор. — Многие предполагают, что психология — наука настолько абстрактная, что в ней якобы доминируют субъективные выводы, которые можно толковать так, но можно и иначе. Уверяю вас, психология так же точна, как матема-

тика. С небольшой поправкой, — довольно едко сказал Ниязов. — Математика оперирует цифрами, психология имеет дело с личностью.

Профессор пообещал еще раз очень внимательно изучить все дело, чтобы изложить свои выводы в официальном заключении.

— Извините меня, — Тахиров сердечно пожал руку профессору. — Я знаю, вы в отпуске, и потому не обратился сразу. Думал, справлюсь своими силами. И вижу, что поступил самонадеянно...

— Не надо, — прервал Ниязов. — Такое самобичевание ни к чему.

Неожиданно добродушно профессор сказал:

— Из вас получится хороший следователь. Вы не из породы равнодушных.

Когда Ниязов ушел, Олег спросил у следователя:

— Слушай, а это «депрессивное состояние» излечимо?

— Конечно. Постельный режим, правильное питание, гидротерапия, физические методы лечения и так далее. Это дело врачей и времени... Но ведь кто-то был с Розой на кладбище? Кто?

СТАРУХА

На кладбище был кто-то другой! Несколько дней назад это предположение впервые было подтверждено показаниями старухи пассажирки. Теперь ее свидетельство подкреплялось результатами эксперимента с велосипедом и мнением известного психолога.

...Старуха, которая побывала у следователя в связи с объявлениями в автобусе, твердо заявила, что среди показанных ей следователем людей нет того парня, что ехал с девушкой в автобусе.

— А вы не ошибаетесь?

Старушка покачала головой.

— Истинная правда. Старая, чтобы лицемерить. И никогда душой не кривила. Как услышала, что шофер в этот микрофон говорит, так и подумала сразу: «А ить, ты, Авдотья Петровна, видела эту молодую пару». Приехала домой, внучке рассказала. А она у меня из комсомолок, на фабрике текстильной работает. Внучка-то и заставила к вам ехать, до милиции провела и все говорила: «Идите, бабушка, к следователю, потому что дело важное».

Старушка припомнила подробности. По ее словам выходило, что парень и девушка доехали до кладбища и вместе вышли из автобуса. Настроение у девушки было не очень веселое: «Все в окошко автобуса поглядывала, будто высматривала кого-то».

Старуха довольно подробно описала внешность парня: высокий, лет двадцати пяти, русоволосый, одет был в темные брюки и спортивный пиджак, лицо светлое и худое.

Показания были запротоколированы и стали официальным документом следствия.

РЕДАКТОР

Олег уже спал, когда раздался резкий, прерывистый телефонный звонок. Вызывала междугородная.

— Просыпайся, — бодро сказал редактор. — Днем тебя заставить невозможно, да и вечерами ты где-то гуляешь.

— Бывает, — еще не совсем проснувшись, машинально ответил Олег. За окном была темень, широкая площадь перед гостиницей лежала тихо и пустынно.

— Ты почему не возвратился в связи со срочным вызовом? — строго спросил редактор. — Кто дал право нарушать дисциплину?

Олег молча поспеел в трубку.

— Безмолвствуешь? Хорош, нечего сказать, а еще член редколлегии.

— А я, может, заболел, — нехотя пробормотал Мостовой. — У меня грипп и температура тридцать девять.

Обманывать редактора не хотелось.

— Врешь, — весело сказал редактор. — Больные по паркам не ходят, драк не устраивают.

Сон как рукой сняло. То, что сказал редактор, было настолько неожиданно, что Мостовой удивленно уставился на телефонную трубку: может, она еще выплюнет какую-нибудь гадость?

— Твоя Алка каждый день звонит по три раза — когда возвратишься, а ты с местной нимфой из кафетерия вечера коротаешь? — не дождавшись ответа, продолжал обличать редактор.

— Ты всерьез или издеваешься? — наконец выдавил из себя Мостовой. Он нащупал на ночном столике сигареты, щелкнул зажигалкой. Бледный огонек вырвал из темноты заурядную обстановку гостиничного номера: столик, ширпотребовский шкаф, натюрморт на стене — багровый арбуз, виноград, узкогорлая бутылка.

— Насчет того, что Алка звонит, — всерьез, а по поводу остального давай объясняйся.

— Ничего не буду объяснять! — заорал Олег. — Нещешь какую-то ересь!

— Гулял в парке с известной официанткой Лидой? Дрался? — наседали редактор.

— Все было совсем по-другому.

— Не сомневаюсь. Но было.

— Черт бы тебя забрал с твоими подозрениями! — Олегу окончательно изменила выдержка.

— Ну, действительно, хватит шутить, — голос редактора был строгим. — Сейчас я тебе все объясню... Тут на тебя «телега» прикатила...

Несколько дней назад в редакцию пришло письмо. «Доброжелатель», пожелавший остаться неизвестным, посчитал своим гражданским долгом информировать главного редактора уважаемой молодежной газеты о недостойном, аморальном поведении журналиста Мостового в командировке. Журналист Мостовой встречается с особой подозрительно-го поведения, официанткой Лидой, только недавно отбывшей срок за хищение социалистического имущества. Он также затеял безобразную драку с друзьями Лиды, о которой сейчас говорит весь город, поскольку произошла драка в общественном месте, а журналист был в нетрезвом состоянии и его уводили под руки — самостоятельно передвигаться не мог. Неизвестный «доброжелатель» заканчивал письмо патетически: «Все знают, как высока роль печати в нашем обществе. И нам, рядовым гражданам, очень больно и горько, что находятся отдельные личности, которые, прикрываясь высоким званием журналиста, совершают вопиющие безобразия и даже противозаконные действия. Надеемся, что меры будут приняты безотлагательно и распоясавшийся «журналист» будет призван к строгому ответу».

— Вот так, старик, — заключил редактор. — Давно мы не получали такого веселого послания.

— Что ты решил? — спросил Олег. Ему показалось, что редактор его не услышит: голос звучал тихо и хрипло, как чужой, и он повторил: — Что решил?

— Да ты успокойся, — сочувственно сказал редактор. — Решили очень просто: оставайся и доводи дело до конца. Телеграмму с вызовом я послал еще до получения этой бодяги. А теперь вижу — ты там нужен. Так что считай ее недействительной.

Голос редактора внезапно исчез, в трубке слышались шорохи, потрескивание, неясные отзвуки далеких разговоров.

— Алло, алло! — торопливо закричал Мостовой.

— Не шуми, вот он я, — откликнулся редактор. — Учти: ни одному слову анонимки не верю. Но будь осторожен, автор ее, видно, человек битый. Я завтра распоряжусь выслать тебе это послание — может пригодиться в связи с делом, которым занимаешься.

— Надо бы проверить, — Мостовой знал, как трудно писать в архив жалобу, даже если она содержит самые абсурдные обвинения. В редакциях существует строжайший порядок проверки писем и жалоб.

— Ну уж нет, уволь. Сам разбирайся.

— Тогда перешили ее не мне, а совершенно официально следователю Тахирову. Адрес сейчас продиктую...

— Что передать Алке? — спросил редактор неожиданно весело.

— Скоро буду. Скажи, что свою телеграмму подтверждаю. Она поймет.

— Я тоже понял, — рассмеялся редактор. — Встретимся на свадьбе... Надеюсь, пригласишь?

Олег уснул только под утро. Но на взбудоражившем его звонке редактора сюрпризы не кончились.

Часов около десяти в номер к нему постучали. Вошел Тахиров, с ним двое незнакомых Олегу товарищей.

— Товарищ Мостовой, мы вынуждены произвести у вас обыск, — сухо сказал следователь.

— Позволь... — растерянно начал Олег.

— Оправдываться будете потом, — было непонятно, шутит Тахиров или говорит всерьез. — Обыск производится в связи с тем, что вы взяли взятку в сумме трехсот рублей от родителей Рыжкова.

Мостовой растерянно развел руками.

— Если это оговор, истину выявить нетрудно, — напористо продолжал Тахиров. — Деньги, переданные вам отцом Рыжкова, находятся в книге. Книгу вы спрятали в ящик письменного стола. Сейчас проверим.

Один из спутников Тахирова выдвинул ящик стола, за которым Олег работал обычно над записями по делу Рыжкова. Там действительно оказалась толстая, потрепанная книга. Тахиров неторопливо полистал ее...

Олег оторопело смотрел на сиреневые двадцатипятирублевки. Ему на мгновение показалось, что это дурной сон, стоит побольнее ущипнуть себя, и они исчезнут. Но нет, даже издали было видно, какие эти купюры новенькие, чистые, хрустящие.

— А теперь сверим номера денежных знаков, — Тахиров достал из папки лист бумаги со столбиком аккуратно выписанных цифр.

Номера совпали.

— И ты веришь всей этой чепухе? — тихо спросил Мостовой.

— Водички подать? — нарочито участливо поинтересовался следователь. И не выдержал, расхохотался. — Ладно, не буду больше тебя мучить. Налицо попытка, несомненно тонкая и хорошо рассчитанная, тебя скомпрометировать. Получена анонимка. И кто-то подложил тебе деньги. О чем вместе с этими товарищами, — он указал на своих спутников, — мы и составим соответствующий документ...

ОФИЦИАНТКА

Дни тянулись напряженные, суматошные. Изредка в быстрый ритм будней вклинивалось воскресенье. В выходной работы было мало, и Олег скучал. Иногда он приходил к вечеру в оперативный отряд к Равилю Каримову, присутствовал при инструктаже патрулей, вместе с дежурным по

отряду беседовал с доставленными нарушителями общественного порядка. С Равилем подружился крепко. Они договорились, что возьмут под контроль центральный «Гастроном». Зачем это ему нужно, Олег не стал объяснять. Иногда он и Лида шли в парк или в кино. Подружки официантки отчаянно ей завидовали — такой «самостоятельный» и неженатый; об этом сказала паспортистка гостиницы. Лида отмахивалась: «Бросьте, девки, ничего между нами нет». Подруги понимающе посмеивались, подчеркнуто то ропливо оставляли их вдвоем, когда Олег появлялся в кафе или у кинотеатра, где чаще всего встречались. Лида и сама не смогла бы определить как-то те отношения, которые сложились между ними. Олег всегда был вежлив и внимателен, не более. Вначале это очень радовало Лиду, потом почему-то обидело. Она заметила, что Олег не любит, если она одевается слишком ярко, злоупотребляет духами или помадой, и сделала выводы. Подруги только руками развели, когда увидели ее первый раз в простенькой белой блузке, черной юбке, с аккуратной уложенной прической. «А наша Лидка красивая», — пришли к единодушному выводу. Лида смущенно засмеялась и промолчала. Старший смены ресторана, в которой работала Лида, вдруг обнаружил, что официантка без криков и нервозности обслуживает посетителей и в книге жалоб почти на каждой странице ей выражаются благодарности. Старший тоже удивился, но, поскольку был человеком недоверчивым, решил на всякий случай присмотреться к официантке: неспроста она, мол, так переменилась.

Олег и Лида разговаривали много. Слушать Олега было интересно — он объездил почти всю страну, писал о многих людях. Лида рассказывала о себе, своих подругах, иногда о колонии.

На второй день после драки в парке она пошла к Равилу в горком и сказала, что хотела бы сделать «заявление» в связи с запиской, написанной журналисту товарищу Мостовому. Равиль отвел ее к Тахирову. Оказывается, Лида все-таки заметила, кто оставил записку, парня этого она знала по клечке, сообщила его точные приметы.

Однажды она спросила Олега:

— Как думаешь, твой знакомый следователь, ну Тахиров, правильный человек?

— Безусловно, — твердо сказал Олег. — А почему тебя это интересует?

— Да так... — неопределенно ответила Лида.

А потом Мостовой узнал, что она была у Тахирова и подробно рассказала, как и при каких обстоятельствах ее осудили за растрату. Лида назвала все фамилии участников шайки расхитителей, свившей гнездо в крупном «Гастрономе», где она раньше работала. По просьбе Тахирова этим делом немедленно занялся ОБХСС. У следователя были какие-то свои соображения по поводу заявления Лиды, и он договорился с ребятами из ОБХСС, что они его будут постоянно держать в курсе событий.

После такого решительного шага Лида несколько дней ходила притихшая и растерянная.

— Тебе скоро уезжать? — спросила Олега.

— Через несколько дней.

Они шли по той же аллее, где была драка. И так же тихо было вокруг, а от центра парка неслись звонкие ритмы фоксов. Олег мысленно прикинул — он находился в командировке уже 28 дней.

— Я не приду тебя провожать, — сказала Лида и отодвинулась от Олега в темноту.

— Что с тобой? — Олег взял ее за руку. — Ты сегодня какая-то странная...

— А ты всегда странный! — В голосе у Лиды явственно звучали слезы. — Я думала, святые только на небе...

— Ничего не понимаю, — искренне развел руками Мостовой.

Далеким оркестром заиграл модную мелодию о речке с ласковым названием и девушке, далекой и любимой, которая ждет. Над парком висела огромная круглая луна, такая круглая и огромная, будто прикатилась из детской сказки.

Уже у выхода из парка Лида сказала:

— Мне очень повезло, что ты приехал.

ПРЕСТУПНИК

Тахиров был настроен очень торжественно. Это Олег заметил сразу, как только вошел к нему в кабинет. Несмотря на жару, следовательно был в темном костюме, галстук завязан строгим узлом. Тахиров умел быть официальным, когда того требовали обстоятельства.

— Поздравляю, товарищ Мостовой, — сказал он сухо.

— С чем? — рассеянно поинтересовался Олег.

— Вчера ночью задержан преступник, совершивший убийство Умаровой.

Олег ожидал всего, только не этого. Он видел, что последние дни Тахиров работал особенно много, но, следуя неписаной этике, не докучал следователю вопросами, что да как. Журналист не имеет права вмешиваться в ход следствия, оказывать прямо или косвенно давление на следственные органы. Когда Тахиров считал нужным с ним посоветоваться, Мостовой охотно высказывал свое мнение, но всегда тщательно следил за тем, чтобы не мешать следователю, не затрагивать те стороны, где требовались профессиональные знания и навыки. Тахиров это ценил: такт журналиста помог избежать многих недоразумений.

— Профессор Ниязов оказался прав: на кладбище был третий, опытный преступник. Он и задушил Розу. В Рюмкине и Сычове он был уверен — давно прибрал их к рукам. Настолько, что они не выдали его даже под угрозой высшей меры наказания. Тут еще придется поработать следствию. Очевидно, главарь знает такие «грехи» Рюмкина и Сычова, что им все равно, за какой из этих «грехов» расплачиваться.

— Но как удалось так быстро распутать этот узел? — Мостовой все еще не мог избавиться от удивления. Он торопливо достал сигарету, и Тахиров в знак уважения чиркнул спичками, дал прикурить.

— С твоей легкой руки. Ты сдвинул с мертвой точки это уже почти закрытое дело. А дальше оно начало обрастать новыми доказательствами, уликами, вопросами, на которые надо было обязательно найти ответ. Очень важный толчок сделал профессор Ниязов. Он меня убедил окончательно. Но самое полезное, пожалуй, сообщила Лида. В тот первомайский вечер Рюмкин и Сычов были в кафе. Лида обслуживала столик, который они заняли. Потому что старший продавец «Гастронома» всегда именно у Лиды заранее заказывал столик.

— Тот самый, из винного отдела «Гастронома»?

— Да. Вор и развратник. Он познакомился с Умаровой в автобусе и все пытался назначить ей свидание. Девочка, чтобы отвязался, сказала ему, что едет к своему парню. Бандит шел за ней следом. У входа на кладбище увидел Рюмкина и Сычова и незаметно дал им знак, чтобы шли за ним. Словом, долго рассказывать, важнее, что преступник уже задержан.

— А Рыжков?

— Рыжков будет освобожден. Он невиновен. Он не встречался с Умаровой в тот вечер. И когда Роза получила категорическую записку своего друга, она вышла во двор и поговорила с ним. Роза попросила назначить место встречи у входа в парк. Рыжков согласился. Он на полчаса опоздал на свидание. Почему? Нелепость, случайность: до встречи оставалось еще время, он пристроился на диване с книгой и... проспал. Роза напрасно прождала его у входа и решила, что он все-таки пошел к дальнему холму...

— Эта случайность стоила ей жизни... — тихо сказал Мостовой.

— Не надо упрощать, — сурово ответил Тахиров. — Не слепой случай стал причиной гибели девочки, а бандиты, которые вскоре предстанут перед судом. Я нашел свидетелей, которые видели этого насильника на дальних аллеях парка. Профессор Ниязов оказался прав.

— Почему же Рыжков так упорно оговаривал себя?

— Он считал, что его детская забава с «испытанием чувств» привела к трагедии. Получил сильнейший психологический шок. Решил, что после всего этого жить не стоит.

Дело было закончено. И Олег сказал:

— Завтра я улетаю...

— Так и не узнав, кто тебе давал взятку?

После паузы следователь объяснил:

— Взятку тебе пытался подложить старый «приятель» Лиды, тот, который ее в тюрьму отправил якобы за растрату, директор «Гастронома». Когда он увидел официантку с тобой, узнал, что ты журналист, решил, что Лида из мести написала письмо в редакцию и ты приехал, чтобы вывести его на чистую воду. Однажды ты пошел в «Гастроном» за сигаретами. Помнишь? Директор убедился — неспроста. И наконец, ты с помощью Равиля развил вокруг

этого магазина целое следствие — установили дежурства комсомольских патрулей, направили туда общественных контролеров. Мы не мешали. — дело нужное, навели все-таки комсомольцы порядок с торговлей спиртным. А директор окончательно перепугался и решил во что бы то ни стало скомпрометировать тебя. Бандит, убивший Розу, был его ближайшим помощником во всех темных делах. Его кличка «Старший». Драка в парке, анонимка, записка с угрозами — это все дело рук шайки расхитителей. Конечно, если бы они знали, что находятся в поле зрения ОБХСС, то не стали бы размениваться на такие «мелочи». Ребята из ОБХСС давно подозревали, что в этом магазине неладно, но не за что было ухватиться, уж очень ловко пройдохи работали, в случае опасности подставляли вместо себя таких новеньких и зеленых, какими были в свое время Лида и эта Таня. Но ни они, ни мы не предполагали, что дело обернется таким образом. Хотя, в общем, подтвердилась старая истина: одно преступление влечет за собой другое...

— Так бывает не всегда.

— Так бывает, если вовремя не остановить преступление.

ЖУРНАЛИСТ

— Подожди, — сказал Олег Тахирову, когда они вошли в здание аэровокзала. — Мне надо послать телеграмму.

— Ты прилетишь раньше, — заметил Тахиров.

— Все равно. А вдруг она успеет встретить?

— Жду.

Олег быстренько набросал на бланке: «Вылетаю к тебе. Рейс № . . .» Он подумал, что пройдет несколько часов и будет встреча с Алкой. А потом отпуск, тоже с Алкой. И еще вся жизнь.

Тахиров ждал его не один. Рядом с ним стоял отец Рыжкова.

— Он обязательно хотел встретиться с тобой, — шепнул Олегу Тахиров. — Я не стал возражать.

— Вы вернули мне сына, — сказал Рыжков-старший Тахирову и Мостовому. — Такое не забывается...

Олег вспомнил, как месяц назад он прилетал в этот город. Было очень рано, солнце наполовину выглянуло из-за горизонта, его никто не встречал. Вот и окончилась командировка...

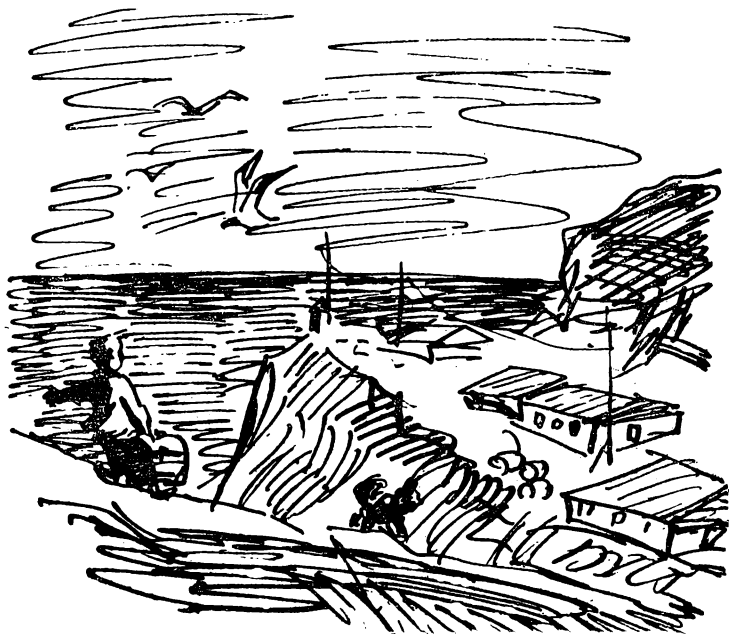

Ю. ЛЕОНОВ

БА-БА-НА

Рассказ

Гнат вошел в поселок, как императоры входят в завоеванные столицы. От самого пирса, где пристал катер, впереди семенил с толстым портфелем Колька — вдовы Безугловой сын. За ним кругами носился кудлатый и вислоухий Черт, влаивая от переполнявшего его счастья. И лишь затем торжественно шествовала прямая, долговязая фигура Гната, крест-накрест перетянутая ремнями

фотоаппаратов. Даже альпинистский рюкзак не мог согнуть ее, и фигура вышагивала важно, подав вперед грудь.

К приезжим чужакам в поселке китобоев привыкли — кто только не заходил за харчами в здешний магазинчик, единственный на два десятка островов. Бородатые зверобои, художники с усами тоньше комариного писка, сейсмологи с челочками типа крысиный хвост... Но все они приходили и уходили. А Колька проволоком портфель Гната напрямик к бывшей радиорубке, где собирались открыть отделение связи. У дверей радиорубки приезжий свалил и свой рюкзак. Вопросов не было — приехал почтарь.

Должность эту утвердили в поселке недавно. Зарплата была невелика. Но и работа — один смех. Раз в неделю, а то и реже приходит пароход за почтой. Претендовали на вакансию местные домохозяйки, но району виднее — прислали своего.

На другой же день с наружных стен бывшей радиорубки исчезли произведения добровольного пожарного общества, а их место заняли большие фотографии гор, раскрашенных зеленым, густо-синих морей, детских мордашек в шоколадных оттенках.

Женщины, тотчас собравшиеся возле новоявленной фото-выставки, мигом выяснили, что уполномоченный отделения связи с удовольствием выполнит любую их просьбу: портреты на натуре и в помещении, пейзажи с вирированием и без, снимки 3 × 4 для документов и даже реставрация старых фотографий.

А Гнат демонстрировал женщинам все новые и новые образцы своего искусства. Из портфеля появлялись другие фотографии — казалось, конца им не будет — и шли по рукам под одобрителный бабий говорок.

Если Гнат добивался признания себе как фотограф, то успех был полный. Но похвалы странно действовали на него. Он морщился и говорил:

— Все это дрянь... и это дрянь... Разве что эта... Да нет, пожалуй...

А потом он совсем прекратил всякие разговоры, сел на подоконник и уткнулся в какую-то книгу.

Стоял июнь, туманный, с редкими солнечными праздниками. Тогда небо становилось голубым и базальтовый щит, встающий сразу за поселком, начинал отбрасывать огромную тень. Зубчатый контур тени тянулся далеко в море.

Но гораздо чаще вершина щита была скрыта за сизой клубящейся хмарью, и тогда казалось, что длинные вздрагивающие лезвия водопадов — детищ последнего землетрясения — срываются прямо с туч. Водопады давали жизнь ручью, бурному и недолговечному. Он с клетотом огибал кузницу и умирался на прибрежной косе.

И водопады, и ручей, и сам базальтовый щит — все было здесь привычным, как фанерная заплата в окне магазина, видевшая уже трех завмагов.

У водопадов хозяйки полоскали белье, в ручье умывались и брали воду, по базальтовому щиту угадывали погоду на завтра.

И никому не показалось странным, когда в первое свое рабочее утро Гнат пробежал по задворкам к ручью с полотенцем на шее. Но ручей он перемахнул, побежал дальше, высоко вскидывая ноги, и исчез в густой поросли ольховника.

С минуту его не было видно. А затем на крохотной площадке у подножия скал начали чертить воздух две руки. Они взлетали, падали, молотили невидимого врага и даже вроде бы пытались столкнуть с места скалу, что немало позабавило старожилов.

Рисунки Б. ГАЛКИНА

— Силу, что ли, некуда девать? Так пошел бы к нам на разделку.

— Какая там сила! Одни кожа да кости... Смотри, раздевается.

Утро было холодное. Вершину щита завесила побуревшая, но уже не разразившаяся дождем туча. А маленькая фигурка у подножия действительно стянула с себя тренировочный

костюм и теперь изображала все оттенки сомнений, стоя перед дымным росчерком водопада. Наконец исчезла в нем, вылетела назад как ошпаренная и суетливо задаргала полотенцем.

— Ну вот, туши свечи. Лекарю работы прибавится.

Кузнечных дел мастер Сапаров по молодости лет тоже грешил фотографией. В последнем отпуске он купил себе новейшую камеру «Зенит-7» с зеркальным видоискателем и быстро отвел на ней душу, снимая знакомых женщин на фоне пальм, статуй и фонтанов. Вернувшись домой, он запечатлел на память своих друзей, вставших навятяжку у китовой пасти, и больше о фотоаппарате не вспоминал.

Может быть, это мимолетное увлечение так и не напомнило о себе, если б не разговоры, вскоре возникшие вокруг нового почтаря. Очень быстро делал заказы Гнат и брал за работу деньги, не очень стесняясь в цене. Кто-то уже пытался подсчитывать, сколько же выгонит в месяц этот ловкач, если, скажем, будет делать в день по пять-десять фотографий. И если к тому же с вирированием, и если еще... Получалось много.

Сапарова чужие деньги не волновали. Он получал в достатке своих. Но сами снимки задели его за живое. Как же так, у него тоже есть самый современный фотоаппарат, знает он, как определять выдержку, и фокус наводит верно, но вот не играют его снимки, не светятся, как у Гната, и никто не говорит о них, прицокивая языком:

— Да-а, ухватил!

Как-то утром, когда еще молчал дизель, а с моря совсем глухо пробивались сквозь туман крики чаек, Сапаров увидел из окна столовой присевшую на корточки фигуру. Как и все вокруг, смотрелась она пятном, но привычному глазу разобрать было можно — что-то фотографирует человек. Фотографирует в таком тумане? Сапаров отложил ложку и вышел на крыльцо.

У старого, подвязанного к перекладине колокола крутился Гнат.

Сапаров подошел совсем близко, но Гнат его не замечал.

Колокол как колокол, обшарпанный, с прозеленью. За ним — тусклое мерцание гальки да вздохи моря. Еще угадывались размытые очертания скалы. И ничего более. Ну ничегошеньки. А затвор лязгал и лязгал.

— А-а, привет! — кивнул Гнат, как будто знал Сапарова давным-давно. Наверное, у него была скверная память на лица.

— Кому ты голову морочишь? — ткнул Сапаров в фотоаппарат. — Если мне, то пустой номер. Не на того попал.

— Я вообще ни на кого не нападаю. Я делаю снимки.

— А ночью ты тоже снимаешь?

— Да. У меня есть блиц.

— Вот темнело! — вскричал Сапаров. — Давай поспорим, что в этом молоке ничего у тебя на пленке не выйдет. Ну, может, одни пятна.

— А меня, уважаемый коллега, как раз волнуют пятна. Разве вы не так видите сегодня все вокруг? Туман съедает перспективу, и он же подчеркивает ее. Сравните этот колокол и во-он ту скалу.

— Ну-ну, — на всякий случай сказал Сапаров.

— К тому же это КОЛОКОЛ. Вам он о чем-нибудь говорит?

— Пустое дело. Раньше им на обед сзывали. А теперь только ребяташки балуются.

— А когда-то им предупреждали об опасности корабли.

— Это ваша выдумка, — Сапаров неожиданно для себя самого перешел на «вы».

— Пусть даже так. Но поставьте колокол в угол кадра — на нем ведь не написано, для чего он служит. Дальше сплошной туман, и в нем вдруг угадывается призрак. Призрак смерти.

— Это который?

— Я имею в виду скалу. Такие скалы сняты в кошмарах морякам. Колокол и призрак скалы, и больше ничего. Минимум изобразительного материала. Максимум экспрессии.

— Насчет этого — пожалуй.

— Вот таким образом. Правда, я забыл, как вас...

— Сапаров.

— Очень хорошо, Сапаров, что мы встретились. Хотите, я вас фотографировать научу?..

— Спасибо, обойдемся!

Сапаров сухо кивнул и пошел доедать свой гуляш. До самой двери столовой его провожал изучающий взгляд Гната.

На дверях своей комнаты, которая служила ему одновременно и местом работы и пристанищем, Гнат повесил объявление: «Почта работает с 15.00 до...» Но даже тех, кто приходил после 15.00, он встречал не сразу. Из-за серых солдатских одеял, которыми был отгорожен один угол, слышалось:

— Простите, одну минутку.

В комнате пахло аптекой и давно не мытой посудой.

На шпагате, натянутом от стены до стены, висели пленки с подвешенными для тяжести скобяными изделиями. В жестяном тазу плавали снимки. Здесь занимались фотографией, а между делом — почтовыми делами и не скрывали этого.

Гната можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в безделье. Он приехал сюда работать и делал это с одержимостью.

В шесть, распугивая дремотных кур, он бежал к водопаду. В семь торопливо глотал с рабочими в столовой разогретые консервы. В восемь наряд пограничников видел его уже у птичьего базара или у курящихся фумарол с камерой, взятой наизготовку.

В первый раз у него даже проверили документы и доставили на заставу для выяснения личности. Потом пограничники всегда махали ему издали как старому знакомому и просили сфотографировать на память. Он никому не отказывал.

Дольше всего задерживался Гнат у слипа, по скользкой спине которого ползли готовые к разделке грифельные торпеды китов. С непривычки там закладывало уши от пронзительного визга косторезной пилы, а воздух был сперт от вьющейся в дерево ворвани. Гнат страдальчески морщил нос, но выдерживал по часу и более, приглядываясь к кровавой оргии ножей.

Раз а два сменный мастер дядя Ваня просил его уйти с рабочего места, потому как не положено посторонним. А потом махнул рукой. Работать Гнат не мешал. Он никого не просил надеть поопрятней зюйдвестку и, зверски замахнувшись ножом, держать на лице приятную улыбочку — был тут однажды такой репортер. Гнат вообще никого и ни о чем не просил, а только восхищался. И это было смешно.

— О, это великолепно! — говорил он, подостлав мешковину и залезая под самый китовый хвост. Кроме парящих чаек, оттуда ничего не было видно.

— Билли Бонс, разрази меня гром! — воскликнул Гнат, увидав впервые за лебедкой бритую голову папаши Бондаря, перечеркнутую черной повязкой. Глаз Бондарю выбило сорвавшимся тросом в юности, когда он не был еще папашей шестерых сыновей и не славился первым пловцом на побережье.

— Ради бога, не обращайтесь на меня внимания, — заклинал Гнат, заходя к лебедчику то справа, то слева.

Но единственный глаз папаши Бондаря все время был начеку, и фотографировать себя он не позволял. Только раз, когда с «жучка» передавали на берег очередную партию китов, работа забрала все внимание Бондаря, и Гнат щелкал затвором до тех пор, пока не прохрипел в аппарате сорвавшийся конец пленки.

Через день Гнат принес фотографии. Папаша Бондарь стоял на ней, цепко прищурив глаз, — такая полосатая настороженная глыба, впереди которой громоздилось что-то размытое и большое.

— Это ваш кулак на рукояти, — объяснил Гнат. — Своего рода символ.

Папаша Бондарь так и не понял, почему его надо было снимать так, чтобы кулак походил на палисадник, а рукоять — на трубу. Но лицо получилось вполне похожим — широкое, в редких морщинах, и повязка виднелась только краем своим.

— Не то снимаешь, — сказал папаша Бондарь, забирая фотографию. — Ты вот кого сними.

У разделщиков был перекур. Кто стоял, кто сидел. У шта-

беля мешков с солью бросило в дремоту Адамыча, которого рекомендовал снять папаша Бондарь. Широко расставив ноги и уронив на грудь взлохмаченную голову, Адамыч разом отрезшился от всего земного, и округлившаяся спина его вздрагивала, расслабляясь.

— А что, — сказал Гнат, примеряясь. — Сон Вакха.

Парни смолили сигареты, парни ухмылялись, глядя, как подбирается к Адамычу блестящее око объектива.

Но когда рука Гната потянулась к спуску, кто-то из сердобольных не выдержал и упредил:

— Адамыч, жена!

Адамыча слегка подкинуло. Прямо перед ним нагло таращился лиловый стеклянный глаз.

Адамыч шумно вобрал в себя воздух и пошел на обидчика, широко расставляя ноги. Его остановили.

— Ты что это делаешь? — задохнулся Адамыч. — Ты на кого руку поднял?

— Сядьте обратно, — замахал рукой Гнат. — Отличная поза. Ничего страшного. Снимаю жанр.

— Я вот тебе устрою жанр, коммерсанта кусок! Я тебя...

Запас крепких слов у Адамыча оказался невелик, и его быстро отпустили. Но остыл он не скоро.

— Ты где работаешь? За что деньги получаешь?.. Вот и ступай к себе на почту... Как не мое дело? Это мое дело. Как гражданина. А ты лишай на теле... Ты носом не крути. Я еще выясню, кто ты такой. Думаешь, далеко забрался?

— Ох и запах здесь, — сказал Гнат, поморщась. — И от кого это так?

— А ты не увиливай. Ты скажи. Рыльце-то небось в пушку? Алименты или что похлеще?

— Адамыч, — с укоризной пробасил папаша Бондарь, — тебя же самого исполнительный здесь нашел.

— Так нашел же. Плачу.

Парни захохотали.

— Кончай перекур!..

Вскоре после этого деятельностью Гната всерьез заинтересовался профорг комбината Осинин. Он вызвал Гната к себе и долго беседовал, хмуря лоб, о фотографии как таковой и о моральной стороне побочного заработка. Кончился разговор полюбовно. Профору нужно было оформить Доску почета, и Гнат пообещал, что все будет как надо.

Привычный к проволочкам в таких необязательных делах, Осинин был приятно поражен, когда через два дня на его

стол легла пачка фотографий в точном соответствии со списком лучших людей комбината.

— Молодец. Дал темпы, — похлопал он Гната по плечу. Об оплате обе стороны дипломатически промолчали.

Для Гната доска послужила своего рода официальным признанием. Больше работать ему никто не мешал.

На берег сходили китобои, брали в магазине сигареты и спрашивали:

— Где тут у вас фотография открылась?

От Гната они уходили с серией пейзажей «Помни Курилы» и с твердой гарантией в следующий приход получить свои фото, снятые «на фоне вулкана, водопадов, китов, бушующего моря — как желаете?».

Гнат работал ровно, до педантизма, как хорошо отлаженный механизм. На фоне поселковой жизни, где затишья то и дело сменялись авралами, ясная погода — затяжными ненастьями, трезвость — бесшабашностью, методичность нового почтаря выглядела явным отклонением от нормы. По всем житейским

понятиям, первоначальный его завод должен был кончиться и должно было начаться что-то другое. Но Гнат не менял ритма жизни.

Адамыч построил теорию. Торопится человек. Только слепой не видит. Вот загребет побольше денег — и фью! Он махал рукой на восток, но там были только скалы да вода, вода до самой Америки. Никто это «фью» всерьез не принимал, но все же ждали от Гната чего-то из ряда вон выходящего. И не напрасно.

Гнат и в самом деле собирался свертывать дела своей фирмы. Многие в поселке уже увековечили себя для истории не по одному разу, а приезжая клиентура слишком зависела от капризов погоды. Он готовился к поездке в районный центр и строил планы освоения всех крупных островов золотой Курильской гряды.

При всей общительности Гната друзей у него в поселке не было. И пригласил его Сапаров на свой день рождения не из-за личных симпатий, а чтобы не скучно было.

Собрались впятером. Недавно демобилизовавшийся из флота Филипп доводился Сапарову земляком, и жили они вдвоем в одной комнате, той самой, где намечался сабантуй. Одно окно в море, другое упиралось в сарай, сколоченный из ящиков: «Ирис «Кис-кис», «Брутто-нетто», «Масло сливочное коровье...»

Раньше на месте Филиппа спал Илья Никитич, жировар. Но к нему приехала с материка жена. И сегодня он явился сюда вместе с нею как гость, при галстукке и счастливый. Все находили, что Тамара очень подходящая для него жена — такая же плотненькая, распорядительная, довольная собой и мужем.

Две бутылки спирта выдали Сапарову в магазине по записке директора комбината в виде исключения из сухого закона. Они и венчали стол. Поставили в банках печеночный паштет, щуку в томате, выловленную, судя по этикетке, в Дунайских плавнях, и грибную солянку, незаменимую в холостяцком быту тем, что из нее легко сделать целый обед. Хочешь холодную закуску, открой банку — и готова. Надо первое блюдо — разведи пожире водой и доведи до кипения. Захотел второе — подогрей без всякой воды. На сей раз грибная присутствовала в качестве холодной, а горячее — свинину с картошкой — принесла с собой в кастрюле Тамара.

Выпили за именинника, за виновников вечеринок — отца с матерью, за то, чтоб не пересох Тихий океан и моряки не остались без работы.

Шумный пошел потом разговор. Где жить лучше, как рожают киты и какую скорость можно выжать на мотоцикле «ИЖ-Планета» без коляски по асфальтовому шоссе. Потом зацепились за фотографии. Хвалили Гнатову работу, а он, пристукивая по столу вилкой, доказывал, что все это ремесло и поделка. Вот если б сделать мастерскую по изготовлению цветных оттисков не на бумаге, а прямо на раковинах гребешков — да, да, вот на этих эмалевых блюдцах матушки природы, которые здесь пользуют под пепельницы. Организовать бы в райцентре мастерскую, приезжий человек за такие сувениры последнюю копейку б отдал.

Все дружно восстали: почему в райцентре? У нас и водопады, и киты, и вулканы, а в райцентре что?

— Да хочешь, я тебе все, что нужно, для мастерской на свои деньги куплю? — выступил Сапаров.

А потом взялись за карты: Гнат вызвался научить всех английской игре — покеру. Правила освоили с трудом — и началось.

Сначала везло имениннику. Карта шла к нему, и так было до тех пор, пока он крупно не залетел — сначала в первый раз, а потом еще.

До этой поры Гнат сидел, откинувшись на спинку стула, и следил не столько за картой, сколько за лицами партнеров. У именинника все страсти всплывали наружу тотчас, несмотря на видимые усилия сдерживать их. Филипп наигрывал эмоции, но слишком подчеркнуто — небрежность и равнодушие так и сквозили в каждом его жесте, когда на руках оказывалась стоящая карта. Илье Никитичу откровенно мешала своими нашептываниями жена, но он не сердился на нее и всякий раз одинаковым тоном урезонивал:

— Томик, терпение!

И вот тогда, когда Сапаров второй раз отсчитал из своего бумажника сумму и отдал ее Гнату, фортуна целиком встала на сторону Гната. Мелкие ставки, впрочем, Гнат с удовольствием уступал другим. Но как только схлестывались по крупной, он связывался в торги и разом взвинчивал ставку до невероятных размеров.

С самого начала Гнат предупредил, что игра идет только на наличные — «таков закон, ничего не попишешь». И через час Ильа Никитич уже брал взаймы у Сапарова, а Филипп хмуро шарил по карманам флотского кителя. Наличность в поселке была не в моде, а в карты на деньги почти не играли.

Еще через час Ильа Никитич, нимало не расстроенный про-

игрышем, церемонно откланялся, Тамара пожаловала всем по улыбке, и они ушли.

В темноте тускло освещивала каменистая тропа. Стылый воздух резал надоедливый визг пилы — на комбинате еще работала вторая смена. Когда он смолкал, слышно было, как у клуба рыдает гитара и в лад подпевают сильные голоса.

Проходя мимо, Илья Никитич поздоровался с одним из парней — долговязым, с насмешливыми глазами.

— От Сапарова иду, день рождения у него.

— Ну и что там? — небрежно поинтересовался парень.

— Какую-то игру придумал фотограф. Обдерет их как липку.

— Фотограф? — переспросил парень и решительно зашагал к Сапарову.

Войдя в комнату, он извинился — не ожидал компании, с пустыми руками к имениннику, и даже порывался уйти, но гости и хозяин дружно осудили такую церемонность, сунули в руку

стакан, не допитый Тamarой, подцепили на вилку добрый шмат грибной солянки. Само собой, что пригласили Кузю четвертым.

Нового партнера Гнат сразу не оценил. Прежде чем виртуозно, с явным расчетом на эффект, раскидать по партнерам колоду, Кузя бережно взял ее в ладонь и полуприкрыл веки. Дважды шевельнулись губы — Кузя что-то шептал про себя.

Гнат знал этих шептунов. Они носили в карманах амулеты, незаметно бросали под ноги партнерам разный «тарс» — клочки бумаги, стоптанные башмаки и, когда ничего не помогало, ставили последний рубль и уходили в шоке.

Гнат глянул в карты и небрежно бросил на середину стола:
— Джип.

— Плюс два джипа, — ответили ему.

К полуночи, когда под потолком предупредительно мигнули, а потом медленно померкли вольфрамовые нити и на край стола поставили керосиновую лампу, Филиппа сморил сон. Он так

и лег на койку не раздеваясь, и сидящий на краю одеяла Кузя стал складывать свои трофеи к его ногам.

Часа в два ночи, под лай собак, спотыкаясь и бранясь, Гнат в первый раз сходил домой за подкреплением. А когда проиграл и его, Кузя откровенно зевнул и выразил желание поспать. Поздно, игра надоела, да и наличность у партнера кончилась.

— Наличность будет, — сверлил его взглядом Гнат, нервно, не глядя, тасуя колоду — Ты только домой не спеши. Если ты игрок, конечно. Настоящие игроки бьются до последнего.

— В буру — пожалуйста.

— Не пойдет, — твердо сказал Гнат, почувствовав подвох.

— Ну как хочешь. — Кузя стал подниматься.

— Подожди...

Утро выдалось ясное. Ветер прибрал последние лохмотья тумана, и стал виден весь поселок, веером разлетающийся от теснины к бухте. Где-то далеко, между небом и водой, парили мачты уходящего китобойца. Мимо окна проходили умытые и выспавшиеся, спешили на работу, бойкий говорок врвался через форточку и рикошетил по стенам. А в комнате было сизо от дыма, и сизыми были лица.

Игрался последний кон. Сапаров даже уже перешел на роль зрителя и только приподнимался всякий раз, когда вскрывали карту.

— Бесплезная затея, — морально добивал партнера Кузя. — Говорил, кончать надо было в тот раз...

Гнат священнодействовал. Он медленно-медленно обнажил из-под карты сначала масть, потом картинку, болезненно скривил рот и швырнул ее в угол, к помойному ведру. Ревнивый хранитель порядка, Сапаров ничего не сказал в этот раз. Человеку, который в одну ночь проиграл все, можно простить и не такое.

Кузя потянулся, выпростал из-под хлеба целлофановый пакет и деловито, как семечки, стал собирать с кровати мятые асигнации.

— Сколько тут, чтоб не считать?

— Тысяча и пятнадцать, — промямлил Гнат. — Бери, бери, только быстрее, не томи душу.

Кузя толкал деньги горстями, они, пружиня, вываливались, а он втискивал их обратно и прижимал коленом. Все молчали. Сапаров чувствовал себя вовсе неловко, будто при нем, в его доме ограбили человека, а он и слова сказать не найдет.

Когда Гнат отвернулся к окну, Сапаров толкнул Кузю локтем

и, сделав брезгливую гримасу, махнул рукой. Мол, пусть его. Отдай ему эти бумажки. Все равно богатому с них не быть.

— Жадность его погубила, — строго сказал Кузя.

— Азартный человек — что больной. Какой с него спрос?

Кузя встряхнул мешок и засунул туда еще две трешки.

— Сердца у тебя нет, Кузя, — продолжал гнуть Сапаров, — человек столько работал...

— Где работал? Я что-то не видел.

Свою знаменитую речь Гнат произнес именно после этих слов, взорвавших его надежно запрятанное самолюбие. Весь вытянутый до хруста, с вымученными бессонницей глазами, в которых пульсировало отчаяние, он начал цедить слова по одному, как бы подхлестывая себя, а кончил на крике.

Да, конечно, то, что он делает, это не работа. Зависать высоко в скалах, вниз головой, чтобы потом какой-нибудь дуб заметил, демонстрируя свое остроумие, что горизонт на снимке окосел, — это, конечно, не работа. И дышать за одеялом реактивами, когда все спят, это тоже не работа. Вот резать на части вонючих китов — это работа. Правда, кромсать мясо на части сможет каждый дурак — он так и сказал — «каждый дурак». Сила есть — ума не надо. Но это работа, производительный труд. А его труд — совсем не труд, так, потеха. Но пусть они не торопятся проявлять жалость. Он в ней не нуждается. Он свое еще наверстает и будет иметь этих денег столько, сколько им и не снилось со своими вонючими китами. Он так и сказал — «со своими вонючими».

Филипп приподнял голову с подушки в конце этой речи и спросонья никак не мог понять, чего кричит этот долговязый фотограф, как на собрании, и почему Сапаров тоже рвется сказать:

— Обожди. Значит, мы дураки, а ты умный?

— Я абстрактно.

— А я конкретно. Значит, мы дураки и можем только потрошить китов?

— Нет, ты можешь выступать в театре.

— Врешь. Я кузнец, я умею делать гарпуны. Но еще я умею учить наглецов. Ты никогда не видел, как учат наглецов?

Еще с нефтеразведки, где Филипп работал до флота, был у него выработан четкий рефлекс на такие ситуации. Два пальца в рот — и во всю силу легких.

Оглушенные свистом, спорщики не сразу пришли в себя.

— Вот это порядок, — сказал Филипп тоном участкового уполномоченного. — Только в голове почему-то порядка нет.

— И я его еще пожалел.

— Зачем его жалеть. Он же гордый, — Кузя крепко ухватил прозрачный мешок за горло. — Ему эти деньги заработать — пара пустяков.

— Ого-го, — Филипп потянулся к мешку и пощупал его на ощупь.

— Настоящие, — сказал Кузя.

Гнат снял со спинки стула ворсистый пиджак.

А Кузя все еще не мог наглядеться на свой мешок, повзвешивал его на ладони, усмехнулся чему-то.

— Слушай, Гордый, а тебе никогда не случалось заработать тысячу рублей за один раз? Скажем, часа за два? Могу предложить. За одного вонючего кита.

Враз стало слышно, как на соседском дворе глухо причитает насадка. Все дождались, пока Гнат медленно застегнул все три пуговицы, снял с рукава приставший волос.

— Не понял!

— Поясняю. Ты выходишь на разделочную площадку — могу презентовать свою спецодежду — так вот, выходишь ты на разделку туда, где дурно пахнет, берешь фленшерный нож и начинаешь вкалывать, пока от вонючего кита не останутся одни кости. А по окончании тебя будет ждать рядом этот пакет.

— Давно в цирке не был? Соскучился?

— Зачем? Это же работа простая, дураки и те могут. Вот — деньги, вот — свидетели.

— Видел я таких добреньких...

— Как хочешь. До вечера обещаю деньги не трогать. Мне с обеда на смену.

Гнат вышел, ничего не ответив. Сорвал на двери силу и бессилие свое.

— Сколько здесь? — спросил Филипп, когда все согласились, что принципы у этого длинного все же есть.

— Тысяча.

— Моя мама за такие деньги год работает.

...Кашалот вышел из кондиции — он проштормовал у буя два дня, накачанное для плавучести пузо его стало за это время еще больше и отливало фиолетовым. Вползая наверх по измоленным доскам слипа, оно поскрипывало, как раздутая футбольная камера.

Это был последний кашалот, которого предстояло разделить сегодня. Предыдущего уже кончали обхаживать вчетвером. Каждый раз, давая знак стоящему за лебедкой папаше Бондарю, Кузя кидал взгляды в сторону — не покажется ли на

склоне долговязая фигура в клетчатом пиджаке. Посматривали и остальные. Все на разделке уже знали, чем закончились именины у Сапарова, и в подтверждение Кузиного обещания с полудня сиротел под навесом, на бочке, завернутый в газету пакет.

Гуляли ножи. Кровавая река уходила от слипа далеко в море, изгибалась дугой и терялась в свинцовой сырости.

Как угадал Гнат ту минуту, когда подтянули в центр площадки последнего кита и сделали небольшой перекур, трудно сказать. Может, выжидал специально, но никто не видел его за этим занятием. Он вынырнул из жироварки, посвежевший, как после сна, свежевыбритый, по обыкновению бросил: «Привет гренадерам!» — и обратился к Кузе так, будто отлучался всего на две затяжки сигареты.

— Ну что, начнем? Актеры готовы, — сказал он о себе во множественном числе.

— Люблю отчаянных, — подмигнул «гренадерам» Кузя, и те недружно хохотнули. — Дядя Ваня, желает товарищ Гнат разделять кита в одиночку. Правда, работенка ему наша не нравится. Пахнет дурно, и вообще. Но за тысячу рублей он согласен. Как вы на это смотрите?

Сменный мастер смотрел на такую затею плохо. В цехе ждать не станут, пока товарищ Гнат будет якшаться с кашалотом. Им быстро все кончить да домой. И потом, хотели бы они видеть, как этот одиночка будет снимать кожу, если подрезать пласт надо одновременно с двух сторон, иначе не потянет ледка.

Гнат слушал этот разговор, и можно было подумать, что все возражения он знает наперед. Уж очень он был спокоен и только однажды бросил быстрый взгляд на пакет.

Вразвалочку подошел Сапаров, сухо кивнул Гнату и критическим взглядом оценил кита: мясо не свежее, нож пойдет хорошо. Вот только брюхо разбарабанило — того и гляди лопнет.

Подошли еще несколько советчиков, и поскольку зрелище обещало быть презабавным, быстро выработали новое условие: Гнат работает с напарником два часа без перекуров и получает за самоотверженный труд тысячу рублей, как звезда экрана первой величины. Напарником вызвался быть сам Кузя.

Быстро приодели Гната. Стал он весь оранжевый и блестящий. Только куртка вышла коротковатой да явно широка приходилась в плечах. Он приставил к ноге фленшерный нож, чуть отвел острие в сторону, как держат алебарду, и отрапортовал наигранно-бесшабашным тоном:

— Гренадер Потемкин к бою готов!

Вокруг засмеялись не столько шутке, сколько комичному виду фотографа.

— Ну, начинай, — сказал Кузя. — Твой бенефис. — И, словно бы между прочим, осведомился у дядя Вани: — А там гранаты в пузе не осталось?

Устоявшийся свирепый запах ворвани висел над площадкой. Гнат сдерживал дыхание — было видно, как неровно ходила грудь. А самое трудное еще ждало его впереди.

У подножья слипа ярились волны неправдоподобно красного цвета. Пьяные от крови, носились над ними чайки.

— Дай-ка я воздух спущу, — попросил нож дядя Ваня. Кругом шумно запротестовали. Коль назвался груздем — пусть сам испытает все.

— Ты только осторожней, вот сюда, — показал Гнату сменный мастер, — и сразу лезвие не вытаскивай. Пусть брюхо обмякнет.

Подпираемый в спину взглядами, Гнат подошел к туше и резко, не слишком напрягаясь, ткнул в указанное место. Только белая полоска осталась на темном глянце кожи.

— Сопротивляется, — успел сказать Гнат, как бы приглашая зрителей в соучастники.

— Хе-хе, это тебе не карточки щелкать.

— Ты с потягом, с потягом, не торопись.

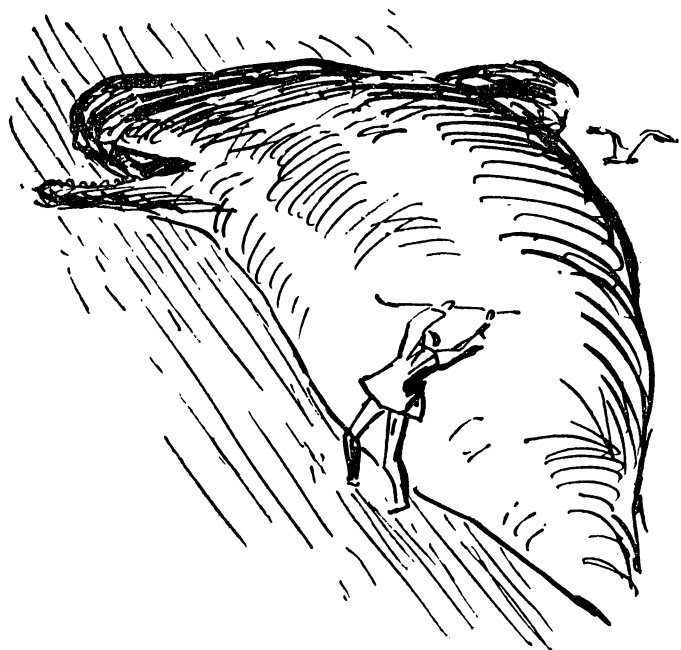
— Под низ его, держи руку твердо.

Сбитый с толку советами, Гнат сильно размахнулся, но в последнее мгновение погасил удар, и упругое брюхо кита, как щепку, отбросило его назад. Долговязая фигура выписала пируэт на скользких, лоснящихся от спермачета досках, грациозно помахала в воздухе свободной рукой и устояла.

— Ну-ка стой, твою в бога! — заорал дядя Ваня. — Стой! Бросай! Нароботался, актриса...

И тогда Гнат кинулся на кашалота, не глядя, как бросаются врукопашную, забыв про осторожность, вложив в удар всю переполнявшую его ярость.

Что-то ухнуло, приподняло Гната, швырнуло в беспамятство. Это длилось мгновение. Он открыл глаза, поборол застывшее

взгляд желтое и зеленое и увидел, как с окровавленного его живота, вздрагивая, сползло что-то белое, в сизых прожилках.

— А-а! — вонзился в небо тонкой иглою крик.

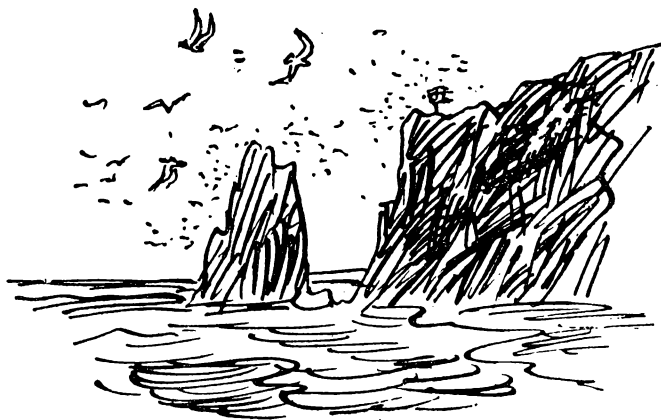
Руки судорожно заперебирали, гребя это белое обратно, под одежду, и застыли, обжегшись о холод его. Ракетой взмыло воскресшее из мертвых тело. И заплясал Гнат, тряся подолом, такого камаринского, словно к телу его пристала кобра, а не китовая требуха.

Над площадкой густо поплыла ругань — шмоть и брызги долетели до всех, кто стоял со стороны китового брюха. Но волна хохота скоро задавила слова.

Только один человек, сдирая с себя одежду, пытался перекрыть этот гогот. Он спрашивал, отчего они так жестоки к нему, за что ненавидят. А его не слышали. И если б даже услышали, то не поняли б — ненавидеть можно сильных.

Тогда он закричал, что ненавидит их сам, ненавидит, ненавидит и этот берег, и этих китов. А люди все равно смеялись. Многие на их памяти ругали этот берег и возвращались обратно.

И перед этой людской стеной у Гната сникли и мелко-мелко затряслись худые плечи. Он плакал без слез и даже не заметил, как Кузина рука положила рядом с ним завернутый в газету пакет.

Вы спрашиваете, испытывал ли я когда-нибудь страх? Конечно, испытывал, и не один раз. Когда, например, охотясь в Уссурийском крае, я столкнулся нос к носу с тигром и мое ружье сделало подряд две осечки, у меня, как говорится, душа спряталась в пятки. Или вот еще когда я был засыпан снежным обвалом в горах Кавказа. Впрочем, таких случаев было немало. По-моему, нет человека, который в той или иной форме не испытывал бы страха, а если кто и будет утверждать противное, так знайте, что перед вами просто хвастунишка и самый последний трус. Вопрос только в том, кто как себя ведет в минуты опасности: если человек в таких случаях сохраняет власть над своими чувствами и пытается бороться с опасностью, — мы называем его храбрецом; и наоборот, — если он раскисает, как снег в оттепель, и единственное спасение видит в бегстве от опасности, — имя ему трус. Страх — это первобытный инстинкт самосохранения, своего рода воля к жизни, и нет

такого живого существа, которому не было бы присуще это чувство.

Но настоящий страх, тот страх, который стоит на грани между разумом и безумием, я испытал не в лесных дебрях и не в диких ущельях. Это было совсем недавно, прошлой осенью, и вот при каких обстоятельствах.

Я вообще в охоте не знаю меры и в тот день увлекся больше обыкновенного. Вышел утром на часок пострелять зайцев, а вечер застал меня поблизости от Алешкинского хутора, в пятнадцати километрах от дома моего приятеля, у которого я тогда гостил. Я даже не заметил, как переменялась погода: небо заволоклось облаками, дул ветер, моросил мелкий осенний дождь. Шагать под дождем пятнадцать километров мне

Впервые рассказ был опубликован в журнале «Вокруг света» в 1928 году.

совершенно не улыбалось, и я решил заночевать на хуторе.

— Сегодня пыльщики с лесорубок у нас ночуют, тесновато немного, — сказал мне естретивший меня старик, когда я добрался до хуторских огоньков и изложил свою просьбу о ночлеге, — хотя заходи, — добавил он, — в тесноте, да не в обиде... Вишь, как погодка разыгралась...

И он повел меня в маленький домик, стоявший, как я заметил, в некотором отдалении от другого — большого — дома, в котором не светилося ни одного огня. Переступив порог, я остановился в нерешительности: комната была полна до отказа; не было ни одного свободного местечка, где бы можно было присесть.

— В самом деле, не очень просторно, — сказал я, — может быть, в другом доме будет посвободнее?

— Это в большем-то? Там совсем свободно, а только ночевать там ты едва ли будешь.

— А что, разве хозяин сердитый?

— Хозяина там нет. Сбежал помещик за границу.

— Дом, значит, пустой?

— Пустой.

— Почему же ты думаешь, что я не буду в нем ночевать?

— А так, — замылся старик, — нехорошо там... нечисто.

— То есть как нечисто? Мы, охотники, народ привычный. Было бы тепло и сухо, а особой чистоты нам не надо.

— Не в том дело... В доме очень даже чисто, а только поселилась там... нечисть.

— Какая нечисть? — изумился я.

— Известно какая... Привидения...

Я было подумал, что старик шутит, но он был вполне серьезен. Привидения на десятом году Советской власти? Да еще рядом с электрической станцией и трактором?! Я невольно рассмеялся.

— Значит, дом с привидениями? Это любопытно.

— Смейся, смейся, — обиженным тоном сказал старик, — вон наш председатель Тузов тоже так смеялся: «Какие там привидения? Дурман из опиума... Вот, — грит, — доберусь я до этого осинового гнезда, так у меня в два счета все привидения оттуда вверх тормашками повылетят!» А Тузов, можно сказать, герой, пять лет на войне отшлепал...

— И что же?

— Некогда ему все. А тут недавно один охотничек вроде тебя забрался в дом вскорости после сумерек, а погода прибегает белый весь, что твой снег. «Ну что?» — спрашиваю. «А ну его к чертям, — отвечает, — дом этот самый... Не иначе, — грит, — как придется в центре запрашивать. Все патроны стрелял...»

За мои многолетние скитания мне приходилось охотиться на всякую дичь и на всякого зверя, какие только водятся в пределах нашего Отечества. Но иметь дело с привидениями — этого еще не приходилось.

Я решил переночевать в таинственном доме...

Вы замечали, конечно, что дом, в котором не живут, выглядит всегда как-то угрюмо и неприветливо. Но этот показался мне прямо мрачным. С забитыми окнами, без единого луча света, на-

полненный тишиной и молчанием, он действительно был похож на какой-то зловеющий призрак. Добавьте к этому черную как чернила ночь, завывание осеннего ветра — и вы поймете, с какими чувствами я вошел в дом. Будь вы даже трижды современный человек, а при таких обстоятельствах вы не переступили бы порога этого дома без некоторого холодка в сердце.

Владелец дома, бывший помещик, хотя и сумел усидеть в своем гнезде несколько лет после революции, но все же чувствовал себя, по-видимому, непрочно: дом был добросовестно запущен. Когда я поднялся по шатким ступеням на крыльцо, я должен был истратить несколько спичек, чтобы вытащить ногу, застрявшую между прогнившими половицами. Из небольших сеней, где я спугнул целую стаю крыс, я попал в большую, с тремя окнами комнату, занимавшую в доме центральное положение. По словам старика, «нечисть» больше всего проявляла себя именно здесь. Так как в комнате была печь, то место показалось мне вполне подходящим для ночлега.

Но прежде чем предаться сладостному отдыху после шатания по лесным чащам, я решил более подробно осмотреть дом. Дело с «нечистой силой» для меня было вполне ясно: «привидения», если они действительно появлялись в доме, могли проникнуть в него, когда это было им нужно, таким же способом, как и всякий другой человек, то есть через дверь, окно или другое какое-либо отверстие. Ни о какой сверхъестественной чертовщи-

не я, конечно, не думал. Это, несомненно, были какие-нибудь местные шутники, решившие подурачить суеверных мужиков. Поэтому, обходя дом с фонарем в руке, главное внимание я уделил окнам, дверям, а также чердаку.

Помещик хорошо использовал декрет: даже арматуры электрического освещения, как «движимости», не осталось, и лишь кое-где уныло торчали ролики с концами проводов. Никакой мебели в доме не было, и это облегчило осмотр. Хотя мой глаз хорошо наметан, чтобы различить самые малейшие признаки, но я не заметил ничего подозрительного. Дом был мертв как могила.

Покончив с осмотром, я подумал об отдыхе. Так как старик, исполнявший на хуторе роль сторожа, категорически отказался переступить порог страшного дома — снабдив меня фонарем, он дошел со мной только до крыльца, — мне пришлось несколько раз сходить в сторожку, чтобы раздобыть соломки, кипятку и яиц на ужин. А когда и это было сделано, я растянулся на соломе посредине комнаты и почувствовал себя совсем плохо. В печке, потрескивая, ярко горел огонь; на полу пыхтел самовар; приятная теплота распространялась во круг. Чтобы почувствовать себя вполне счастливым, моему брату, лесному бродяге, нужно немного.

За стенами продолжала плеваться непогода, и дождь, не переставая, барабанил по крыше. Под его монотонный шум меня потянуло ко сну. Сначала я боролся с желанием заснуть, так как надо

было дать время «привидению», чтобы явиться в дом. Но время шло, «привидение» не являлось. Как я ни напрягал слух, ни один подозрительный звук не нарушал молчания дома.

Я незаметно заснул.

Случалось ли вам просыпаться среди глубокой ночи без всякой реальной причины, но с таким ощущением, точно кто разбудил вас? Так именно проснулся я. Спал крепко, а когда открыл глаза, сна как будто бы и не было — так были напряжены мои нервы. Первое, что вошло в сознание, это уверенность, что сейчас что-то должно произойти. И когда вслед за тем моего слуха коснулся странный звук, я не сомневался, что это и есть начало чего-то...

Кругом была абсолютная темнота. Нащупав рукой холодную сталь моего «зауэра»¹, я весь превратился в слух.

Странный звук шел откуда-то сверху. Это не был ни вой ветра, ни шум дождя. Точно так же этот звук не могли производить и крысы. Это был какой-то придушенный треск, чередовавшийся с шипением. Временами все это переходило в ужасный kloкочущий хрип. Отдаленно это напоминало хрипы, какие издает разъяренный, смертельно раненный кабан.

Нужно было зажечь фонарь, чтобы определить источник звуков. Полез в карман за спичками, но их там не оказалось. Стал шарить на полу около себя — также не нашел. Это была непростибельная оплошность. Ложась

спать, я обыкновенно никогда не забывал положить спички в определенное место, чтобы в случае надобности быстро найти их. Так как печь потухла, то мне предстояло действовать в полной темноте.

Загадочные звуки между тем не прекращались. Временами они лишь прерывались, точно их что-то задерживало, а потом снова возобновлялись. Приглушенность звуков говорила за то, что их источник не мог находиться в той комнате, где был я. А так как звуки падали сверху, то, следовательно, тот или 'то, что их производило, могло находиться только наверху, то есть на чердаке. Чердак, как известно, испокон века считается излюбленным местопребыванием всякой «нечисти».

Если я хотел изловить «привидение» на месте действия, мне надо было подняться на чердак. В том, что там забавлялся, пугая меня, какой-то шутник, я ни капли не сомневался. Доносившиеся с чердака звуки могли производиться только искусственным путем.

Сняв сапоги, чтобы меньше производить шума, я ощупью вышел в сени, где была лестница на чердак, и, держа в одной руке ружье, стал взбираться по ступеням. Тут звуков не было слышно, но, когда я почувствовал под собой мягкий настил потолка, они посылались снова, и притом гораздо громче. Это подтверждало мое предположение о нахождении их источника на чердаке.

И вот, затаив дыхание, сжимая в одной руке ружье, а другую вытянув вперед, чтобы не наткнуться на какое-либо препятствие, я дви-

¹ Известная марка охотничьих ружей.

нулся к этому месту, откуда неслись шипенье и хрип. Ни к одному зверю не подходил я с такой осторожностью, с которой крался к этой «нечисти». Источник звуков становился все ближе и ближе. Вот он где-то около меня. Кто-то, захлебываясь, хрипит в темноте так, точно его душат. Пора было положить конец этой комедии. Курок ружья у меня был взведен. Подняв дуло вверх, я выстрелил...

Мой план был прост: подойти в темноте возможно ближе к «привидению» и произвести около него выстрел. Я сам хотел напугать его. Нужно иметь стальные нервы, чтобы сохранить при таких обстоятельствах самообладание. Такой прием употребляют, например, для определения годности желающих сделаться летчиками. Прикрепляют к руке, там, где бьется пульс, маленький приборчик, сажают на стул и начинают вести самые невинные разговоры, а потом над головой испытуемого неожиданно производят выстрел из револьвера. Прибор на руке записывает скачки пульса, и по этим скачкам определяется степень его самообладания.

Стреляя в воздух, я ожидал, что «привидение» тотчас же прекратит свои глупые шутки. По моим расчетам, оно должно было или тотчас же броситься наутек, или остаться на месте, обалдев от страха. Неожиданность выстрела даже на крупных зверей действует ошеломляюще. И если бы после выстрела кто-нибудь в темноте дико завыл, захохотал или даже набросился бы на меня, я и этому не удивился бы: это

соответствовало бы и природе «нечисти», и той обстановке, в которой все это происходило.

Но на самом деле произошло нечто совершенно невероятное... Как только смолкло эхо выстрела, страшные хрипы мгновенно прекратились. И тотчас же моих ушей коснулся другой звук. О, я никогда не забуду этого звука!..

Он был так прекрасен и нежен, что у меня перевернулась душа. Начавшись с низкой вибрирующей ноты, этот звук, как река в половодье, ширился, рос и скоро заполнил собой все. Вокруг не было ничего, кроме этого звука!

Это кто-то невидимый в темноте играл на скрипке...

А теперь вообразите себя на моем месте. Темный, хоть глаза выколи, чердак; охота за «привидением»; оглушительный звук выстрела... И вдруг игра на скрипке... Да какая игра! Я очень люблю скрипку и чуточку смыслю в игре на ней. Это была прекрасная игра — игра большого мастера. Когда я слышал вибрирующие рыдающие звуки, мне показалось, что кругом зажглись чудесные огни... И вот я спрашиваю: каковы были бы ваши ощущения, если бы вы тогда были на чердаке?

Конечно, будь это при других обстоятельствах, я с большим удовольствием прослушал бы чудесную мелодию. Но скачок был слишком велик — он не мог уложиться в моем сознании. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы «привидения» играли на скрипке. Кто, в самом деле, мог на чердаке этого за-

брошенного дома так чудесно играть на скрипке? И что, в конце концов, все это значит? Холодный ужас зазмеялся у меня в голове.

Может быть, это продолжалось очень недолго, но мне показалось, что прошла целая вечность, пока играла в темноте таинственная скрипка. В эти мгновенья я не жил, — я весь был парализован ужа-

был бы не в силах перенести. Страх еще цепко держал меня в своих лапах. Звуки скрипки давно смолкли, и только дождь однообразно стучался в крышу. Я попытался взять себя в руки.

«Что за чепуха, — подумал я. — Или все это я вижу во сне, или просто галлюцинирую...»

И я стал открывать крыш-

Рисунки Б. ДОЛЯ

сом. Первый проблеск сознания вернулся ко мне, когда замерла последняя нота. И тут я вдруг почему-то вспомнил, куда, ложась спать, девал спички. Они лежали в прикладе ружья. Как не мог вспомнить я этого раньше?

Однако у меня не хватило духа зажечь огонь. Я боялся увидеть нечто такое, чего

ку в прикладе ружья, чтобы достать спички, но тут новая волна ужаса захлестнула меня. Почти у самого моего уха чей-то невидимый голос вдруг заговорил из темноты.

Остальное помню смутно. Кажется, я все же зажег спичку. Я стоял среди чердака неподалеку от печной трубы. Вокруг никого не было. Как во сне обошел я трубу,

заглянул в углы, посмотрел слуховое окно — оно было забито. Чердак был пуст. Пуст, как бутылка у пьяницы.

Дальше в моей памяти полный провал. Вероятно, я бросился к люку, чтобы бежать с чердака, но у меня не было больше спичек: в темноте я не мог найти выхода. Сколько времени продолжался этот кошмар? Этого я никогда не узнаю. Несомненно только то, что тогда я был у последнего предела, за которым начинается безумие...

Опомнился я только тогда, когда произошло нечто такое, что должно было бы показаться не менее странным, как и все предыдущее. А между тем оно-то и спасло меня если не от смерти, то, во всяком случае, от сумасшествия. Ползая в безумном ужасе по чердаку в поисках выхода, я вдруг услышал тягучий мелодичный звон. Этот звон напомнил мне что-то хорошо знакомое. Я застыл в изумлении, прислушиваясь. Да, это был тот самый звон! И тогда точно пелена упала с моего затуманенного ужасом мозга: я понял все...

Если бы кто-нибудь мог видеть меня в тот момент,

он подумал бы, что я сошел с ума: я, стоя в темноте, хохотал. Хохотал на весь дом, хотя мой разум был в порядке.

Теперь вы сами можете догадаться, в чем дело. Утром я полез на крышу этого дома и нашел все так, как ожидал. Антенна была протянута по самому коньку крыши, отвод от осветительного провода был сделан незаметно почти у входа, а приемник с усилителем искусно спрятан в потолке, как раз над той комнатой, в которой я расположился для ночлега. Короче говоря, в тот вечер я слушал обрывки концерта по радио из Москвы. Передача, как всегда, закончилась боем кремлевских часов. Это и помогло мне распутать всю хитроумную штуку: сотрясение при выстреле случайно восстановило плохой контакт в установке.

Бывший помещик, надо полагать, был очень зол на мужиков за свое выселение с насиженного места, если не поспешил на покупку радиоприемника с усилителем. Его изощренная месть, однако, не удалась: в его доме сейчас разместилось правление совхоза, а радиоприемник передан в сельский клуб...

На 1-й стр. обложки — рисунок А. ГУСЕВА к рассказу М. БЕЛЕНЬКОГО и Л. СКРЯГИНА «Один на один с собой».

На 2-й стр. обложки — рисунок В. КОЛТУНОВА к рассказу Д. БИЛЕНКИНА «Город и Волк».

На 3-й стр. обложки — рисунок Б. ДОЛЯ к рассказу А. СМИРНОВА «Дом с привидениями».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, А. А. НОДИЯ, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ

**Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА**

**Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.**

**Сдано в набор 21/X 1970 г. Подп. к печ. 4/I 1971. А01103.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж
300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2161**

**Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцеская, 21.**

ВОКРУГ СВЕТА

Мирская основан в 1867 году

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦН ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики

...Я спросил стоящего у обрыва скалолаза: «Что самое страшное?» Он задумался. Видно было, как из многого страшного он пытается выбрать одно и с какой неохотой он вообще размышлял об этом.

— Страшно, когда камень уходит из-под ног.

Читайте
в третьем номере
«ВОКРУГ СВЕТА»